

Михаил Булгаков

Ранняя несобранная проза

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

Michail Bulgakov - 9783954795468

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 05:49:37AM

via free access

00041302

176. 1431(20)

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK · 20
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

М и х а и л   Б у л г а к о в

Р А Н Н Я Я   Н Е С О Б Р А Н Н А Я   П Р О З А

Составление Ф. Левина и Л.В. Светина

Предисловие Ф. Левина

1978

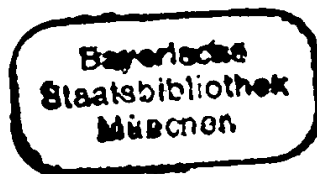
München · Verlag Otto Sagner in Kommission

Zum zweiten Male können in dieser Reihe wichtige, der Forschung bisher nicht zugängige Texte Michail Bulgakovs veröffentlicht werden. In Zeitungen wie "Gudok" und kleineren Zeitschriften sind sie in den zwanziger Jahren in der Sowjetunion erschienen, nur wenige wurden, z.T. gekürzt, nach Bulgakovs später Rückkehr in die russische Literatur nachgedruckt.

Sie erweitern das Bild vom frühen Bulgakov, sie ergänzen die Vorstellung vom Alltag in der Sowjetunion nach der bolschewistischen Machtergreifung, sie bilden ein Stück geretteter russischer Literatur. Ich danke dem Verein der Freunde und Förderer der Universität Köln, der die Textaufbereitung unterstützte, danke Herrn Dr. Levin und allen an der Ausgabe Beteiligten.

W.K.

Die Zeichnungen auf den Seiten 53 und 161 stammen
von Valentin Vorob'ev, Paris.
Sie wurden für diese Ausgabe angefertigt.

Als Manuskript vervielfältigt
Alle Rechte vorbehalten
ISBN 3 87690 147 2

Gesamtherstellung Walter Kleikamp · Köln

29/3385

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник ранних фельетонов и рассказов Михаила Афанасьевича Булгакова (1891-1940) является продолжением книги "Михаил Булгаков, Ранняя неизданная проза", вышедшей в этой же серии.¹ Если в предыдущей публикации впервые в собранном виде представлены прозаические произведения писателя, публиковавшиеся в эмигрантской просоветской газете "Накануне", то в предлагаемом сборнике делается попытка репрезентативного подбора фельетонов и рассказов, которые вышли между 1921 и 1926 годом в Советском Союзе.

До настоящего времени исследование ранних произведений Булгакова осложнялось тем, что многие из его подчас блестящих прозаических миниатюр двадцатых годов были напечатаны в таких почти недоступных сегодня газетах и журналах, как "Коммунист" (Владикавказ, ныне Орджоникидзе), "Красная нива", "Красный перец", "Красный журнал для всех", "Рупор" и "Медицинский работник". Это обстоятельство заставило и некоторых советских специалистов-булгаковедов выдвинуть требование систематического собирания этих ранних прозаических очерков.² К сожалению, в настоящий момент эта задача может быть выполнена только западными славистами, так как даже те скудные перепечатки, которые появляются главным образом в "Литературной газете", содержат сильные цензурные купюры (подробности см. в приложении). К тому же из имеющихся в Библиотеке им. Ленина полных подшивок газеты железнодорожников "Гудок", в которой Булгаков в 1923-1926 годах поместил более 100 материалов, вырезаны целые страницы из номеров соответствующих лет издания, а рукописи дошли до нас лишь с 1929 года.³ Вследствие этого, задача настоящего сборника состоит не только в том, чтобы сделать доступными для читателей, в первую очередь для булгаковедов, его ранние избранные прозаические работы, но и прежде всего в том, чтобы сохранить для потомков произведения одного из крупнейших русских писателей нашего века.

В противоположность строго хронологической последовательности расположения публикаций из "Накануне" в "Ранней неизданной прозе" материал в настоящем сборнике распределен по критерию жанрово-содержательному, так как он выбран из различных газет, журналов, сборников и, следовательно, распределение по датам не соответст-

вовало бы попытке раскрыть обе стороны булгаковского таланта, сатирически-гротескную и реалистическую.⁴ Так, рассказ "Ханский огонь", который был опубликован в "Красном журнале для всех" в 1925 году⁵, резко отличается с точки зрения манеры повествования от фельетона в "Гудке" за этот же год. (Подробности см. в примечаниях к "Ханскому огню" стр. 250). Тематически варьируются и прозаические произведения, напечатанные в этой газете. Описание гражданской войны на Украине и попытки убийства еврея Абрама в "Налете" выводит этот рассказ за рамки сатирического изображения советского быта, которое характерно для других булгаковских публикаций в "Гудке", и объединяет его с "Белой гвардией" (1925) и очерком "Ночь на третье число", представляющим собой подступ к этому роману.⁶ Исходя из этих соображений, составители сочли целесообразным распределить материал данного сборника по двум разделам: "Из сатирических фельетонов и рассказов" и "Из несатирических и автобиографических рассказов".

Хотя это распределение и грубо, но более детальное членение привело бы к раздробленности, ибо всего лишь одна или две прозаические работы вошли бы в один и тот же раздел. Внутри же этих двух разделов сохранен хронологический принцип.

Большая часть перепечаток в первой части принадлежит к жанру фельетона, который благодаря расцвету газетного дела в двадцатых годах и вовлечению в него нового круга читателей приобрел большую популярность. "Маленький фельетон" этих лет представляет собой смешение форм газетного репортажа и литературного прозаического очерка. В предисловии к сборнику статей "Фельетон" Юрий Тынянов и Б.Казанский следующим образом характеризуют это отношение между фактом и вымыслом: "По методам разработки фельетон - явление литературное, по своему отношению к факту - вне-литературное".⁷ У Булгакова выше сказанное выражается в том, что он предпосылает многим фельетонам цитату из письма какого-нибудь "рабкора" и содержащуюся в ней информацию использует в качестве повода для юмористического рассказа. Примерами могут быть "Лестница в рай", "Они хотят свою образованность показать", "Кондуктор и член императорской фамилии". Решающим обстоятельством является тот иронический контраст, в котором находятся предпосланное письмо или вводящий в дело официальный документ с последующей ли-

тературной версией. "В общем же употребление делового документа всегда иронично, косные, штампованные строки канцелярского красноречия сами по себе дают нужный эффект, как контрастирующие с текстом фельетона, всегда эмоционально окрашенным".⁸

Другим важным признаком фельетона двадцатых годов является заголовков, который благодаря своему таинственному характеру призван сразу приковать внимание читателя.⁹ Такие названия, как "Приключение покойника", "Глав-полит-богослужение", "Когда мертвые встают из гробов" и "Развратник" свидетельствуют, что Булгаков мастерски владел техникой возбуждения читательского интереса.

Двойственный характер фельетона, определяющий его положение между газетной статьей и рассказом, диктует литературность его языка. "В отличие от деловой прозы, в которой основной задачей речевой работы является целесообразное построение синтаксических фигур, фельетон тесно связан с работой над лексикой. Словарь является выразительнейшим средством фельетона".¹⁰ Так часто возникает техника "сказа".¹¹ Способ изображения действительности, который основывается на описании события с позиции рассказчика, принадлежащего к определенному слою, типичен для многих фельетонов Булгакова. Элементы такой повествовательной манеры мы находим, в частности, в "Беспокойной поездке", в "Геркулесовых подвигах светлой памяти брандмейстера Назарова", в "По поводу битья жен", в "Когда мертвые всаут из гробов". Если Булгаков хотел провоцирующими заголовками разбудить интерес читателей, он находил как раз в сказе подходящее средство наибольшего приближения к читательской аудитории. Так как большинство рассказчиков в булгаковских фельетонах "Гудка" происходит из среды железнодорожников, то читатель, к которому обращается Булгаков, мог себя отождествлять с рассказчиком. Согласно Е.Журбиной, "сказ" выполняет функцию связующего члена: "Личностный тон играет в фельетоне роль моста между фактически значимым материалом и читателем".¹²

Фельетоны Булгакова в большинстве случаев сценичны и могли бы поэтому быть переработаны в одноактные пьесы.¹³ Это относится в особенности к сильно диалогизированным "Приключению покойника", "Глав-полит-богослужению", "Гениальной личности", "Они хотят свою образованность показать", "Банщице-Ивану" и "Колесу судьбы". Родство с драмой особенно отчетливо в "Пожаре", где полностью отсут-

ствуется комментарий эпического повествователя и происходящее выясняется лишь из реплик действующих лиц.

Некоторые ранние сатиры Булгакова обнаруживают точки соприкосновения с поздними произведениями писателя. Так, сцена предсказания в "Мадмазель Жанне" проецируется непосредственно на двенадцатую главу романа "Мастер и Маргарита" ("Черная магия и ее разоблачение"). "Геркулесовы подвиги светлой памяти брендмейстера Назарова" и "Спектакль в Петушках" точно соответствуют сюжетно позже возникшим "Брендмейстеру пожарову" и "Варфоломеевской ночи", которые были опубликованы как части 1 и 4 в "Золотых документах", напечатанных в "Накануне". С эстетической точки зрения они слабее соответствующих частей в "Золотых документах", что свидетельствует о том, как интенсивно Булгаков добивался наилучшей формы именно тематического сюжета. Сходные отношения существуют между "Ванькиным дураком" из цикла "Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтovichа Капорцева" и второй частью "Золотых документов" ("Крокодил Иванович"). В "Ванькином дураке" Булгаков значительно расширяет историю октябрин двух новорожденных девочек, из которых одна умирает, а мать другой, испугавшись, отдает попу крестить свою дочку.

Литературное качество ранних булгаковских фельетонов и рассказов неодинаково. Только чтобы это проиллюстрировать, приводятся такие сравнительно слабые прозаические очерки, как "Беспокойная поездка" и "Неунывающие бодистки". Большинство же перепечаток может выдержать сравнение с большими сатирами, такими, как "Похождения Чичикова" (1922), "Дьяволиада" (1924) и "Собачье сердце" (1925).

Еленой Сергеевной, вдовой писателя, были отобраны для включения в полное собрание сочинений, которое так и не вышло до сегодняшнего дня, фельетоны "Лестница в рай", "Кондуктор и член императорской фамилии", "Пожар", "Горемыка Всеволод", "Тайна несгораемого шкафа", "Бубновая история", "Типаж", "Воспаление мозгов", "Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтovichа Капорцева", "Паршивый тип", "Вода жизни", "Площадь на колесах" и "Египетская мумия".¹⁶

С сегодняшней точки зрения можно лишь удивляться, с какой беспощадной откровенностью позволял себе Булгаков в двадцатые годы критиковать недостатки советской жизни. Например, страдающий скоротечной чахоткой больной ("Приключение покойника") получает разрешение поехать в Москву, чтобы там сделать рентгеновский снимок,

только после своей смерти, а без этого снимка ему даже не позволено попасть на кладбище. В "Гениальной личности" секретарь участка составляет протокол с точными результатами голосования еще накануне самого собрания профсоюза железнодорожников. "Колесо судьбы" описывает идеальную дружбу двух станционных служащих. После того, как один из них назначается на пост председателя, а другой лишь на пост секретаря месткома, эта дружба превращается в глубочайшую ненависть. За драку между ними их лишают новых постов, и все возвращается к прежнему. Наличие и в наши дни социальных пороков, разоблачаемых Булгаковым еще в двадцатые годы, таких, как бюрократия, тирания людей, занимающих высокие посты в патриной иерархии, и карьеризм, препятствует переопубликованию этих трех фельетонов в стране.¹⁷

Удивительно, как при композиционном совершенстве многих булгаковских миниатюр они могли быть написаны художником в такое короткое время. В автобиографической архивной записи "Мне приснился сон" Булгаков изображает в типичной для него насмешливо-лаконичной манере процесс своего творчества: "Открою здесь еще один секрет: сочинение фельетона строк в семьдесят пять - сто занимало у меня, включая сюда и курение и посвистывание, от восемнадцати до двадцати минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой - восемь минут. Словом, в полчаса все заканчивалось".¹⁸ Разумеется, в таком высказывании речь идет о "understatement", Булгаков значительно преуменьшает действительный расход времени. Но все же частотность его публикаций в "Гудке" (иногда интервал между ними был всего лишь один день) свидетельствует о том, как спорилась у него работа над фельетонами. Несколько точнее о процессе возникновения таких прозаических очерков пишет М.Кольцов, известный фельетонист "Правды" в двадцатые годы. Процесс этот должен быть по возможности кратким, как того требует журналистская профессия: "Литературное оформление материала, образующего фельетон, приходит одновременно с обдумыванием общей пригодности материала для использования. Момент встречи общественно-политического смысла факта с найденной для него литературной формой, т.е. "примерка" его к дополняющим, противопоставляемым или сопоставляемым фактам - это и есть момент электрического соединения, образование "фельетонной искры", после которой остается только техническое

осуществление вещей. Впрочем, нередко, литературные мотивы, схемы, начала, концовки, целые литературные задания зарождаются сами по себе и бродят, пока не пристроятся к какому-нибудь конкретному материалу".¹⁹

Большинство прозаических текстов, печатаемых в разделе "Из сатирических фельетонов и рассказов", было впервые помещено в газете железнодорожников "Гудок", в которой публиковались также В. Катаев²⁰, Ю. Олеша, И. Ильф и Е. Петров. Их короткие сатиры и стихотворения появлялись главным образом на последней странице, на так называемой "Четвертой полосе". В одноименной главе своих воспоминаний "Повесть о жизни" К. Паустовский описывает работу этих молодых писателей: "Редакционная эта комната называлась странно: "Четвертая полоса". В простенке висела стенная газета "Вопли и сопли". В этой комнате готовили последнюю, четвертую полосу (страницу) газеты "Гудок". На этой полосе печатались письма читателей, но в таком виде, что ни один читатель, конечно, не узнал бы своего письма. "Сотрудники "Четвертой полосы" делали из каждого письма короткий и талантливый рассказ, - то насмешливый, то невероятно смешной, то гневный, а в редких случаях даже трогательный".²¹ Благодаря "Четвертой полосе" "Гудок" пользовался необыкновенной популярностью у железнодорожников.²² Об этом свидетельствует упоминание газеты у Платонова, многие рассказы и повести которого ("В прекрасном и яростном мире", "Жена машиниста", "Происхождение мастера", "Сокровенный человек") описывают эту среду. В рассказе "Фро" отец заглавной героини, который, будучи на пенсии, все же самоотверженно отдается своей прежней профессии железнодорожника, по утрам ходит в депо, чтобы читать "Гудок".²³

Свои фельетоны в "Гудке" Булгаков помещал под различными псевдонимами, например, Герасим Петрович Ухов, Ф. С-ов, Маг., Михаил, Эмма Б., М. Ол-райт. В предлагаемых публикациях они сохранены, подписи же истинные (Михаил Булгаков, М. Булгаков) опущены.

Второй раздел содержит рассказы, в которых сатирический элемент уступает место автобиографическим черточкам, о чем свидетельствует повествование от первого лица в "Необыкновенных приключениях доктора", в "Богеме", в "Звездной сыпи", в "Я убил" и в "Мне приснился сон".

Показательным для до сих пор еще почти не исследованного периода жизни Булгакова (от конца 1919 до начала 1920 года), является рассказ "Необыкновенные приключения доктора", в котором в форме дневника передается история некоего доктора Н. За маской рассказчика скрывается сам Булгаков. Пристрастие заглавного героя рассказа к зеленой лампе и книгам в его кабинете свойственно было Булгакову киевского периода. Постоянная смена властей в неназванном родном городе доктора Н. напоминает о захватах Киева то петлюровской армией, то большевиками. Упоминание Владимирской, еще сегодня существующей под этим названием центральной улицы украинской столицы, устраняет всякие сомнения в действительном месте действия. Автобиографичен также и факт мобилизации доктора различными властями. Доктор Н. покидает свой город с отрядом белых казаков и идет с ними на Кавказ. Последней в рассказе упомянута дата "Февраль". Булгаков сообщал позже своему другу Попову, что он покинул Киев в августе 1919 года. В этом месяце в Киев вступили солдаты Деникина. Можно, таким образом, предположить, что Булгаков в "Необыкновенных приключениях доктора" описывает свой собственный путь с деникинской армией на Кавказ, где он в 1920-1921 году во Владикавказе начал свою литературную карьеру.²⁴

Единственными прозаическими работами, в которых отстывает автобиографический элемент, являются "Налет" и "Ханский огонь".

Следуя своему верному художественному чутью, Булгаков избирает форму повествования от третьего лица. Оба эти рассказа, более длинные в сравнении с публикациями в "Гудке", доказывают, сколь суверенно Булгаков уже в то время, когда его основная деятельность лежала в области сатирического фельетона, совершенствует реалистическую прозу с трагическими компонентами, достигшую у него высшего пункта в "Белой гвардии" и в исторической части "Мастера и Маргариты".

О связи "Налета" с романом Булгакова о войне уже говорилось.²⁵ "Ханский огонь" также связан с одним более крупным произведением, которое, однако, не было закончено. В 1921-23 годах Булгаков собирал материалы для драмы о Распутине и его убийце князе Юсупове. 17 ноября 1921 года он пишет в Киев: "Передайте Наде (Н.А.Земская, одна из сестер писателя) нужен весь материал для исторической драмы - все, что касается Николая и Распутина в период 16- и 17-го

годов (убийство и переворот). Газеты, описание дворца, мемуары, а больше всего "Дневник" Пуришкевича - до зарезу! Описание костюмов, портреты, воспоминания и т.д. Она поймет".²⁶ Поместье князя Тугая, подробно описанное в рассказе, напоминает многими чертами Архангельское, расположенную недалеко от Москвы резиденцию Юсупова, где Булгаков занимался подготовкой к написанию новой пьесы.²⁷

В "Богеме" Булгаков описывает свою литературную деятельность во Владикавказе, где он зарабатывал себе на жизнь в качестве "драмодела" и сотрудника местных газет. Возможно, что упоминаемый в этом рассказе первый фельетон - это и есть тот прозаический очерк "Неделя просвещения", с которого открывается настоящий сборник.²⁸ Под "революционной пьесой из туземного быта" имеется в виду, возможно, неопубликованная драма "Сыновья муллы".

Рассказ "Звездная сыпь" принадлежит к той же тематике, что "Записки молодого врача", в которых Булгаков описывает свою деятельность молодого медика в Смоленской губернии в 1917 году. Его нет ни в первом издании "Записок врача" (1963), ни в вышедшем под редакцией Вл. Лакшина сборнике "Избранная проза" (1966).

В то время как биографическая основа "Звездной сыпи" не вызывает сомнений, заметная литературная обработка в "Я убил", в котором рассказ от первого лица введен в обрамляющее авторское повествование, не дает права на такую классификацию без дополнительной информации. В беседе с Л. Милн, шотландской специалисткой по Булгакову, Е. А. Земская, племянница писателя, сообщила, что ее дядя был мобилизован в петлюровские войска.²⁹ Поэтому возможно, что поступок доктора Яшвина находит свое соответствие в биографии Булгакова.

В "Мне приснился сон" речь идет об одном отрывке из рукописи "Тайному другу", раннем варианте начала "Театрального романа", датированного сентябрем 1929 года.³⁰ В нем Булгаков описывает в типичной для него мистифицирующей манере свою литературную работу для "Гудка" и "Накануне", которое названо прозрачным псевдонимом "Сочельник"; речь идет о том периоде творчества писателя, в который возникли произведения, напечатанные в настоящем сборнике, а также в "Ранней неизданной прозе". Сон в начале рассказа подтверждает автобиографическую основу сцен погромов, устроенных петлюровцами в Киеве, которые литературно обработаны в рассказах

"Налет", "Ночь на третье число" и в романе "Белая гвардия".

В изданиях, подобных предлагаемому, подготавливаемых вне Советского Союза, без доступа к советским архивам, нет возможности сравнивать публикуемые тексты с рукописями. В нашем случае было невозможно даже сравнивать отдельные тексты с первым изданием. В основном пришлось разыскивать самиздатовские списки, которые курсируют в московских любительских кругах. При этом нельзя исключить возможности отдельных ошибок. Но чтобы доля этих ошибок была как можно меньшей, тексты были сопоставлены со всеми найденными перепечатками.

Приобретением материала я обязан моему соиздателю Л.С.Светину, моим друзьям К. и Г., господам доктору Ж.Медведеву и доктору А. Дравичу, который также и критически просмотрел это предисловие. Господин профессор В.Казак сделал возможной публикацию этого сборника, включив его в свою серию "Arbeiten und Texte zur Slavistik", а также сделав ценные указания.

Госпожа Б.Раульвинг напечатала текст, а господин доктор Герман Файн взял на себя корректуру языка текстов.

Всем им выражаю свою глубокую благодарность.

Volker Levin

¹ М.Булгаков, Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф.Левина. München 1976. (Arbeiten und Texte zur Slavistik.12.)

² В.Лакшин, Уроки Булгакова. В: "Памир" 1972.4, стр. 57-62(58); А.Булис, Предисловие к фельетону "Кондуктор и член императорской фамилии". В: "Литературная газета" 7.11.1973, стр.16; Л.Яновская, "О рассказе Михаила Булгакова "Ханский огонь". В: "Наш современник" 1974.2, стр.124-126(124).

³ М.Чудакова, Архив М.А.Булгакова. В: Записки отдела рукописей. Вып. 37. Москва 1976, стр.25-151(29).

⁴ О функции этих двух способов повествования в поздних произведениях ср. V. Levin, Das Grotteske in Michail Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. München 1975, стр.114-117 (Arbeiten und Texte zur Slavistik.6.)

⁵ Библиографический указатель к первым публикациям, перепечаткам, вариантам текста, купюрам цензуры и переводам на немецкий и английский языки приводятся в приложении.

⁶ М.Булгаков, Ранняя неизданная проза. München 1976, стр.34-36. Первая публикация: "Накануне. (Литературное приложение) 10.12.1924, стр.3-6. Об отношении к роману см. также предисловие к "Ранней неизданной прозе", стр.6.

⁷Ю.Тынянов и Б.Казанский, "От редакции". В кн.: Фельетон. Сборник статей под ред. Ю.Тынянова и Б.Казанского. Ленинград 1927, стр.5-9(7) (цитируется по перепечатке: K-Slavica. Arbeiten und Texte. № 2/3. Времен 1973).

⁸Е.Журбина, Новый бытовой фельетон в газете. В сборнике: Фельетон, стр.30-40(38).

⁹И.Груздев, Техника газетного фельетона. В сборнике: Фельетон, стр.13-29(19).

¹⁰Груздев, стр.24.

¹¹Груздев, стр.25.

¹²Журбина, стр.37.

¹³Ср. также Л.Ф.Ершов, Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). Ленинград 1977, стр.128.

¹⁴Первая публикация: "Накануне", 6.4.1924, стр.3. Перепечатка части 1: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смеяч". Ленинград 1926, стр.27. Обе части: в кн.: М.Булгаков, Ранняя неизданная проза. Мюнхен 1976, стр.155-156 ("Брандмейстер пожаров"), стр.157 ("Варфоломеевская ночь").

¹⁵Первая публикация: "Накануне", 6.4.1924, стр.3. Перепечатка: Ранняя неизданная проза, стр.156-157.

¹⁶За эту информацию я благодарен господину доктору А.Дравичу, одному из лучших знатоков Булгакова.

¹⁷Тем удивительнее, что Ершов, ортодоксальный литературовед, подробно останавливается на "Приключении покойника". Сатирические жанры русской советской литературы, стр.123-124. Здесь проявляется основная тенденция книги. Ершов одобряет советских сатириков не только за положительную, но и за отрицательную критику современности. "Выяснилось, например, что сатира не просто может, но и должна иметь дело не только с пороками отжившего общественного строя, но и брать на прицел те издержки и трудности, которые объясняются противоречиями нашего собственного роста", стр.15.

¹⁸стр.242 этого сборника.

¹⁹Фельетонисты о своей работе. М.Кольцов, в кн.: Фельетон, стр.49-50(49).

²⁰В своих воспоминаниях В.Катаев создает довольно отрицательный портрет Булгакова, который выступает под псевдонимом "синеглазый". Это, возможно, связано с неудачей в любовных отношениях Катаева с сестрой Булгакова. В.Катаев, "Алмазный мой венец". В: "Новый мир" 1978.6, стр.3-146(39-51), (143-144).

²¹К.Паустовский, "Четвертая полоса". В: К.Паустовский, Собрание сочинений в восьми томах. Т.5. Москва 1968, стр.418-428(419).

²²В.Катаев пишет, что сатирические стихи Олеси, который печатался в "Гудке" под именем "Зубило", были более популярны, чем фельетоны Булгакова. Алмазный мой венец, стр.90-91. Свою дружбу с Олешой, который носит псевдоним "Ключик", Катаев изображает подробнее и значительно позитивнее, чем свои отношения с Булгаковым.

²³ А. Платонов, Избранные рассказы. Москва 1958, стр.65.

²⁴ Эти высказывания взяты, в основном, из соответствующих мест неопубликованной работы: L. Milne, The Emergence of Mikhail Bulgakov as a Dramatist. Ph.D. Thesis. Cambridge 1975, стр.54. Первая из известных нам, опубликованная работа Булгакова имеется в этом сборнике: стр.23-27.

²⁵ См. стр.6.

²⁶ Цитируется по: Л. Яновская, "О рассказе Михаила Булгакова "Ханский огонь". В: "Наш современник" 1974.2, стр.124-126 (125).

²⁷ Там же стр.125.

²⁸ М. Булгаков, Неделя просвещения. В: "Юность" 1974.7, стр.109-111. Предисловие Л. Яновской стр.109.

²⁹ L. Milne, The Emergence of Mikhail Bulgakov as a Dramatist, стр.51.

³⁰ М. Булгаков, "Мне приснился сон". В: "Неделя" 1974.43, стр.10-11. Предисловие Л. Яновской стр.10.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<u>1. Из сатирических фельетонов и рассказов</u>	
Неделя просвещения	23
<i>Примечания</i>	245
Спиритический сеанс	28
<i>Примечания</i>	245
Беспокойная поездка	35
<i>Примечания</i>	245
Лестница в рай	39
<i>Примечания</i>	245
Спектакль в Петушках	41
<i>Примечания</i>	245
Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова	43
<i>Примечания</i>	245
Просвещение с кровопролитием	45
<i>Примечания</i>	245
Охотники за черепами	47
<i>Примечания</i>	245
Приключение покойника	51
<i>Примечания</i>	245
Глав-полит-богослужение	55
<i>Примечания</i>	245
Игра природы	58
<i>Примечания</i>	245
Библифетчик	62
<i>Примечания</i>	245
Три вида свинства	64
<i>Примечания</i>	246

Гениальная личность	67
<i>Примечания</i>	246
Они хочуть свою образованность показать	70
<i>Примечания</i>	246
Мадмазель Жанна	73
<i>Примечания</i>	246
Кондуктор и член императорской фамилии	76
<i>Примечания</i>	246
Неунывающие бодистки	79
<i>Примечания</i>	246
Банщица-Иван	81
<i>Примечания</i>	246
О пользе алкоголизма	84
<i>Примечания</i>	246
Смычкой по черепу	87
<i>Примечания</i>	246
Двуликий Чемс	90
<i>Примечания</i>	246
Работа достигает 30 градусов	93
<i>Примечания</i>	246
Караул	96
<i>Примечания</i>	246
Человек с градусником	98
<i>Примечания</i>	247
По поводу битья жен	101
<i>Примечания</i>	247
Когда мертвые встанут из гробов	103
<i>Примечания</i>	247
Пожар	106
<i>Примечания</i>	247
Летучий голландец	108
<i>Примечания</i>	247

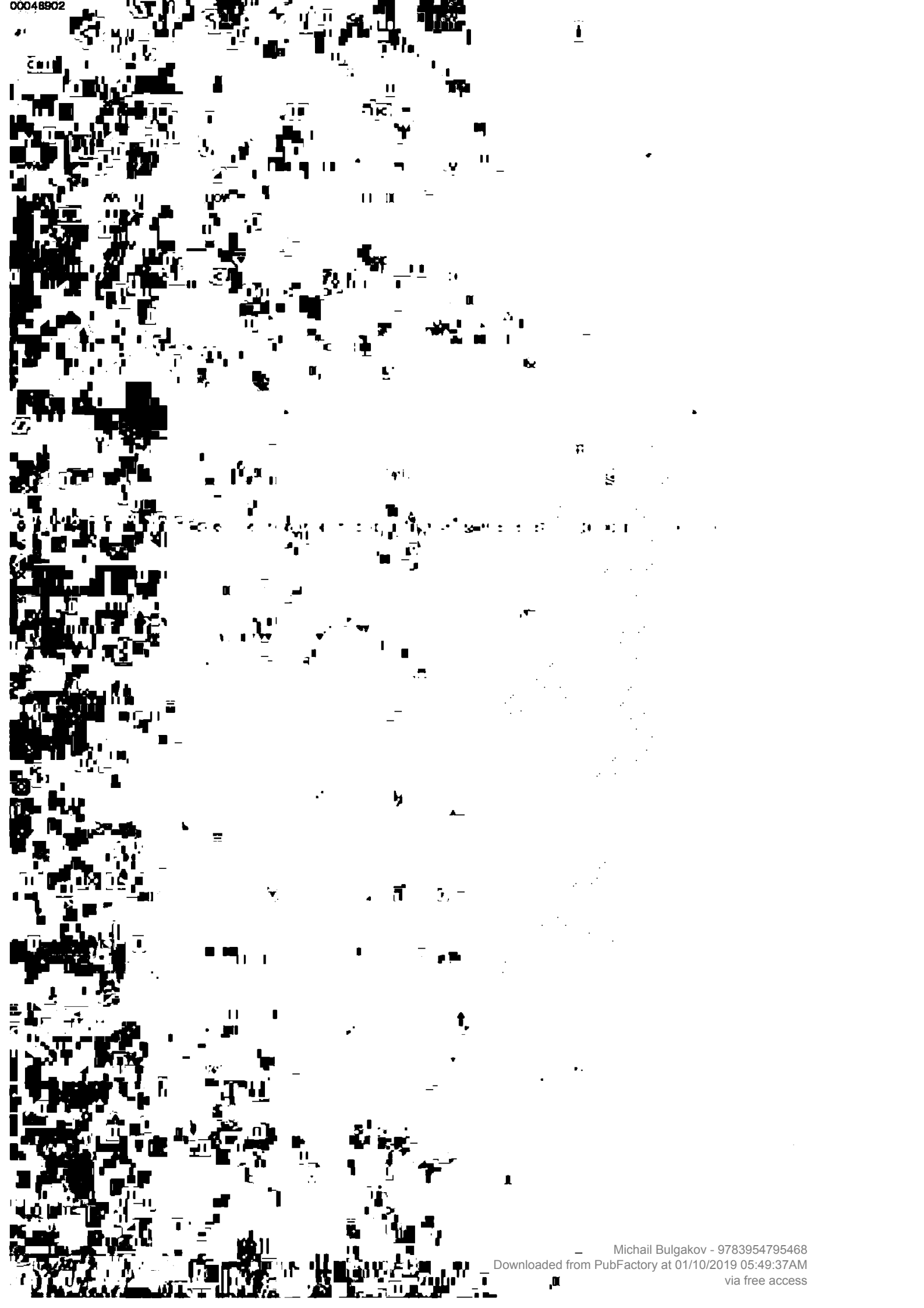
Страдалец-папаша	110
<i>Примечания</i>	247
Горемыка-Всеволод	112
<i>Примечания</i>	247
Ликующий вокзал	115
<i>Примечания</i>	247
Паршивый тип	117
<i>Примечания</i>	247
Тайна несгораемого шкафа	121
<i>Примечания</i>	248
Музыкально-вокальная катастрофа	126
<i>Примечания</i>	248
Бубновая история	130
<i>Примечания</i>	248
Развратник	136
<i>Примечания</i>	248
Колесо судьбы	139
<i>Примечания</i>	248
Воспаление мозгов	143
<i>Примечания</i>	248
Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева: Несгораемый американский дом. - Лжедмитрий Луначарский. - Ванькин дурак	149
<i>Примечания</i>	249
Вода жизни	156
<i>Примечания</i>	249
Площадь на колесах	159
<i>Примечания</i>	249
Египетская мумия	162
<i>Примечания</i>	249
Типаж	165
<i>Примечания</i>	249

2. Из несатирических и автобиографических рассказов

Необыкновенные приключения доктора	171
<i>Примечания</i>	250
Налет	182
<i>Примечания</i>	250
Ханский огонь	189
<i>Примечания</i>	250
Богема	205
<i>Примечания</i>	250
Звездная сыпь	212
<i>Примечания</i>	250
Я убил	226
<i>Примечания</i>	250
Мне приснился сон	237
<i>Примечания</i>	250

Das Photo von Michail Bulgakov stammt aus den zwanziger Jahren.

ИЗ САТИРИЧЕСКИХ ФЕЛЬЕТОНОВ И РАССКАЗОВ

НЕДЕЛЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Заходит к нам в роту вечером наш военком и говорит мне:

- Сидоров!

А я ему:

- Я!

Посмотрел он на меня пронзительно и спрашивает:

- Ты, - говорит, - что?

- Я, - говорю, - ничего...

- Ты, - говорит, - неграмотный?

Я ему, конечно:

- Так точно, товарищ военком, неграмотный.

Тут он на меня посмотрел еще раз и говорит:

- Ну, коли ты неграмотный, так я тебя сегодня вечером отправлю на "Травиату"!

- Помилуйте, - говорю, - за что же? Что я неграмотный, так мы этому не причинны. Не учили нас при старом режиме.

А он отвечает:

- Дурак! Чего испугался? Это тебе не в наказание, а для пользы. Там тебя просвещать будут, спектакль посмотришь, вот тебе и удовольствие.

А мы как раз с Пантелеевым из нашей роты нацелились в этот вечер в цирк пойти.

Я и говорю:

- А нельзя ли мне, товарищ военком, в цирк уволниться вместо театра?

А он прищурил глаз и спрашивает:

- В цирк?.. Это зачем же такое?

- Да, - говорю, - уж больно занятно... Ученого слона выводить будут и опять же рыжие, французская борьба...

Помахал он пальцем:

- Я тебе, - говорит, - покажу слона! Несознательный элемент! Рыжие... рыжие! Сам ты рыжая деревенщина! Слоны-то ученые, а вот вы, горе мое, неученые! Какая тебе польза от цирка? А? А в театре тебя просвещать будут... Мило, хорошо... Ну, одним словом, некогда мне с тобой долго разговаривать... Получай билет, и марш!

Делать нечего - взял я билетик. Пантелеев, он тоже неграмотный,

получил билет, и отправились мы. Купили три стакана семечек и приходим в "Первый советский театр".

Видим, у загородки, где впускают народ, - столпотворение вавилонское. Валом лезут в театр. И среди наших неграмотных есть и грамотные, и все больше барышни. Одна было и сунулась к контролеру, показывает билет, а тот ее и спрашивает:

- Позвольте, - говорит, - товарищ мадам, вы грамотная?

А та сдуру обиделась:

- Странный вопрос! Конечно, грамотная. Я в гимназии училась!

- А, - говорит контролер, - в гимназии. Очень приятно. В таком случае позвольте вам пожелать до свидания!

И забрал у нее билет.

- На каком основании, - кричит барышня, - как же так?

- А так, - говорит, - очень просто, потому пускаем только неграмотных.

- Но я тоже хочу послушать оперу или концерт.

- Ну, если вы, - говорит, - хотите, так пожалуйста в Кавсоюз. Туда всех ваших грамотных собрали - доктора там, фершала, профессора. Сидят и чай с патокою пьют, потому им сахару не дают, а товарищ Куликовский им романсы поет.

Так и ушла барышня.

Ну, а нас с Пантелеевым пропустили беспрепятственно и прямо провели в партер и посадили во второй ряд.

Сидим.

Представление еще не начиналось, и потому от скуки по стаканчику семечек сжевали. Посидели мы так часика полтора, наконец темнело в театре.

Смотрю, лезет на главное место огороженное какой-то. В шапочке котиковой и в пальто. Усы, бородка с проседью и из себя строгий такой. Влез, сел и первым делом на себя пенсне одел.

Я и спрашиваю Пантелеева (он хоть и неграмотный, но все знает):

- Это кто же такой будет?

А он отвечает:

- Это дери, - говорит, - жер. Он тут у них самый главный.

Серьезный госродин!

- Что ж, - спрашиваю, - почему же это его на показ сажат за загородку?

- А потому, - отвечает, - что он тут у них самый грамотный в опере. Вот его для примеру нам, значит, и выставляют.

- Так почему ж его задом к нам посадили?

- А, - говорит, - так ему удобнее оркестром хороводить!..

А дирижер этот самый развернул перед собой какую-то книгу, посмотрел в нее и махнул белым прутиком, и сейчас же под полом заиграли на скрипках. Жалобно, тоненько, ну прямо плакать хочется.

Ну, а дирижер этот действительно в грамоте оказался не последний человек, потому два дела сразу делает - и книжку читает и прутом размахивает. А оркестр нажаривает. Дальше - больше! За скрипками на дудках, а за дудками на барабанах. Гром пошел по всему театру. А потом как рявкнет с правой стороны... Я глянул в оркестр и кричу:

- Пантелеев, а ведь это, побей меня Бог, Ломбард, который у нас на пайке в полку!

А он тоже заглянул и говорит:

- Он самый и есть! Окромя его, некому так здорово врезать на тромбоне!

Ну, я обрадовался и кричу:

- Bravo, бис, Ломбард!

Но только откуда ни возьмись, милиционер, и сейчас ко мне:

- Прошу вас, товарищ, тишины не нарушать!

Ну, замолчали мы.

А тем временем занавеска раздвинулась, и видим мы на сцене - дым коромыслом! Которые в пиджаках кавалеры, а которые дамы в платьях танцуют, поют. Ну, конечно, и выпивка тут же и в девятку то же самое.

Одним словом, старый режим!

Ну, тут, значит, среди прочих Альфред. Тоже пьет, закусьивает.

И оказывается, братец ты мой, влюблен он в эту самую Травиату. Но только на словах этого не объясняет, а все пением, все пением. Ну, и она ему тоже в ответ.

И выходит так, что не миновать ему жениться на ней, но только есть, оказывается, у этого самого Альфреда папаша, по фамилии Любченко. И вдруг откуда ни возьмись, во втором действии он и шасть на сцену.

Роста небольшого, но представительный такой, волосы седые, и го-

лос крепкий, густой - беривтон.

И сейчас же и запел Альфреду:

- Ты что же, такой-сякой, забыл край милый свой?

Ну, пел, пел ему и расстроил всю эту Альфредову махинацию к черту. Напился с горя Альфред пьяный в третьем действии и устрой он, братцы вы мои, скандал здоровеннейший - этой Травиате своей.

Обругал ее, на чем свет стоит, при всех.

Поет:

- Ты, - говорит, - и такая и этакая и вообще, говорит, не желаю больше с тобой дела иметь.

Ну, та, конечно, в слезы, шум, скандал!

И заболел она с горя в четвертом действии чахоткой. Послали, конечно, за доктором.

Приходит доктор.

Ну, вижу я, хоть он и в сюртуке, а по всем признакам наш брат - пролетарий. Волосы длинные, и голос здоровый, как из бочки.

Подошел к Травиате и запел:

- Будьте, - говорит, - покойны, болезнь ваша опасная и непременно вы помрете!

И даже рецепта никакого не прописал, а прямо попрощался и вышел.

Ну, видит Травиата, делать нечего - надо помирать.

Ну, тут пришли и Альфред и Любченко, просят ее не помирать. Любченко уж согласие свое на свадьбу дает. Но ничего не выходит!

- Извините, - говорит Травиата, - не могу, должна помереть.

И действительно, попели они еще втроем, и померла Травиата.

А дирижер книгу закрыл, пенсне снял и ушел. И все разошлись. Только и всего.

Ну, думаю: слава Богу, просветились, и будет с нас! Скучная история!

И говорю Пантелееву:

- Ну, Пантелеев, айда завтра в цирк!

Лег спать, и все мне снится, что Травиата поет и Ломбард на своем тромбоне крикает.

Ну-с прихожу я на другой день к военному и говорю:

- Позвольте мне, товарищ военком, сегодня вечером в цирк увольниться...

А он как рыкнет:

- Все еще, говорит, у тебя слоны на уме! Никаких цирков! Нет, брат, пойдешь сегодня в Совпроф на концерт. Там вам, - говорит, - товарищ Блох со своим оркестром вторую рапсодию играть будет!

Так я и сел, думаю:

- Вот тебе и слоны!

- Это что же, - спрашиваю, - опять Ломбард на тромбоне нажаривать будет?

- Обязательно, - говорит.

Оказия, прости господи, куда я, туда и он с своим тромбоном!

Взглянул я и спрашиваю:

- Ну, а завтра можно?

- И завтра, - говорит, - нельзя, Завтра я вас всех в драму пошлю.

- Ну, а послезавтра?

- А послезавтра опять в оперу!

И вообще, говорит, довольно вам по циркам шляться. Настала неделя просвещения.

Осатанел я от его слов! Думаю: этак пропадешь совсем. И спрашиваю:

Это что ж, всю нашу роту так гонять будут?

- Зачем, - говорит, - всех! Грамотных не будут. Грамотный и без второй рапсодии хорош! Это только вас, чертей неграмотных. А грамотный пусть идет на все четыре стороны!

Ушел я от него и задумался. Вижу, дело табак! Раз ты неграмотный, выходит, должен ты лишиться всякого удовольствия...

Думал, думал и придумал.

Пошел к военному и говорю:

- Позвольте заявить!

- Заявляй!

- Дозвольте мне, - говорю, - в школу грамоты.

Улыбнулся тут военком и говорит:

- Молодец! - и записал меня в школу.

Ну, походил я в нее и, что вы думаете, выучили-таки! И теперь мне черт не брат, потому я грамотный!

СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

Не стоит вызывать его!
 Не стоит вызывать его!
 (Речитатив Мефистофеля)

1.

Дура Ксюшка доложила:

- Там к тебе мужик пришел...

Madame Лузина вспыхнула:

- Во-первых, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты мне "ты" не говорила! Какой такой мужик?

И выплыла в переднюю.

В передней вешал фуражку на олений рог Ксаверий Антонович Лисиневич и кисло улыбался. Он слышал Ксюшин доклад.

Madame Лузина вспыхнула вторично.

- Ах, Боже! Извините, Ксаверий Антонович! Эта деревенская дура!.. Она всех так... Здравствуйте!

- О, помилуйте!.. - светски растопырил руки Лисиневич.

- Добрый вечер, Зинаида Ивановна! - он свел ноги в третью позицию, склонив голову, и поднес руку madame Лузиной к губам.

Но только что он собрался бросить на madame долгий и липкий взгляд, как из двери выполз муж Павел Петрович. И взгляд угас.

- Да-а, - немедленно начал волюнку Павел Петрович, - "Мужик"... хе-хе! Ди-ка-ри! Форменные дикари. Я вот думаю: свобода там... Коммунизм. Помилуйте! Как можно мечтать о коммунизме, когда кругом такие Ксюшки! Мужик... Хе-хе! Вы уж извините, ради Бога! Муж..

"А, дурак", - подумала madame Лузина и перебила:

- Да что же мы в передней?.. Пожалуйста в столовую...

- Да, милости просим в столовую, - скрепил Павел Петрович, - прошу!

Вся компания, согнувшись, пролезла под черной трубой и вышла в столовую.

- Я и говорю, - продолжал Павел Петрович, обнимая за талию гостя, - коммунизм... Спору нет: Ленин человек гениальный, но... да, вот не угодно ли пайковую... хе-хе! Сегодня получил... Но коммунизм это такая вещь, что она, так сказать, по своему существу...

Ах, разорванная? Возьмите другую, вот с краю... По своей сути требует известного развития... Ах, подмоченная? Ну и папиросы! Вот, пожалуйста, эту... По своему содержанию... Погодите разгорится ... Ну и спички! Тоже пайковые... Известного сознания...

- Погоди, Поль! Ксаверий Антонович, чай до или после?

- Я думаю... Э-э, до, - ответил Ксаверий Антонович.

- Ксюшка! Примус! Сейчас все придут! Все страшно заинтересованы! Страшно! Я пригласила и Софью Ильиничну...

- А столик?

- Достали! Достали! Но только... Он с гвоздями. Но ведь, я думаю, ничего?

- Гм... Конечно, это нехорошо... Но как-нибудь обойдемся...

Ксаверий Антонович окинул взглядом трехногий столик с инкрустацией, и пальцы у него сами собою шевельнулись.

Павел Петрович заговорил:

- Я, признаться, не верю. Не верю, как хотите. Хотя, правда, в природе...

- Ах, что ты говоришь! Это безумно интересно! Но предупреждаю: я буду бояться!

Madame Лузина оживленно блестела глазами, затем выбежала в переднюю, поправила наскоро прическу у зеркала и впорхнула в кухню. Оттуда донесся рев примуса и хлопанье ксюшкиных пяток.

- Я думаю, - начал Павел Петрович, но не кончил.

В передней постучали. Первая явилась Леночка, затем квартирант. Не заставила себя ждать и Софья Ильинична, учительница 2-й ступени. А тотчас же за ней явился и Боборицкий с невестой Ниночкой.

Столовая наполнилась хохотом и табачным дымом.

- Давно, давно нужно было устроить!

- Я, признаться...

- Ксаверий Антонович! Вы будете медиум! Ведь да? Да?

- Господа, - кокетничал Ксаверий Антонович, - я ведь в сущности такой же непосвященный... Хотя...

- Э-э, нет! У вас столик на воздух поднимался!

- Я, признаться...

- Уверю тебя, Маня собственными глазами видела зеленоватый свет!..

- Какой ужас! Я не хочу!

- При свете! При свете! Иначе я не согласна! - кричала крепко сколоченная материальная Софья Ильинична, - иначе я не поверю!

- Позвольте... Дадим честное слово...

- Нет! Нет! В темноте! Когда Юлий Цезарь выступал нам смерть..

- Ах, я не могу! О смерти не спрашивать! - кричала невеста Боборицкого, а Боборицкий томно шептал:

- В темноте! В темноте!

Ксюшка, с открытым от изумления ртом, внесла чайник.

Madame Лузина загремела чашками.

- Скорее, господа, не будем терять времени!

И сели за чай...

... Шалью, по указанию Ксаверия Антоновича, наглухо закрыли окно. В передней потушили свет, и Ксюшке приказали сидеть на кухне и не топтать пятками. Сели, и стала темь...

2.

Ксюшка заскучала и встревожилась сразу. Какая-то чертовщина... Всюду темень. Заперлись. Сперва тишина, потом тихое, мерное постукивание. Услыхав его, Ксюша застыла. Страшно стало. Опять тишина. Потом неясный голос...

- Господи?..

Ксюшка шевельнулась на замасленном табурете и стала прислушиваться... Тук... Тук... Тук... Будто голос гостьи (чистая тунба, прости, Господи!) забубнил:

- А, га, га, га...

Тук... Тук...

Ксюшка на табурете, как маятник, качалась от страха к любопытству... То черт с рогами мерещился за черным окном, то тянуло в переднюю...

Наконец не выдержала. Прикрыла дверь в освещенную кухню и шмыгнула в переднюю. Тыча руками, наткнулась на сундуки. Протиснулась дальше, пошарила, разглядела дверь и приникла к скважине.. Но в скважине была адова тьма, из которой доносились голоса...

- Ду-ух, кто ты?

- А, бе, ве, ге, де, е, же, зе, и... Тук!

- И! - вздохнули голоса.

- А, бе, ве, ге...

- Им!

Тук... Тук, тук...

- Им-пе-ра! О-о! Господа...

- Император На-по...

Тук... Тук...

- На-по-ле-он!! Боже, как интересно!..

... Тише!.. Спросите! Спрашивайте!..

- Что?.. Да спрашивайте!.. Ну, кто хочет?..

- Дух императора, - прерывисто и взволнованно спросила Леночка, - скажи, стоит ли мне переходить из Главхима в Желеском? Или нет?..

Тук... Тук... Тук...

- Ду-у... Ду-ра! - отчетливо ответил император Наполеон.

- Ги-и! - гикнул дерзкий квартирант. Смешок пробежал по цепи.

Софья Ильинична сердито шепнула:

- Разве можно спрашивать ерунду!

Уши Леночки горели во тьме.

- Не сердись, добрый дух! - взмолилась она, - если не сердись-ся, стукни один раз!

Наполеон, повинувшись рукам Ксаверия Антоновича, ухитрившегося сделать два дела - щекотать губами шею мадаме Лузиной и вертеть стол, взмахнул ножкой и впился ею в мозоль Павла Петровича.

- Сс-с!... - болезненно прошипел Павел Петрович.

- Тише!.. Спрашивайте!

- У вас никого посторонних нет в квартире? - спросил осторожный Боборицкий.

- Нет! Нет! Говорите смело!

- Дух императора, скажи, сколько времени еще будут у власти большевики?

- А-а... Это интересно! Тише!.. Считайте!..

Та-ак, та-ак, застучал Наполеон, припадая на одну ножку.

- Те...ор...и... три... ме-ся-ца!

- А-а!..

- Слава Богу! - вскричала невеста. - Я их так ненавижу.

- Тсс! Что вы?!

- Да, никого нет!

- Кто их свергнет? Дух, скажи!...

Дыхание затаили... Та-ак, та-ак...

... Ксюшку распирало от любопытства... Наконец она не вытерпела. Отшатнувшись от собственного отражения, мелькнувшего во мгле зеркала, она протиснулась между сундуками обратно в кухню. Захватила платок, шмыгнула обратно в переднюю, поколебалась немного перед ключом. Потом решилась, тихонько прикрыла дверь и, дав волю пяткам, понеслась к Маше нижней.

3.

Маша нижняя нашлась на парадной лестнице, у лифта внизу, вместе с Дуськой из пятого этажа. В кармане у нижней Маши было на 100 тысяч семячек.

Ксюшка излилась.

- Заперлись они, девоньки... записывают про императора и про большевиков... Темно в квартире, страсть!... Жилец, барин, барыня, хахаль ейный, учительша...

- Ну!! - изумлялась нижняя и Дуська, а мозаичный пол покрывался липкой шелухой...

Дверь в квартире № 3 хлопнула, и по лестнице двинулся вниз Бравый в необыкновенных штанах. Дуська и Ксюша и нижняя Маша скосили глаза. Штаны до колен были как штаны, из хорошей диагонали, но от колен расширялись, расширялись и становились, как колокола.

Квадратная бронзовая грудь распирала фуфайку, а на бедре тускло и мрачно глядело из кожаной штуки востроносое дуло.

Бравый, лихо закинув голову с золотыми буквами на лбу, легко перебирал ногами, отчего колокола мотались, спустился к лифту и, обжегши мимолетным взглядом всех троих, двинулся к выходу...

- Лампы потушили, чтобы я, значит, не видела... Хи-хи... и записывают... большевикам, говорят, крышка... Инпиратор... Хи! Хи!

С бравым что-то произошло. Лакированные ботинки вдруг стали прилипать к полу. Шаг его замедлился. Бравый вдруг остановился, пошарил в кармане, как будто что-то забыл, потом зевнул и вдруг, очевидно раздумав, вместо того, чтобы выйти в парадное, повернулся и сел на скамью, скрывшись из ксюшкиного поля зрения за стеклянным выступом с надписью "швейцар".

Заинтересовал его, по-видимому, рыжий потрескавшийся купидон на стене. В купидона он впился и стал его изучать...

... Облегчив душу, Ксюшка затопала обратно. Бравый уныло зевнул, глянул на браслет-часы, пожал плечами и, видимо соскучившись ждать кого-то из квартиры № 3, поднялся и, развинченно помахивая колоколами, пошел на расстояния одного марша за Ксюшкой...

Когда Ксюшка скрылась, стараясь не хлопнуть дверь, в квартире, в темноте на площадке вспыхнула спичка у белого номерка - 24. Бравый уже не прилипал и не позевывал.

- Двадцать четыре, - сосредоточенно сказал он самому себе и, бодрый и оживленный, стрелой понесся вниз через все шесть этажей.

4.

В дымной тьме Сократ, сменивший Наполеона, творил чудеса. Он плясал, как сумасшедший, предрекая большевикам близкую гибель. Потная Софья Ильинична, не переставая читала азбуку. Руки онемели у всех, кроме Ксаверия Антоновича. Мутные, беловатые силуэты мелькали во мгле. Когда же нервы напряглись до предела, стол с сидящим в нем мудрым греком колыхнулся и поплыл вверх.

- Ах!.. Довольно!.. Я боюсь!.. Нет! Пусть! Милый! Дух! Выше!.. Никто не трогает ногами?.. Да нет же!.. Тсс!.. Дух! Если ты есть, возьми-ка на пианино! Грек оборвался сверху и грянул всеми ножками в пол. Что-то с треском лопнуло в нем. Затем он забарахтался и, наступая на ноги взвизгивающим дамам, стал рваться к пианино.. Спириты, сталкиваясь лбами, понеслись за ним...

Ксюшка вскочила, как встрепанная, с ситцевого одеяла в кухне. Ее писка: "Кто такой?" - счумевшие спириты не слышали.

Какой-то новый злобный и страшный дух вселился в стол, выкинув покойного грека. Он страшно гремел ножками, как из пулемета, кидаясь из стороны в сторону и нес какую-то околесину.

- Дра-ту-ма... бы...ы...ы.

- Миленький! дух! - стонали спириты.

- Что ты хочешь?!

- Дверь! - наконец вырвалось у бешеного духа.

- А-а!...Дверь! Слышите! В дверь хочет бежать!.. Пустите его!

Трык, трак, тук, - заковылял стол к двери.

- Стойте! - крикнул вдруг Боборицкий, - вы видите, какая в нем сила! Пусть, не доходя, стукнет в дверь!

- Дух! Стукни!!

И дух превзошел ожидания. Снаружи в дверь он грянул, как будто сразу тремя кулаками.

- Ай! - взвизгнули в комнате три голоса.

А дух, действительно, был полон силы. Он забарабанил так, что у спиритов волосы стали дыбом. В миг замерло дыхание, стала тишина...

Дрожащим голосом выкрикнул Павел Петрович:

- Дух! Кто ты?..

Из-за двери гробовой голос ответил:

- Чрезвычайная комиссия.

... Дух испарился из стола позорно, в одно мгновение. Стол, припав на поврежденную ножку, стал неподвижно. Спириты окаменели. Затем мадам Лузина простонала "Бо-о-же!" и тихо сникла в неподдельном обмороке на грудь Ксаверию Антоновичу, прошипевшему:

- О, черт бы взял идиотскую затею!

Трясущиеся руки Павла Петровича открыли дверь. В миг вспыхнули лампы, и дух предстал перед снежно-бледными спиритами. Он был кожанный. Весь кожанный, начиная с фуражки и кончая портфелем. Мало того, он был не один. Целая вереница подвластных духов виднелась в передней.

Мелькнула бронзовая грудь, граненый ствол, серая шинель, еще шинель...

Дух окинул глазами хаос спиритической комнаты и, зловеще ухмыльнувшись, сказал:

- Ваши документы, товарищи...

Э п и л о г

Боборицкий сидел неделю, квартирант и Ксаверий Антонович - 13 дней, а Павел Петрович - полтора месяца.

БЕСПОКОЙНАЯ ПОЕЗДКА
 Монолог начальства
 (не сказка, а быль)

Посвящается ЦЖЗ
 Мальбрук в поход собрался!
 (Песня)

Ну-с, происходило это, стало быть, таким образом! Напившись чаю, выехал я со своими сотрудниками, согласно маршруту, вечером со станции Новороссийск. Перед самым отъездом приходит какой-то и говорит:

- Вот, говорит, история: круг у нас поворотный ремонтируется. Ума не приложу, как нам вас повернуть?

Задумались мы. Наконец я и говорю: пуцай нас в таком случае в Тихорецкой повернут. Ладно. В Тихорецкой, так в Тихорецкой. Сели, засветали, поехали. Ну-те-с, приезжаем в Тихорецкую. Вовремя, представьте себе. Смотрю на часы - удивляюсь: минута в минуту! Вот, говорю, здорово. И, конечно, сглазил. Словно сатана у них на поворотный круг уселся. Вертели, вертели, часа полтора, может быть, вертели. Чувствую, что у меня головокружение начинается.

- Скоро ли?..кричу.

- Сей минут, - отвечают.

Ну-с, повернули, стали поезд составлять. Я из окна смотрю: положительно молодецкая работа - бегают, свистят, флажками машут. Молодцы, говорю, ребяташки на этой Тихорецкой - работяги! Ну, и, конечно, сглазил. Перед самым отъездом является какой-то и говорит:

- Так что ехать невозможно...

- Как?! - кричу. - Почему?

- Да, - говорит, - вагоны сейчас из состава выкидать будем.

Неисправные они.

- Так выкидайте скорей! - кричу. - На какого лешего вы их за-пихнули?..

Ничего не ответил. Застенчиво усмехнулся и вышел. Начали опять свистеть, махать, бегать. Наконец, выкинули больные вагоны. Опоздали мы таким методом на два часика с половиной.

Наконец, тронулись. Слава тебе, господи, думаю, теперь пока-тим. Ну, и сглазил, понятное дело!

Развил наш поезд такую скорость, что, представьте, потерял я пенснэ из окна, так проводник соскочил, подобрал и рысью поезд догнал. Я кричу тогда: "Что вы смеетесь, что ли? Как же я при такой скорости состояние пути и подвижного состава определяю?.. Развить, - говорю, - мне в 24 секунды скорость, предельную для товарных поездов на означенном участке!

Ну-с, вообразите, наорал на них. Таким манером, и жизни был не рад! Развили они скорость, и что тут началось - уму непостижимо! Загремели, покатались, через пять минут слышу вопль: "Стой, стой!! Стой, чтоб тебя раздавило!" Веревку дергают, флагом машут. Я перепугался на смерть, - ну, думаю, - пропали! "В чем дело?" - кричу. "Так что, - отвечают, - буквы горят". Вышел я из себя. Кричу: "Что это за безобразие! На каком основании горят? Прекратить! Убрать! Отцепить!" Великолепно-с. На первой станции отцепили вагон. Сыпанули мы дальше.

Ну, думаете ли, трех шагов не проскакали, как опять гвалт. В двух вагонах загорелись буксы! Выкинули эти два, на следующем перегоне еще в двух загорелись. Через пять станций глянул я в окно и ужаснулся: выехал я - был поезд длинный, как парижский меридиан, а теперь стал короткий, как пороссячий хвост. Святые угодники, - думаю, - ведь этак еще верст сорок, и я весь поезд растеряю. А вдруг, думаю, и в моем вагоне загорится, - ведь они и меня отцепят к лешему на какой-нибудь станции. А меня в Ростове ждут. Призываю, кого следует, и говорю: "Вы, вот что, того... полегче, Ну, вас в болото с вашей предельной скоростью. Поезжайте, как порядочные люди ездят, а не вылупив глаза".

Отлично-с, поехали мы, и направляюсь я к смотровому окну, чтобы на путь поглядеть, - и, как вы думаете, что я вижу? Сидят перед самыми глазами у меня на буферах два каких-то кандибобера. Я высовываюсь из окна и спрашиваю: "Эт-то что такое?.. Что вы тут делаете?" А они, представьте, отвечают да дерзко так: - То же, что и ты. В Ростов едем.

- Как? - кричу. - На буферах?.. Дак, вы, выходит, зайцы?!...

- Понятное дело, - отвечают, - не тигры.

- Как, - кричу, - зайцы?.. На буферах? У меня?!.. В служебном? Вагоне?!.. Вылетайте отсюда, как пробки!!

- Да, - отвечают, - вылетайте! Сам вылетай, если тебе жизнь надоела. Тут на ходу вылетишь, - руки-ноги поломаешь!

- Что тут делать? А?... кричу: "Дать сигнал! А-с-с-тановить поезд!.. Снять зайцев!" Не тут-то было. Сигнала-то, оказывается, нету. Никакой непосредственной связи с паровозом.

Стали мы в окна кричать машинисту:

- Эй! милый человек! Э-эй! Как тебя? Будь друг, тормозни немножко!

Не тут-то было. Не слышит!

Что прикажете делать? А эти сидят на буферах, хихикают.

- Что, - говорят, - сняли? Выкуси!

Понимаете, какое нахальство? Мало того, что нарушение правил, но, главное, не видно ни черта в смотровые окна. Торчат две какие-то улыбающиеся рожи и заслоняют весь пейзаж. Вижу я, ничего с ними не поделаешь пустился в переговоры:

- Вот что, - говорю, - нате вам по пятьдесят целковых, чтоб вы только слезли.

Не согласились. Давай, говорят, по пятьсот! Что ты прикажешь делать?

И вот, представьте, как раз на мое счастье - подъем!..Поезд, понятное дело, стал. Не берет. Ну, уж тут я обрадовался. Кричу, берите их, рабов божьих! Пушай им покажут Кузькину мать, как на буферах ездить! Ну, понятное дело, слетелись кондуктора! Забрали их, посадили их в вагон и повезли. Прекрасно-с. Только что я пристроился к окну, как поезд - стоп.

"Что еще?!" - кричу. Оказывается, опять из-за зайцев этих проклятых. Удержать их нет возможности! Рвутся из рук, и шабаш! Сделали мы тут военный совет и, наконец, решили отпустить их к свиньям. Так и сделали. Выпустили их в четырех верстах от станции. Они поблагодарили: говорят, - спасибо, нам как раз до этой станции, а четыре версты мы пешком пройдем!

Поехали, через десять минут - стоп! Что?! Заяц! Ну, тут уж я не вытерпел - заплакал. "Что ж это, - говорю, - за несчастье такое? Доеду я когда-нибудь до Ростова или нет?!" Говорю, а у самого слезы ручьем так и льются. Я плачу, кондуктора ревут, и заяц не выдержал, заревел. И до того стало мне противно все это, что глаза б мои не смотрели. Махнул я рукой, задернул занавески

и спать лег. В Ростов приехал, от нервного расстройства лечился.
Вот оно, какие поездки бывают.

Монолог записал
Герасим Петрович Ухов

ЛЕСТНИЦА В РАЙ

(С натуры)

Лестница, ведущая в библиотеку ст. Москва - Белорусская (1 Мещанская улица), совершенно обледенела.

Тьма полная: рабочие падают и убиваются.

Рабкор

Рабочий Косин упал удачно. С громом приехал со второго этажа в первый, там повернулся на площадке головой вниз и выехал на улицу. Следом за ним приехала шапка, за шапкой - книжка "Война и мир", сочинение Л.Толстого. Книжка выехала горбом, переплет дыбом и остановилась рядом с Косиным.

- Ну, как? - спросили ожидавшие внизу своей очереди.

- Штаны порвал, - ответил глухо Косин, - хорошие штаны, жена набрала на Сухаревке, - и оцупал великолепный звездный разрыв на бедре.

Затем он поднял произведение Толстого, накрылся шапкой и, прихрамывая, ушел домой.

Вторым рискнул Балчугов.

- Я тебя осилю, я тебя одолею, - бормотал он, прижимая к груди собрание сочинений Гоголя в одном томе, - я, может, на Карпаты в 15-м году лазил и то ни слова не сказал. Ранен два раза... За спиной мешок, а в руках винтовка, на ногах сапоги, а тут с Гоголем, - с Гоголем да не осилить... Я "Азбуку коммунизма" желаю взять, я ... чтоб тебя разорвало!.. я (он терялся в кромешной тьме)... чтоб вам с вашей библиотекой ни дна ни покрышки!...

Он сделал попытку ухватиться за невидимые перила, но те мгновенно ускользнули из рук. Затем ускользнул Гоголь и через мгновение был на улице.

- Ох! - пискнул Балчугов, чувствуя, что нечистая сила отрывает его от обледеневших ступенек и тащит куда-то в бездну.

- Спа... - начал он и не кончил.

Ледяной горб под ногами коварно спихнул Балчугова куда-то, где его встретил железный болт. Балчугов был неудачник, и болт пришелся ему прямо в зубы.

- Си... - ахнул Балчугов, падая головой вниз.

- те!!... - кончил он, уже сидя на снегу.

- Ты снегом... - посоветовали ожидающие, глядя, как Балчугов плюет красивой красной кровью.

- Не снегом, - ответил Балчугов шепеляво (щеку его раздувало на глазах) - а колом по голове этого шамого библиотекаря и правление клуба тоже... мордой бы... по этой лешнице...

Он пошарил рукой по снегу и собрал разлетевшиеся листки Тараса Бульбы. Затем поднялся, наплевал на снегу красным и ушел домой.

- Обменял книжку, - бубнил он, держась за щеку, - вот так обменял, шатается...

Тьма поглотила его.

- Полезем, что ль, Митя? - робко спросил ожидающий. - Газетку охота почитать.

- Ну их к свиньям собачьим, - ответил Митя, - живота решишься, а я женился недавно. У меня жена. Вдова останется. Идем домой!

Тьма съела и их.

Ф.С-ов.

СПЕКТАКЛЬ В ПЕТУШКАХ

1. Человек, который ненавидел театр

Он был в теплой кацавейке на вате, в штанах и сапогах. Обыкновенные усы, бородка, нос средний. Особая примета у этого человека, впрочем, имелась - человек ненавидел театр.

Ненависть его питалась каждый день и выросла в конце концов в злобную фурию, слопавшую человека без остатка - он начал подозрительно кашлять, и на щеках у него появился пятнистый румянец. Театр стоял тут же, в двух шагах, на ст. Петушки, где человек служил в качестве ПЗП (говору "служил", потому что, может быть, его уже убили).

2. Зловещая бумага

Однажды человек получил таинственную бумагу и уткнулся в нее носом. Дочитав ее, он стал багровый от радости. Глаза его засияли, как звезды.

- Ладно... ладно... ладно, - забормотал он, - ладно... я тебя отгорожу! Я тебя так отгорожу - тут он набрал воздуха в истощенную грудь и гаркнул - Эй!!

И перед человеком появились рабочие. Неизвестно никому, какие распоряжения он дал честным труженикам (они не виноваты, повторяю это тысячу раз). Известно, что к вечеру вокруг театра появились, как свечка, вколоченные столбы, но так как никому и в голову не могли притти подозрения насчет адского плана человека, то на столбы особого внимания никто не обратил.

- Опять наш ПЗП какую-то ерунду придумал, - сказали некоторые и разошлись.

3. Колючая проволока приехала

К сожалению, никто не видел, как она появилась, потому что все были, как полагается, на работе.

Честные труженики натаскали громадные круги колючей проволоки, размотали их, а затем наглухо затянули по столбам весь театр кругом. Вы думаете, что это было сделано как-нибудь, наспех? Паршиво? Ошибаетесь. Это было мощное, проволочного типа, заграж-

дение, о которое могли бы разбиться лучшие железные полки. Был оставлен только один лаз, и этот лаз был шириной в одну сажень.

4. Спектакль в Петушках

И вот, дорогие граждане, вечером был назначен спектакль. О спектакле знали все, а о колючей проволоке вокруг спектакля никто не знал.

И в сумерки со всех концов к театру потекли улыбающиеся железнодорожники со своими семьями.

Вой стоял над Петушками! Стон и скрежет зубовой. Лучшая и самая прочная материя, купленная по рабочему кредиту, рвалась, как папиросная бумага. Одного прикосновения к проклятому ограждению было достаточно, чтобы штаны превратить в клочья.

Железнодорожная рать легла на проволочных ограждениях вся до последнего человека и оставила на них юбки, кофты, лоскутья пальто и жирные куски ваты из подкладки.

Рваная рать лезла в театр, роняя капли крови, и крыла ПЗП такими словами, что их в газете напечатать нельзя.

- _____ ...!!

- _____ ...!!!

Пожар!!

Скажем теоретически: может быть в Петушковском театре пожар? Ответьте прямо: может или нет?

- Может. От этого не застрахован ни один театр.

- Ну-с, представьте себе, что произойдет в театре, который снаружи закутан наглухо колючей проволокой. Вот то-то.

Телеграмма ПЗП в Петушки:
Уберите проволоку к чертям.

Мих.Б.

ГЕРКУЛЕСОВЫ ПОДВИГИ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ БРАНДЕЙСТЕРА НАЗАРОВА

Предисловие

Был у нас на ст. Можайск Белорусско-Балт. ж. д. брандмейстер, гражданин Назаров.

Вот это был Назаров, так Назаров!

Нет таких других Назаровых на свете.

Совершил брандмейстер ряд подвигов и сразу все убедились, что он чистой воды Геркулес - наш брандмейстер, храбрый брандмейстер можайский.

Подвиг 1

Борьба с теплом

Первым долгом налетел брандмейстер на временные железные печи решительно во всех помещениях и все их разобрал в пух. Так что наши можайские железнодорожники, товарищи-граждане, братья, сестрицы вымерзли, как клопы.

Подвиг 2

Клубная атака

Налетел Назаров в каске, сверкая как рыцарь, на наш клуб и хотел его уничтожить.

Прогремели, как гром, слова Назарова:

- Клуб антипожарный, замок на него повешу!

И шел строем на Назарова наш местком, имея взводным командиром нашего председателя, в полном составе, и был с брандмейстером невероятный бой - семь дней и ночей, как на Перекопе.

Насчет клуба загнали месткомские Назарова в пузырек, а на библиотечном фланге насыпал Назаров с факелами - изничтожил печную идею, и льдами покрылся товарищ Бухарин с азбукой в 5 экземплярах и Львом Толстым, и прекратилось население в библиотеке.

Отныне, во веки веков и во веки.

Подвиг 3

Подарок годовщине Октябрьской Революции

- Я ей сделаю подарок, - возвестил брандмейстер на пожарном дворе с трубными звуками. И сделал.

К годовщине пожарную машину до последнего винта разобрал. И не собрал.

Так что годовщина имеет себе кой-что.

Подвиг 4

Исчезновение сквозь землю

И пропадал. Так пропадал, что найти его мог только один человек в мире - плательщик жалованья. И то только двенадцать раз в году - 20 числа каждого месяца.

Подвиг 5

Червонный

В кассе взаимопомощи ссуду в один червонец взял и уехал взаимный червонец наш, по какому курсу, неизвестно. Ходили слухи, будто наш червонец держал курс на ст.Ново-Сокольники.

Заключение

Было Назаровского жития на станции Можайск Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги советской ровно два месяца. Настала у нас полная тишина с морозом на северном полюсе.

Да будет Назарову земля пухом, но червонец он, пускай, вернет под замок нашей несгораемой взаимопомощи.

Поздравляем вас, братики, ново-сокольниковцы! Будете вы иметь!.

Маг.

ПРОСВЕЩЕНИЕ
С КРОВОПРОЛИТИЕМ

(Посвящается заведующему жел.-дор.
школой ст.Агрыз Моск.-Каз.)

"Вводить просвещение, но по воз-
можности без кровопролития!"

М.Е.Салтыков-Щедрин

Чьи-то сапоги с громом покатались по лестнице, и уборщица школы Фетинья не убереглась, божья старушка! Выскочила Ванькина голова с лестницы и ударила божью старушку сзади. Села старушка на землю, и хлынула из ведер вода.

- Чтоб ты окошел! - захныкала старушка. - Что ты взбесился, окаянный?!

- Взбесишься тут, - задыхаясь ответил Ванька, - еле убег! Вставай, старушка...

- Что, аль сам?

- Чай, слышишь?

Из школы несся рев, как-будто взбунтовался тигр:

- Дайте мне сюда эту каналью!!!. Подать его мне, и я его зарежу, как цыпленка!!! А-а!!.

- Тебя?

- Угу, - ответил Ванька, вытирая пот, - с доски не стер во втором классе.

- Подать мне Ваньку сторожа живого или мертвого!! - гремело школьное здание. - Я из него сделаю бифштекс!!.

- Ванька! Ванька!!.. Ванька!!.. К заведующему!! - вопили ученические голоса.

- Черта пухлого я пойду! - хрипнул Ванька и стрельнул через двор. Во мгновение ока он вознесся по лестнице на сеновал и исчез в слуховом окне.

Здание на мгновение стихло, но потом громовой хищный бас взвыл вновь:

- Подать мне учителя географии!!.. И-и!!.

- Географ засыпался... - восхищенно пискнул дискант в коридоре.

Учитель географии, бледный как смерть, ворвался в физико-географический кабинет и застыл.

- Эт-та шта так-кое? - спросил его заведующий таким голосом, что у несчастного исследователя земного шара подкосились ноги.

- Карта ресефесерефесесе... - ответил географ прыгающими губами.

- М-молчать!!.- взревел заведующий и заплясал, топая ногами.
- Молчать, когда с вами начальство разговаривает!... Это карта?.. Это карта, я вас спрашиваю?! Пач-чему она не на мольберте?! Почему Волга на ней какая-то кривая?! Почему Ленинград на Петроград?! На каком основании Черное море - голубое?! Почему у вас вчера змея издохла?! Кто, я вас спрашиваю, налил чернил в аквариум?

- Это ученик Фисухин, - предал Фисухина мертвый преподаватель, - он змею валерьяновыми каплями напоил.

Стекла в окнах дрогнули от рева.

- А-га-га!! Фисухин!! .Дать мне Фисухина, и я его четвертую!!

- Фису-у-у-хин!! - стонало здание.

- Братцы, не выдавайте, - плакал Фисухин, сидя одетым в уборной, - братцы, не выйду, хоть дверь ломайте...

- Выходи, Фисуха! Что-ж делать... Вылезай! Лучше ты один погибнешь, чем мы все, - молили его ученики.

- Здесь?!! - загремело возле уборной.

- Тут, - застонали ученики, - забронировался.

- А! А!.. Забронировался... Ломай!... Двери!! . Дать мне сюда багры!! . Позвать дворников!! . Вынуть Фисухина из уборной!!!

Страшные удары топоров посыпались в здании градом, и в ответ им взвился тонкий вопль Фисухина.

М.Ол.Райт.

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ

Начохраны ст Москва М-Б Белорусской дороги гр. Линко издал приказ по охране, которым предписывает каждому охраннику обязательно запротоколировать четырех злоумышленников. В случае отсутствия таковых, нарушители приказа увольняются.

- Ну, мои верные сподвижники, - сказал начальник транспортной охраны ст. Москва - Белорусская, прозванный за свою храбрость Антипом Скорохватом, - докладывайте, что у нас произошло за истекшую ночь?

Верные сподвижники побренчали заржавленным оружием и конфузливо скисли. Выступил вперед знаменитый храбрец - помощник Скорохвата:

- Так что ничего не произошло...

- Как? - загремел Антип - Опять ничего? Пятая ночь ничего! Почему нет злоумышленников?

- Сказывают, сознательность одолела, - извиняющимся тоном доложил помощник.

Тэк-с, - занял зловеще Антип, - одолела! Вагоны с мануфактурой целы? Никакой дьявол не упер вновь отремонтированного паровоза серии ЩА? И никто не покушался на кошелек и жизнь начальника станции Москва-Белорусская? Да это же что же? Я что ли за них, чертей, воровать буду сам?!

Сподвижники тоскливо молчали.

- Это, братцы, так нельзя, - продолжал ныть Антип. - Ведь это, выходит, что вы даром бремените землю. Какого черта вы лопаете белорусско-балтийский хлеб? Кончится все это тем, что вас всех попрут в шею со службы, вместе с вами и меня. Огромная такая станция и никаких происшествий! А ежели начальство спросит: сколько, Антип, ты поймал злоумышленников за истекший месяц? Я ему что покажу? Шиш? Вы думаете, меня за шиш по головке поглядят?

Нету их, - тоскливо запел помощник, - откуда же их взять? Не родишь их.

- Роди! - взвыл Антип. - Попирая закон природы! Гляди! Посма-

тривай! Идет человек по путям, ты сейчас к нему. Какие у тебя мысли в голове? Ты не смотри, что у него постная рожа и глаза, как у педагога. Может, он только и мечтает, как бы пломбу с вагона скovyрнуть. Одним словом, вот что: в советском государстве каждая козявка выполняет норму, и чтоб вы выполняли! Чтоб каждый мне по четыре злоумышленника в месяц представил. Как это может быть, я вас спрашиваю, без происшествий?

- А ведь было происшествие ночью-то, - захрипел один из транспортных воинов, - мастера Щукина пес чуть штаны не порвал Хлобуеву, когда мы под вагонами лазили.

- Вот! - вскричал предводитель. - Вот! А говорит - нету! А дикие звери на белорусскрй территории, вверенной нам, это не происшествие? Поймать и убить! Убить на месте.

- Кого - мастера или пса?

- Мозгами думайте! Пса. И мастера ущемить: покажи мандат на предмет засорения станции хищными зверями. Одним словом - марш!

*

У мастера Щукина была счастливая звезда в жизни, и потому пуля проскочила у него между коленями.

- Что вы взбесились, окаянные?! - закричал ошалевший Щукин.

- Чего ж вы божью собачку обстреливаете?

- Бей его! Заходи! Штыком его! Убег, проклятый! А ты, борода, покажи мандат, какой ты есть человек.

- А, ты знаешь, Хлобуев, - засипел зеленея Щукин, - допьешься ты до чертей. Ты погляди мне в лицо...

- Нечего мне твое лицо глядеть. Достаточно мне твое лицо известно. Показывай удостоверение.

- Отлезь от меня, фиолетовый черт.

- А-а. Отлезь? Ладно. Кикин, бери его. Пуцай покажет основание, по которому находится на путях.

- Кара - ул!!

- Поори, поори...

- Кара!

- Покричи мне...

- Кр... Кр...

- Покаркай!..

*

Вторым засыпался член коллегии защитников Ламца-Дрицер, вернувшийся в дачном поезде из подмосковной станции "Гнилые корешки" и избравший кратчайший путь через линию.

- Это вопиющее нарушение! - кричал заступник, конвоируемый Антиповым воинством, - я подам заявление в Малый Совнарком, а если не поможет, то в большой!

- Хучь в громадный, - пыхтели храбрецы, - Совнарком разбойникам не потатчик.

- Я разбойник! - вспыхивал и угасал Дрицер, - как свеча.

Ладно, бывают аристократы, с портфелями карманы вырезают.

*

... Третьей - теща начальника станции с лукошком.

- Отцы родные! Сыночки! Куда ж вы меня тащите?!

*

... И четвертой - целая артель временных рабочих полностью. С лопатами, с кирками и твердыми краяхами черного хлеба. Артельный староста, похожий на патриарха, стоял на коленях, ослепленный блеском оружия Антиповой гвардии и бормотал:

- Берите, братцы, все. Лопаты и рубашки. Скидайте штаны, только отпустите христианские души на покаяние.

*

Неизвестно, чем бы кончились Антиповы подвиги, если бы всевидящее начальство не прислало ему телеграмму:

"Антипу.

Антип. Ты поставлен, чтобы злоумышленников ловить, но если их нету, благодари судьбу и сам их не выдумывай!

Наш идеал именно в том и заключается, чтобы злоумышленников не

было. Стыдись, Антип!

Любящее тебя начальство".

Получил Антип телеграмму, заплакал и подвиги прекратил. Отчего и наступила на белорусской территории тишь и гладь.

М.Б.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПОКОЙНИКА

- Кашляните, - сказал врач 6-ого участка М.К.В.ж.д.

Больной исполнил эту нехитрую просьбу.

- Не в глаза, дядя! Вы мне все глаза заплевали. Дышайте.

Больной задыхался и доктору показалось, что в амбулатории заиграл граммофон.

- Ого! - воскликнул доктор. - Здорово! Температура как?

- Градусов 70, - ответил больной, кашляя доктору на халат.

Ну, 70 не бывает, - задумался доктор, - вот что, друг, у вас ничего особенного - скоротечная чахотка.

- Ишь, как! Стало быть, помру?

- Все помрем, - уклончиво отозвался медик. - Вот что, ангелок, напишу я вам записочку, и поедете в Москву на специальный рентгеновский снимок.

- Помагает?

- Как сказать, - отозвался служитель медицины, - некоторым очень. Да со снимком как-то приятнее.

- Это верно, - согласился больной, - помирать будешь, на снимок поглядишь - утешение! Вдова потом снимок повесит в гостиной, будет гостей занимать: "А вот, мол, снимок моего покойного железнодородника, царство ему небесное". И гостям приятно.

- Вот и прекрасно, что вы присутствия духа не теряете. Берите записочку, топайте к начальнику Зерново-Кочубеевской топливной ветви. Он вам билетик выпишет из Москвы.

- Покорнейше благодарю.

Больной на прощанье наплевал полную плевательницу и затопал к начальнику. Но до начальника он не дотопал, потому что дорогу ему преградил секретарь.

- Вам чего?

- Скоротечная у меня.

- Тю! Чудак! Ты что ж думаешь, что у начальника санатория в кабинете? Ты, дорогуша, топай к доктору.

- Был. Вот и записка от доктора на билет.

- Билет тебе не полагается.

- А как же снимок? Ты что ль будешь делать?

- Я тебе не фотограф. Да ты не кашляй мне на бумаги...

- Без снимка, доктор говорит, непорядок.
- Ну так и быть, ползи к начальнику.
- Драсте... Кхе... кх! А кха, кха!
- Кашляй в кулак. Чего? Билет? Не полагается. Ты прослужил только два месяца. Потерпи еще месяц.
- Без снимка помру.
- Пойди на бульвар, да снимись.
- Не такой снимок. Вот горе в чем.
- Пойди, потолкуй с бухгалтером.
- Здравсте.
- Стань от меня подальше. Чего?
- Билет. За снимком.
- Голова с ухом! У меня касса, что ль? Сыпь к секретарю.
- Здра... Тьфу. Кха. Ррр!...
- Ты-ж был у меня уже. Мало оплевал? Иди к начальнику.
- Здравия жела... пха... хр...
- Да ты что, смеешься? Курьер, оботри мне штаны. Катись к доктору!
- Драсти... Не дают!
- Что-ж я сделаю, голубчик? Идите к начальнику.
- Не пойду, помру... Урр...
- А я вам капель дам. На пол не падай. Санитар, подними его.

Через две недели

- С нами крестная сила! Ты ж помер?!
- То-то и оно.
- Так чего ты ко мне припер? Иди, царство тебе небесное, прямо на кладбище!
- Без снимка нельзя.
- Экая оказия! Стань подальше, а то дух от тебя тяжелый.
- Дух обыкновенный. Жарко, главное.
- Ты б пива выпил.
- Не подают покойникам.
- Ну, зайди к начальнику.
- Здрав...
- Курьеры! Спасите! Голубчики, родненькие!!!
- Куда с гробом в кабинет лезешь, труп окаянный?!

-Курьер, проводи товарища покойника!-

- Говори, говори скорей! Только не гляди ты на меня, ради Христа.
- Билетик бы в Москву... за снимком...
- Выписать ему! Выписать! Мягкое в международном. Только чтоб убрался с глаз моих, а то у меня разрыв сердца будет.
- Как же писать?
- Пишите: от станции Зерново до Москвы скелету такому-то.
- А гроб как же?
- Гроб в багажный!
- Готово, получай.
- Покорнейше благодарим. Позвольте руку пожать.
- Нет уж, рукопожатия отменяются!
- Иди, голубчик, умоляю тебя, иди скорей! Курьер, проводи товарища покойника!

ГЛАВ - ПОЛИТ - БОГОСЛУЖЕНИЕ

Конотопский уисполком по договору 23 июля 1922г. с общиной верующих при ст. Бахмач передал последней в бессрочное пользование богослужебное здание, выстроенное на полосе железнодорожного отчуждения и пристроенное к принадлежащему Зап.ж.д. зданию, в коем помещаются жел.-дорожная школа.
... Окна церкви выходят в школу.

(Из судебной переписки)

Отец дьякон бахмачской церкви, выходящей окнами в школу, в конце концов не вытерпел и надрызгался с самого утра в день Параскевы Пятницы и, пьяный, как зонтик, прибыл к исполнению служебных обязанностей в алтарь.

- Отец дьякон! - ахнул настоятель, - ведь это же что такое?... Да вы гляньте на себя в зеркало: вы сами на себя не похожи!

- Не могу больше, отец настоятель! - взвыл отец дьякон, - замучили окаянные. Ведь это никаких нервов не х-ва...хва..хватит. Какое тут богослужение, когда рядом в голову зудят эту грамоту.

Дьякон зарыдал и крупные, как горох, слезы поползли по его носу.

- Верите ли, вчера за всеобщей разворачиваю требник, а перед глазами огненными буквами выскакивает: "Религия есть опиум для народа". Тьфу! Дьявольское навождение. Ведь это ж... ик... до чего доходит? И сам не заметишь, как в ком... ком... мун... нистическую партию уверуешь. Был дьякон и ау, нету дьякона! Где, спросят добрые люди, наш милый дьякон? А он, дьякон ... он в аду.. в гигиене огненной.

- В геенне, - поправил отец-настоятель.

- Один черт, - отчаянно молвил отец дьякон, криво влезая в стихарь - одолел меня бес!

- Много вы льете, - осторожно намекнул отец-настоятель, - оттого вам и мерещится.

- А это мерещится? - злобно спросил отец-дьякон.

- Владыкой мира будет труд!! - донеслось через открытые окна соседнего помещения.

- Эх, - вздохнул дьякон, завесу раздвинул и пророкотал:
- Благослови, владыка!
- Пролетарию нечего терять, кроме его оков!
- Всегда, ныне, и присно и вовеки веков, - подтвердил отец настоятель, осеняя себя крестным знаменем.
- Аминь! - согласился хор.

Урок политграмоты кончился мощным пением Интернационала и эктении:

- Весь мир насилья мы разрушим
до основанья, а затем...
- Мир всем! - благодушно пропел настоятель.
- Замучили, долгогривые, - захныкал учитель политграмоты, уступая место учителю родного языка, - я - слово, а они - десять!
- Я их перешибу, - похвастался учитель языка и приказал:
- Читай, Клюкин, басню.

Клюкин вышел, одернул пояс и прочитал:

- Попрыгунья стрекоза
Лето красное пропела,
Оглянуться не успела...
  - Яко спаса родила!! - грянул хор в церкви. В ответ грохнул весь класс и прыснули прихожане.
  - Ну их в болото, - ошеломленно хихикая, молвил учитель, - довольно, Клюкин, садись, пять с плюсом.
- Отец настоятель вышел на амвон и опечалил прихожан сообщением:
- Отец дьякон заболел внезапно и... того... богослужить не может.

Скоропостижно заболевший отец дьякон лежал в приделе алтаря и бормотал в бреду:

- Благочестив... самодержавнейшему государю наше... Замучили, проклятые!
- Тиш-ша вы, - шипел настоятель, - услышит кто-нибудь, беда будет.
- Плевать... - бормотал дьякон, - мне нечего терять... ик... кроме оков.
- Аминь, - спел хор.

М.Б.

Примечание "Гудка": В редакции получен материал, показывающий, что дело о совместном пребывании школы и церкви в одном здании тянется уже два года. Просьба всем соответствующим учреждениям сообщить, когда же кончится это невозможное сожительство.

М.Б.

ИГРА ПРИРОДЫ

А у нас есть железнодорожник с фамилией Врангель...

(Из письма рабкора)

Дверь, ведущую в местком, местком станции М., отворил рослый человек с усами завинченными в штопор. Военная выправка выпирала из человека.

Предместком, сидящий за столом, окинул вошедшего взглядом и подумал: "Экий бравый"...

- А вам чего, товарищ? - спросил он.

- В союз желаю записаться, - ответил визитер.

- Тэк-с... А вы где же работаете?

- Да я только что приехал, - пояснил гость, - весовщиком сюда назначили.

- Тэк-с. Ваша как фамилия, товарищ?

Лицо гостя немного потемнело.

- Да фамилия, конечно... - заговорил он, - фамилия у меня... Врангель.

Наступило молчание. Предместком уставился на посетителя, о чем-то подумал и вдруг машинально оцупал документы в левом кармане пиджака.

- А имя и, извините, отчество? - спросил странным голосом.

Вошедший горько и глубоко вздохнул и вымолвил:

- Да имя... ну, что имя, ну, Петр Николаевич.

Предместком привстал с кресла, потом сел, потом опять привстал, глянул в окно, с окна на портрет Троцкого, с Троцкого на Врангеля, с Врангеля на дверной ключ, с ключа косо на телефон. Потом вытер пот и спросил сипло:

- А откуда же вы приехали?

Пришелец вздохнул так густо, что в предместкоме шевельнулись волосы и молвил:

- Да вы не думайте... Ну, из Крыма...

Словно пружина развернулась в предместкоме.

Он вскочил из-за стола и мгновенно исчез.

- Так я и знал! - кисло сказал гость и тяжело сел на стул.

Со звоном хлопнул ключ в дверях. Предместком с глазами, сияющими как звезды, летел через зал 3 класса, потом через 1-й класс и прямо к заветной двери. На лице у предместкома играли краски. По дороге он вертел руками и глазами, наткнулся на кого-то в форменной куртке и ему взвыл шопотом:

- Беги, беги в месткоме дверь покарауль! Что б не убежал!...
- Кто?!
- Врангель!...
- Сдурел!!...

Предместком ухватил носильщика за фартук и прошипел.

- Беги скорей, дверь покарауль!...
- Которую?!
- Дурында... Награду получишь!...

Носильщик выпучил глаза и стрельнул куда-то вбок... за ним второй.

Через три минуты у двери месткома бушевала густая толпа. В толпу клином врезался предместком потный и бледный, а за ним двое в фуражках с красным верхом и синеватыми околышами. Они бодро пробирались в толпе и первый звонко покрикивал:

- Ничего интересного, граждане! Попрошу вас очистить помещение!... Вам куда? В Киев? Второй звонок был. Попрошу очистить...
- Кого поймали, родные?
- Кого надо, того и поймали, попрошу пропустить...
- Деникина словил месткомщик!...
- Дурында, это Савинков убежал... А его залопали у нас!
- Я обнаружил по усам, - бормотал предместком, человеку в фуражке, - глянул... Думаю, батюшки - он!

Двери открылись, толпа полезла друг на друга, и в щели мелькнул пришелец...

Глянув на входящих, он горько вздохнул, кисло ухмыльнулся и уронил шапку.

- Двери закрыть!... Ваша фамилия?
- Да, Врангель же... да, я ж говорю...
- Ага!

Форменные фуражки мгновенно овладели телефоном.

Через пять минут перед дверьми было чисто от публики и по очистившемуся пространству проследовал кортеж из семи фуражек. В се-

редине шел, возведя глаза к небу пришелец и бормотал:

- Вот твоя воля... замучился... В Херсоне водили... в Киеве водили... Вот горе-то... В Совнарком подам, пусть хоть какое хочут название дадут...

- Я обнаружил, - бормотал предместком в хвосте, - батюшки, думаю, усы! Ну у нас это, разумеется, быстро, по-военному: р-раз - и на ключ. Усы - самое главное...

*

Ровно через три дня дверь в тот же местком открылась и вошел тот же бравый. Физиономия у него была мрачная.

Предместком встал и вытаращил глаза.

- Э... вы?

- Я - мрачно ответил вошедший, - и затем молча ткнул бумагу. Предместком прочитал ее, покраснел и заявил:

- Кто ж его знал... - забормотал он... - гм... да игра природы... Главное, усы у вас и Петр Николаевич...

Вошедший мрачно молчал...

- Ну что ж... Стало быть, препятствий не встречается... Да... Зачислим... Да, вот, усы сбили меня...

Вошедший злобно молчал.

*

Еще через неделю подвыпивший весовщик Карасев подошел к мрачному Врангелю с целью пошутить:

- Здравия желаю, ваше превосходительство, - заговорил он, взяв под козырек и подмигнув окружающим, - ну, как изволите поживать? Каково показалось вам при власти советов и вообще у нас в Ресефесере?

- Отойди от меня, - мрачно сказал Врангель.

- Сердитый вы, господин генерал, - продолжал Карасев, - у-у, сердитый. Боюсь, как бы ты меня не расстрелял. У него это просто, взял пролетария.

Врангель размахнулся и ударил Карасева в зубы так, что с того соскочила фуражка.

Кругом засмеялись.

- Что ж ты бьешься, гадюка перекопская? - сказал дрожащим голосом Карасев. - Я шутю, а ты...

Врангель вытащил из кармана бумагу и ткнул ее в нос Карасеву. Бумагу облепили и начали читать:

... "В виду того, что никакого мне проходу нету в жизни, прошю мне роковую фамилию сменить на многоуважаемую фамилию по матери - Иванов..."

Сбоку было написано химическим карандашом "удовлетворить".

- Свинья ты... - заныл Карасев. - Что ж ты мне ударил?

- А ты не дражни, - неожиданно сказали в толпе. - Иванов, с тебя магарыч!

БИБЛИФЕТЧИК

На одной из станций библиотекарь
в вагоне читальне в то же время
и буфетчик при уголке Ильича.

(Из письма рабкора)

- Пожалте! Вон столик свободный. Сейчас обтиру. Вам пивка или книжку?
- Вася, библифетчик спрашивает, чего нам...Книжку или пивка?
- Мне... ти... титрадку и бутирброд.
- Тетрадок не держим.
- Ах, вы... вотр маман... трах-тарарах...
- Неприличными словами просють не выражаться.
- Я выра... вы... ражаю протест!
- Сооруди нам, милый, полдюжинки!
- Азбука, сочинение товарища Бухарина, имеется?
- Совершенно свежий, только-что получен. Герасим Иванович! Бухарин - один раз! И полдюжины светлого!
- Воблочку с икрой.
- Вам воблочку?
- Нам чиво-нибудь почитать.
- Чего прикажите?
- Ну, хоша бы Гоголя.
- Вам домой? Нельзя-с. На вынос книжки не отпускаем. Кушайте, то, бишь читайте здесья.
- Я заказывал шницель. Долго я буду ждать?!
- Чичас. Замучился. За Эрфуртской программой в погреб побежали.
- Наше вам!
- Урра! С утра здесья. Читаем за ваше здоровье!
- То-то я и смотрю, что вы лыка не вяжете. Чем это так надрались?
- Критиком Белинским.
- За критика!
- Здоровье нашего председателя уголка! Позвольте нам два экземпляра мартовского.
- Пст! Эй! Ветчинки сюда. А моему мальцу что-нибудь комсомоль-

ское для развития.

- Историю движения могу предложить.
- Ну, давай движение. Пущай ребенок читает.
- Я из писателей более всего Трехгорного обожаю.
- Известный человек. На каждой стене, на бутылке опять же напечатан.
- Порхает наш Герасим Иванович как орел.
- Благодетель! Каждого ублаготвори, каждому подай...
- Ангел!
- Герасим Иванович, от группы читателей шлем наше ура.
- Некогда, братцы... Пе... то-исть читайте на здоровье.
- Умрешь! Па... ха...ронють, как не жил на свети...
- Сгинешь... не востанешь... кви... кви... селю друзей!
- Налей... налей...

ТРИ ВИДА СВИНСТВА

"В наших густо населенных домах отсутствуют какие-либо правила и порядок общежития".

(Из газет)

1. Белая горячка

Пять раз сукин сын Гришка на животе, по перилам, с 5-го этажа съезжал в "Красную Баварию" и возвращался с парочкой. Кроме того, достоверно известно: с супругами Болдиными со службы возвратилось 1 1/2 бутылки высшего сорта нежинской рябиновки приготовления Госспирта, его же приготовления нежнозеленой русской горькой 1 бутылка, 2 портвейна московского разлива.

- У Болдиных получка, - сказала Дуська и заперла дверь на ключ.

Заперся наглухо квартхоз, пекарь Володя и Павловна, мамаша.

Но в 11 часов они заперлись, а ровно в полночь открылись, когда в комнате Болдиных лопнуло первое оконное стекло. Второе лопнуло в двери. Затем последовательно в коридоре появился пестик, окровавленная супруга Болдина, а за сим и сам супруг в совершенно разорванной сорочке.

Не всякий так может крикнуть "караул", как крикнула супруга Болдина. Словом мгновенно во всех 8-ми окнах кв.50, как на царской иллюминации, вспыхнул свет. После "портвейного разлива" прицелиться, как следует, невозможно, и брошенный пестик, проскочив в одном дюйме над головой квартхоза, прикончил Дуськино трюмо. Осталась лишь ореховая рама. Тут впервые вспыхнуло винтом грозное слово:

- Милиция!

- Милиция, - повторили привидения в белье.

То не Фелия Литвин с оркестром в 100 человек режет резонанс театра страшными криками "Аиды", нет, то Василий Петрович Болдин режет свою жену:

- Милиция! Милиция!

2. Законным браком

Когда молодой человек с усами в штопор проследовал по коридору, единодушно порхнуло восхищенное слово:

- Ах, молодец мужчина!

Ай, да павловнина Танька!

Подцепила жениха!

Молодец-мужчина за стыдливой Таней, печатницей, последовал прямо в комнату № 2, и мамаше Павловне сказал такие слова:

- Я не какой-нибудь супчик, мамаша. Беспартийная личность. Я не то, чтобы поиграть с невинной девушкой и выставить ее коленом. А вас, мамаша, будем лелеять. Ходите к обедне, сам за вас буду торговать.

Поватнулась суровая Павловна, и поехал мерзавец Шурка по перилам в Моссельпром за сахарным песком.

Обвенчался молодец-мужчина в церкви св. Матвея, что на Садовой ул., и видели постным маслом смазанную голову молодца-мужчины рядом с головой Тани, украшенной флер-д'оранжем.

А через месяц сказал молодец-мужчина мамаше Павловне:

- И когда вы издохнете, милая мамаша, с вашими обеднями. Тесно от вас.

Встала Павловна медленно, причем глаза у нее стали, как у старого ужа:

- Я издохну? Сам сдохнешь, сынок. Ворюга. Обожрал меня с Танькой. Царица небесная, да ударь же ты его, дьявола, громом!

Но не успело ударить громом молодца-мужчину. Он медленно встал из-за чайного стола и сказал так:

- Это кто же такой "ворюга"? Позвольте узнать, мамаша? Я ворюга? - спросил он, и голос его упал до шопота. - Я ворюга? - прошептал он уже совсем близко, и при этом глаза его задернулись пеленой.

- Караул! - ответила Павловна, и легко и гулко взлетело повторное: - Караул!

- Милиция! Милиция!

Милиция!

3. Именины

В день святых Веры, Надежды и Любви и матери их Софии (их же память празднуем 17-го, а по советскому стилю на зло 30-го сентября) ударила итальянская гармония в квартире № 50, и весь громадный корпус заходил ходуном. А в половине второго ночи знаменитый танцор Пафнутьич решил показать, как некогда он делал рыбку. Он ее сделал, и в нижней квартире доктора Форточкера упала штукатурка с потолка, весом в шесть с половиной пудов. Остался в живых доктор лишь благодаря тому обстоятельству, что в тот момент находился в соседней комнате.

Вернулся Форточкер, увидел белый громадный пласт и белую тучу на том месте, где некогда был его письменный стол и взвыл:

- Милиция! Милиция!

Милиция!

Михаил Булгаков,
литератор с женой, бездетный, непьющий ищет комнату в тихой семье.

ГЕНИАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Секретарь участка, присутствовавший на общем собрании членов союза на ст. Переездная Донецких железных дорог, ухитрился не только заготовить резолюции для собрания, но даже записать его протокол.

Все были поражены такой гениальностью секретаря.

Рабкор Гвоздь

1.

Секретарь уч-ка сидел в зале вокзала и грыз перо. Перед секретарем лежал большой лист бумаги, разделенный продольной чертой. На левой стороне было написано: "Слушали", на правой: "Постановили". Секретарь вдохновенно смотрел в потолок и бормотал:

- Итак, стало-быть, вопрос о спецодежде.

- Верно я говорю, товарищи? Совершенно верно! - сам себе ответил секретарь хором. - Правильно! Потому: слушали, а, слушав, постановили... - Секретарь макнул перо и стал скрести: - Принять всесторонние меры к выдаче спецодежды без перебоев, снабжая спецодеждой в общем и целом каждого и всякого. Принимается, товарищи? Кто против? - спросил секретарь у своей чернильницы.

Та ничего не имела против, и секретарь написал на листе: "Принято единогласно". И сам же себя похвалил: - Bravo, Макушкин!

- Таперича, что у нас на очереди? - продолжал секретарь. - Касса взаимопомощи: ясно, как апельсин. Ну, в кассе денег нет, это - ясно, как апельсин. И, как апельсин же, ясно, что ссуды вовремя не возвращают. Стало-быть, слушали о кассе, а постановили: "Всемерно содействовать развитию кассы взаимопомощи целиком и полностью, привлекая транспортные низы к участию в кассе, а равно и принять меры к увеличению фонда путем сознательного и своевременного возвращения ссуд целиком и полностью!"

- Кто против? - победоносно спросил Макушкин.

Ни шкаф, ни стулья не сказали ни одного слова против, и Макушкин написал: "Единогласно".

Открылась дверь, и вошел сосед.

- Выкатывайся, - сказал ему Макушкин, - я занят: протокол со-

брания пишу.

- Вчерашнего? - спросил сосед.

- Завтрашнего, - ответил Макушкин.

Сосед открыл рот и так с открытым ртом и ушел.

2.

Зал общего собрания был битком набит, и все головы были устремлены на эстраду, где, рядом с графином с водой и колокольчиком, стоял товарищ Макушкин.

- Первым вопросом повестки дня, - сказал председатель собрания - у нас вопрос о спецодежде. Кто желает?

- Я, я...я... я... - двадцатью голосами ответил зал.

- Позвольте, товарищ, мне, - музыкальным голосом попросил Макушкин.

- Слово предоставляется т.Макушкину, - почтительно сказал председатель.

- Товарищи, - откашлявшись, начал Макушкин и заложил пальцы в жилет, - каждому сознательному члену союза известно, что спецодежда является необходимой...

- Правильно!! В июне валенки выдавали! - загремел зал.

- Попрошу не перебивать оратора, - сказал председатель.

- Поэтому, дорогие товарищи, необходимо принять всесторонние меры к выдаче спецодежды без перебоев.

- Верно! Bravo! - закричал зал.

- Парусиновые штаны прислали в январе!!

- Ти-ше!

- Предлагаю ораторам не высказываться и не терять времени, - сказал Макушкин, - а прямо приступить к обсуждению резолюции.

- Кто имеет резолюцию? - спросил председатель, сбиваясь с пути.

- Я имею, - скромно сказал Макушкин и мгновенно огласил резолюцию.

- Кто против? - сказал изумленный председатель.

Зал моментально и единодушно умолк.

- Пишите: при одном воздержавшемся, - сказал пораженный председатель секретарю собрания.

- Не пишите, товарищ, у меня уже записано, - сказал Макушкин,

сияя глазами.

Общее собрание встало, как один человек, и впились глазами в Макушкина.

Центральный парень, - сказал кто-то восхищенно, - не то, что наши сивзлапые.

*

Когда общее собрание кончилось, толпа провожала Макушкина по улице полверсты, и женщины, поднимая детей на руки, говорили:

- Смотри, вон Макушкин пошел. И ты когда-нибудь такой будешь.

ОНИ ХОЧУТ СВОЮ ОБРАЗОВАННОСТЬ ПОКАЗАТЬ...

... и всегда говорят о непонятном.

А.П.Чехов

Какие-то чудаки наши докладчики. Выражается во время речи иностранными словами, а когда рабочие попросили объяснить - он, оказывается, сам не понимает!

Рабкор Н.Чуфыркин

В зале над тысячью человек на три сажени стоял пар. И пар поднимался от докладчика. Он подъезжал на курьерских к концу международного положения.

- Итак, дорогие товарищи, я резюмирую! Интернациональный капитализм в конце концов и в общем и целом довел свои страны до полной прострации. У акул мирового капитала одно соображение, как бы изолировать советскую страну и обрушиться на нее с интервенцией! Они используют все возможности вплоть до того, что прибегают к дифармации, то есть, сочиняют письма, якобы написанные тов.Зиновьевым! Это, товарищи, с точки зрения пролетариата - моральное разложение буржуазии и ее паразитов и камер-лакеев из Второго Интернационала. - Оратор выпил полстакана воды и загремел, как труба: - Удастся ли это им, товарищи? Совершенно наоборот! Это им не удастся! Капиталистическая вандея, окруженная со всех сторон волнами пока еще аморфного пролетариата, задыхается в собственном соку, и перед капиталистами нет другого исхода, как признать Советский Союз, аккредитировав при нем своих полномочных послов!!

И моментально оратор нырнул вниз, словно провалился. Затем вскочила из кресла его голова и предложила:

- Если кто имеет вопросы, прошу задавать.

В зале наступила тишина. Затем в отдалении зашевелилась в самой гуще голова Чуфыркина:

- Вы имеете, товарищи? - ласково обратился к нему с эстрады совершенно осипший оратор.

- Имею, - ответил Чуфыркин и облокотился на спинку переднего стула. Вид у Чуфыркина был отчаянный. - Ты из меня всю кровь вы-

пил!

Зал охнул, и все головы устремились на смельчака Чуфыркина.

- Сижу и не понимаю: жив я или уже помер, - объяснил Чуфыркин.

В зале настала могильная тишина.

- Виноват. Я вас не понимаю, товарищ, - оратор обидчиво скривил рот и побледнел.

- В голове пузыри буль-буль, как под водой сидишь, - объяснил Чуфыркин.

- Я не понимаю, - заволновался оратор.

Председатель стал подниматься с кресла.

- Вы, товарищ, вопрос имеете? Ну?

- Имею, - подтвердил Чуфыркин, - объясни - резюмирую.

- То-есть, как это, товарищ? Я не понимаю, что объяснить?

- Что означает - объясни!

- Виноват, ах да. Вам не совсем понятно, что значит "резюмирую"?

- Совершенно непонятно, - вдруг крикнул чей-то измученный голос из задних рядов. - Вандея какая-то. Кто она такая?

Оратор стал покрываться клюквенной краской.

- Сию минуту. М-м-м. Так, вы про "резюмирую". Это, видите ли, товарищ, слово иностранное.

- Оно и видно, - ответил чей-то женский голос сбоку.

- Что обозначает? - повторил Чуфыркин.

- Видите ли, резю-зю-ми-ми-... забормотал оратор. - Понимаете ли, ну вот, например, я, скажем, излагаю речь. И вот выводы, так сказать. Одним словом, понимаете?

- Черти серые, - сказал Чуфыркин злобно.

Зал опять стих.

- Кто серые? - растерянно спросил оратор.

- Мы, - ответил Чуфыркин, - не понимаем, что вы говорите.

- У него образование высшее, он высшую начальную школу кончил, - и председатель позвонил. Где-то засмеялись.

- Интервенцию - объясните, - продолжал Чуфыркин настойчиво.

- И диффармацию, - добавил чей-то острый пронзительный голос сверху и сбоку.

- И кто такой камер-лакей? В какой камере?!

- Про вашего расскажите!!

Председатель взвился, начал звонить.

- Не сразу, товарищи, прошу по очереди!

- Аккредитировать - не понимаю?!

- Ну, что значит аккредитировать? - растерялся оратор. - Ну, значит, послать к нам послов.

- Так и говори!! - раздраженно забасил кто-то на галерее.

- Интервенцию даешь!! - отозвались задние ряды.

Какая-то лохматая учительская голова поднялась и, пскрывая нарастающий гул, заявила:

- И кроме того, имейте в виду, товарищ оратор, что такого слова "использовывать" в русском языке нет! Можно сказать - использовать.

- Здорово! - отозвался зал. - Вот так припаял! Шкраб, он умеет!

В зале начался бунт.

- Говори, говори! Пока у меня мозги винтом не завинтило! - страдальчески кричал Чуфыркин. - Ведь это же немислимое дело!!

Оратор, как затравленный волк озираясь на председателя, вдруг куда-то провалился. Багровый председатель оглушительно позвонил и выкрикнул:

- Тише! Предлагается перерыв на десять минут. Кто за?

Зал ответил бурным хохотом, и целый лес рук поднялся кверху.

МАДМАЗЕЛЬ ЖАННА

У нас в клубе на ст. 3. был вечер прорицательницы и гипнотизерки Жан-ны.

Угадывала чужие мысли и заработала 150 рублей за вечер.

Рабкор

Замер зал. На эстраде появилась дама с беспокойными подкрашенными глазами в лиловом платье и красных чулках. А за нею бойкая, словно молью траченная личность в штанах в полоску и с хризантемой в петлице пиджака. Личность шнырнула глазом вправо и влево, изогнулась и шепнула даме на ухо:

- В первом ряду лысый, в бумажном воротничке, второй помощник начальника станции. Недавно предложение сделал - отказала. Нюрочка (публике громко) - Глубокоуважаемая публика. Честь имею вам представить знаменитую прорицательницу и медиумистку мадмазель Жанну из Парижа и Сицилии. Угадывает прошлое, настоящее и будущее, а равно интимные семейные тайны!

Зал побледнел.

(Жанне) - Сделай загадочное лицо, дура. (Публике). Однако не следует думать, что здесь какое-либо колдовство или чудеса. Ничего подобного, ибо чудес не существует. (Жанне). Сто раз тебе говорил, чтоб браслетку надевать на вечер. (Публике). - Все построено исключительно на силах природы с разрешения месткома и культурно-просветительной комиссии и представляет собою виталлопатию на основе гипнотизма по учению индийских факиров, угнетенных английским империализмом. (Жанне) Под лозунгом сбоку с ридикулем, ей муж изменяет на соседней станции. (Публике). Если кто желает узнать глубокие семейные тайны, прошу задавать вопросы мне, а я внушу путем гипнотизма, усыпив знаменитую Жанну... Прошу вас сесть, мадмазель... По очереди, граждане! (Жанне). Раз, два, три - и вот вас начинает клонить ко сну! (Делает какие-то жесты руками, как будто тычет в глаза Жанне). Перед вами изумительный пример оккультизма. (Жанне). Засыпай, что сто лет глаза тарачишь? (Публике). Итак, она спит! Прошу...

В мертвой тишине поднялся помощник начальника, побагровел, потом побледнел и спросил диким голосом от страху:

- Какое самое важное событие в моей жизни? В настоящий момент?

Личность (Жанне): На пальцы смотри внимательней, дура.

Личность повертела указательным пальцем под хризантемой, затем сложила несколько таинственных знаков из пальцев, что обозначало "раз-би-то-е".

- Ваше сердце, - заговорила Жанна, как во сне, гробовым голосом, - разбито коварной женщиной.

Личность одобрительно заморгала глазами. Зал охнул, глядя на несчастливого помощника начальника станции.

- Как ее зовут? - хрипло спросил отвергнутый помощник.

- Эн, ю, эр, о, ч,.., - завертела пальцами у лацкана пиджака личность.

- Нюрочка! - твердо ответила Жанна.

Помощник начальника станции поднялся с места совершенно зеленый, тоскливо глянул во все стороны, уронил шапку и коробку с папиросами и ушел.

- Выйду ли я замуж? - вдруг истерически выкликнула какая-то барышня. - Скажите, дорогая мадамзель Жанна?

Личность опытным глазом смерила барышню, приняла во внимание нос с прыщем, льняные волосы и кривой бок и сложила у хризантемы условный шиш.

- Нет, не выйдете, - сказала Жанна.

Зал загремел, как эскадрон на мосту, и помертвевшая барышня выскочила вон.

Женщина с ридикулем отделилась от лозунгов и сунулась к Жанне.

- Брось, Дашенька, - послышался сзади сиплый мужской шепот.

- Нет, не брось, теперь я узнаю все твои штучки-фокусы, - ответила обладательница ридикуля и сказала:

- Скажите, мадамзель, что, мой муж мне изменяет?

Личность обмерила мужа, заглянула в смущенные глазки, приняла во внимание густую красноту лица и сложила палец крючком, что означало "да".

- Изменяет, - со вздохом ответила Жанна.

- С кем? - спросила зловещим голосом Дашенька.

"Как, черт, ее зовут? - подумала личность. Да! Бог памяти... да, да, да жена этого... ах, ты, чорт... вспомнила - Анна".

- Дорогая Ж..анна, скажите, Ж..анна, с кем изменяет ихний суп-

руг?

- С Анной, - уверенно ответила Жанна.

- Так я и знала! - с рыданьем воскликнула Дашенька. - Давно догадывалась. Мерзавец!

И с этими словами хлопнула мужа ридикюлем по правой, гладко выбритой, щеке.

И зал разразился бурным хохотом.

КОНДУКТОР И ЧЛЕН ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ

Кондуктора Московско-Белорусско-Балтийской дороги снабжены инструкцией № 85, составленной во времена министерства путей сообщения, об отдании разных почестей членам императорской фамилии.

Рабкор 1860

Кондуктора совершенно ошалели.

Бумага была гляцевитая, плотная, казенная, пришедшая из центра, и на бумаге было напечатано:

"Буде встретишь кого-либо из членов профсоюза железнодорожников, приветствуй его вежливым наклоением головы и словами: "Здравствуйте, товарищ". Можно прибавить и фамилию, если таковая известна.

А буде появится член императорской фамилии, то приветствовать его отданием чести согласно формы № 85 и словами: "Здравия желаю, ваше императорское высочество", а ежели это окажется сверх всяких ожиданий и сам государь император, то слово "высочество" заменяется словом "величество".

Получив эту бумагу, Хвостиков явился домой и от огорчения сразу заснул. И лишь только заснул, оказался на перроне станции. И пришел поезд.

"Красивый поезд, - подумал Хвостиков, - кто бы это такой, желал бы я знать, мог приехать в этом поезде?"

И лишь только он это подумал, зеркальные стекла засверкали электричеством, двери растворились и вышел из синего вагона государь император. На голове у него лихо сидела сияющая корона, а на плечах белый с хвостиками горноста́й. Сверкающая орденами свита, шлепая шпорами, высыпалась следом.

"Что же это такое, братцы?" - подумал Хвостиков, и оцепенел.

- Ба! Кого я вижу? - сказал государь император прямо в упор Хвостикову, - если глаза меня не обманывают, это бывший мой верноподданный, а ныне товарищ, кондуктор Хвостиков? Здравствуй, дражайший!

- Караул... Здравия желаю... засыпался... ваше... пропал, и с детками... императорское величество, - совершенно синими губами ответил Хвостиков.

- Что ж ты какой-то кислый, Хвостиков? - спросил государь император.

- Смотри веселей, сволочь, когда разговариваешь! - шепнул сзади свитский голос.

Хвостиков попытался изобразить на лице веселье. И оно вышло у него странным образом. Рот скривился направо, и сам собой закрылся левый глаз.

- Ну, как же ты поживаешь, милый Хвостиков? - осведомился государь император.

- Покорнейше благодарю, - беззвучно ответил полумертвый Хвостиков.

- Все ли в порядке? - продолжал беседу государь император.

- Как касса взаимопомощи поживает? Общие собрания?

- Все благополучно, - отрапортовал Хвостиков.

- В партию еще не записался? - спросил император.

- Никак нет.

- Ну, а все-таки сочувствуешь ведь? - осведомился государь император и при этом улыбнулся так, что у Хвостикова по спине прошел мороз градусов на 5.

- Отвечай, не заикаясь, к-каналья, - посоветовал сзади голос.

- Я немножко, - ответил Хвостиков, - самую малость...

- Ага, малость. А скажи, пожалуйста, дорогой Хвостиков, чей это портрет у тебя на груди?

- Это... Это до некоторой степени т.Каменев, - ответил Хвостиков и прикрыл Каменева ладошкой.

- Так-с, - сказал государь император, - очень приятно. Но вот что: багажные веревки у вас есть?

- Как же, - ответил Хвостиков, чувствуя холод в желудке.

- Так вот: взять этого сукиного сына и повесить его на багажной веревке на тормозе, - распорядился государь император.

- За что же, товарищ император? - спросил Хвостиков, и в голове у него все перевернулось кверху ногами.

- А вот за это самое, - бодро ответил государь император, - за профсоюз, за "вставай, проклятьем заклеянный", за кассу взаимопомощи, за "весь мир насилья мы разроем", за портрет, за "до основанья, а затем"... и за тому подобное прочее. Взять его!

- У меня жена и малые детки, ваше товарищество, - ответил

Хвостиков.

- Об детках и о жене не беспокойся, - успокоил его государь император, - и жену повесим, и деток. Чувствует мое сердце, и по твоей физиономии я вижу, что детки у тебя - пионеры. Ведё пионеры?

- Пи... - ответил Хвостиков, как телефонная трубка.

Затем десять рук схватили Хвостикова.

- Спасите! - закричал Хвостиков, как зарезанный.

И проснулся.

В холодном поту.

НЕУНЫВАЮЩИЕ БОДИСТКИ

Есть такой аппарат системы Бодо. Чрезвычайно удобная штука для телеграфирования. Вы, к примеру, сидите в Киеве, а ваша подруга у аппарата в Москве. И обоим на дежурстве до того скучно, что глаза пупом лезут. И аппарату тоже не черта делать. И вот вы пальчиками начинаете колдовать по клавишам, и получается очень интересный разговор.

КИЕВ (начинает). Трык, трык... Это ты, Лиза?... Здравсивуй, милашка...

МОСКВА (приятно удивлена). Неужели ты, Оля!... Ну, рассказывай, какие новости.

КИЕВ (гордо). А у меня есть... а у меня есть...

МОСКВА (заинтересованно). Что есть?

КИЕВ. Милый муженек - Колечка!

МОСКВА. Правда?

КИЕВ. Ей бо... Но и кроме Колечки все мною увлекаются... А я, как всегда, кружу всем головы... Летом еду в Крым на курорт (гордо). Все за мною, как за дичью гоняются...

МОСКВА (крыть нечем). А я после болезни располнела. И вообще играю на сцене. Бросила выть и мямлить.

КИЕВ (дразнит). Мой Колечка цаца... Но я нарочно холодна с ним (интимно) трак-трак... Чтобы он жарче ласкал... Вообще здесь лучше, не то что на прежней должности. (Пауза). Они меня любят... Ну, а как ты, девочка, золото... По-прежнему такая же чистенькая, скромница и внутренними чувствами, и внешними? (Аппарат вздыхает). Эх, детка, муж мой, Колечка, моложе меня, к тому же хохол... А вот есть, трык-трак... Васенька из Ленинграда, до чего он мне нравится!

МОСКВА (шпильку по аппарату). Ты же (аппарат шипит) увлекалась недавно Петенькой?... Хи-хи... Не правда ли? (Ш-шсс, как змея).

КИЕВ (равнодушно). Ну, ведь это же была фантастическая любовь. Меня оболгали всякие гады... Муж как раз уехал, а там мерзавцы сплетники наплели, что будто бы я с ним сыграла плохую штучку.. (Пауза). Ну, он и умер.

МОСКВА (после молчания). Какие еще новости?

КИЕВ. Катя в партию записалась!!!

МОСКВА. Ну?!!

КИЕВ. Шурочка проездом из Одессы была у меня. Летом я думала к ней катнуть, но потом решила лучше в Крым, на курорт... Да, Коханюк-то, помнишь, который за тобой ухаживал, женился. Ты слышишь?... Женился... Хи-хи... Женился!

МОСКВА (вздрагивает по аппарату). Трр...

КИЕВ. Ну, всего лучшего, детка, хочу спатки и тебе советую.

МОСКВА. А скажи, пожалуйста, у вас сокращения не предвидится? Не уволят тебя?

КИЕВ (весело). О, нет, я теперь очень прочная... Спокойной ночи. Трык...

Примечание: Материал для фельетона взят с контрольных лент, копии которых присланы рабкором. По этим лентам две бодистики передали 1.230 слов галиматьи, частично дословно записанной в фельетоне.

БАНЩИЦА - ИВАН

В бане на станции Элено Муромской линии в женский день, пятницу, неизменно присутствует один и тот же банщик дядя Иван, при котором посетительницам бани приходится раздеваться, пользуясь тазами вместо фиговых листков. Неужели нельзя поставить в пятницу в баню одну из женщин, работающих в ремонте?

Рабкор

Предисловие

До того неприлично про это писать, что перо опускается.

1. В бане

-- Дядь Иван, а дядь Иван!

-- Што тебе? Мыло, мочалка имеется?

-- Все имеется, только умоляю тебя: уйди ты к чертям!

-- Ишь, какая пряткая, я уйду, а в энто время одежду покрадут.

А кто отвечать будет - дядя Иван. Во вторник мужской день был, у начальника станции порцыгар свистнули. А кого крыли? Меня, дядю Иванна!

-- Дядя Иван! Да хоть отвернись на одну секундочку, дай пробежать!

-- Ну, ладно, беги!

Дядя Иван отвернулся к запотевшему окошку предбанника, расправил рыжую бороду веером и забурчал:

-- Подумаешь, невидаль какая. Чудачка тоже. Удовольствие мне, что ли? Должность у меня уж такая похабная... Должность заставляет.

Женская фигура выскочила из простыни и, как Ева по раю, побежала в баню.

- Ой, стыдобушка!

Дверь в предбанник открылась, выпустила тучу пара, а из тучи вышла мокрая, распаренная старушка, тетушка дорожного мастера. Старушка выжала мочалку и села на диванчик, мигая от удовольствия глазами.

- С легким паром, - поздравил ее над ухом сиплый бас.

- Спасибо, голубушка. Спас... Ой! С нами крестная сила. Да ты ж мужик?!

- Ну и мужик, дак что... Простыня не потребуется?

- Казанская божья мать! Уйди ты от меня со своей простыней, охальник! Что ж это у нас в бане делается?

- Что вы, тетушка, бушуете, я же здесь был, когда вы пришли!

- Да не заметила давеча я! Плохо вижу я, бесстыдник. А теперь, гляжу, а у него борода, как метла! Манька, дрянь, простыней закройся!

- Вот мученье, а не должность, - пробурчал дядя Иван, отходя.

- Дядя Иван, выкинься отсюда! - кричали женщины с другой стороны, закрываясь тазами, как щитами от неприятеля.

Дядя Иван повернулся в другую сторону, оттуда завывли, дядя Иван бросился в третью сторону, оттуда выгнали. Дядя Иван плюнул и удалился из предбанника, заявив зловеще:

- Ежели что покрадут, я снимаю с себя ответственность.

2. В пивной

В воскресный день измученный недельной работой дядя Иван сидел за пивом в пивной "Красный Париж" и рассказывал:

- Чистое мученье, а не должность. В понедельник топить начинаю, во вторник всякие работники моются, в среду, которые с малыми ребятами, в четверг просто рядовые мужчины, в пятницу женский день. Женский день мне самый яд. То-есть глаза б мои не смотрели. Набьется баб полные бани, орут, монатки свои разбросают. И, главное, на меня обижаются, а я при чем? Должен я смотреть или нет, если меня приставили к этому делу. Должен! Нет, хуже баб нету народа на свете. Одна и есть приличная женщина - жена нашего нового служащего Коверкотова. Аккуратная бабочка. Придет, все свернет, разложит, только скажет: "Дядя Иван, провались ты в преисподнюю"... Одно не хорошо: миловидная такая бабочка с лица, а на спине у нее родинка, да ведь до чего безобразная, как летучая мышь прямо, посмотришь, плюнуть хочется...

- Что-о-о-о?! Какая такая мышь?.. Ты про кого говоришь, рыжая дрянь?

Дядя Иван побледнел, обернулся и увидел служащего Коверкотова.

Глаза у Коверкотова сверкали, руки сжимались в кулаки.

- Ты где же мышь взял? Ты что же гадости распространяешь? А?

- Какие гадости, - начал было дядя Иван и не успел окончить...

Коверкотов подвинулся к нему вплотную и...

3. В суде

- Гражданин Коверкотов, вы обвиняетесь в том, что 21 марта сего года нанесли оскорбление действием служащему при бане гражданину Ивану.

- Гражданин судья, он мою честь опозорил!

- Расскажите, каким образом вы опозорили честь гражданина Коверкотова?

- Ничего я не позорил... Чистое наказание. Прошу вас, гражданин судья, уволить меня с должности банщицы. Сил моих больше нет.

*

Судья долго говорил с жаром, прикладывая руки к сердцу, и дело кончилось мировой.

Через несколько дней дядю Ивана освободили от присутствия в пятницу в женской бане и назначали вместо него женщину из ремонта.

Таким образом, на станции вновь наступили ясные дни.

МИХАИЛ

О ПОЛЬЗЕ АЛКОГОЛИЗМА

Пролог

"На собрании по перевыборам месткома на ст.Н.член союза Микула явился вдребезги пьяный. Рабочая масса кричала: "Недопустимо!", но представитель уч-ка выступил с защитой Микулы, объяснив, что пьянство - социальная болезнь и что можно выбирать, и выпивая, в состав месткома".

Рабкор 2619

*

- К чорту с собрания пьяную физию! Это недопустимо! - кричала рабочая масса.

Председатель то вставал, то садился, точно внутри у него помещалась пружинка.

- Слово предоставляется! - кричал он, простирая руки, - товарищи, тише!... Слово предостав... товарищи, тише! Товарищи! Умоляю вас выслушать представителя уч-ка...

- Долой Микулу! - кричала масса, - этого пьяницу надо изжить!

Лицо представителя появилось за столом президиума. На учкином лице плавала благожелательная улыбка. Масса еще поволновалась, как океан, и стихла.

- Товарищ! - воскликнул представитель приятным баритоном: - Я - представитель! И если он - Волна! А масса вы - Советская Россия, то учк не может быть не возмущен, когда возмущена стихия!

Такое начало польстило массе чрезвычайно.

- Стихами говорит!

- Кормилец ты наш! - восхищенно воскликнула какая-то старушка и зарыдала. После того, как ее вывели, представитель продолжал:

- О чем шумите вы, народные витии?!

- Насчет Микулы шумим! - отвечала масса.

- Вон его! Позор!

- Товарищи! Именно по поводу Микулы я и намерен говорить.

- Правильно! Крой его, алкоголика!

- Прежде всего, перед нами возникает вопрос: действительно ли пьян означенный Микула?

- Ого-го-го-го! - закричала масса.

- Ну, хорошо, пьян, - согласился представитель.

- Сомнений, дорогие товарищи, в этом нет никаких. Но тут перед нами возникает социальной важности вопрос: на каком-таком основании пьян уважаемый член союза Микула?

- Именинник он! - ответила масса.

- Нет, милые граждане, не в этом дело. Корень зла лежит гораздо глубже. Наш Микула пьян, потому что он... болен.

Масса застыла, как соляной столб.

Багровый Микула открыл один совершенно мутный глаз и в ужасе посмотрел на представителя.

- Да, милейшие товарищи, пьянство есть не что иное, как социальная болезнь, подобная туберкулезу, сифилису, чуме, холере и.. Прежде, чем говорить о Микуле, подумаем, что такое пьянство и откуда оно взялось? Некогда, дорогие товарищи, бывший великий князь Владимир, прозванный за свою любовь к спиртным напиткам Красным Солнышком, воскликнул: "Наши веселия есть пити!"

- Здорово загнул!

- Здоровее трудно. Наши историки оценили по достоинству слова незабвенного бывшего князя и начали выпивать по малости, восклицая при этом: "Пьян, да умен - два угодья в нем!"

- А с князем что было? - спросила масса, которую заинтересовал доклад секретаря.

- Помер, голубчики. В одночасье от водки сгорел, - с сожалением пояснил всезнайка-секретарь.

- Царство ему небесное! - пискнула какая-то старушечка. - Хуть и совецкий, а все ж святой.

- Ты религиозный дурман на собрании не разводи, тетя, - попросил ее секретарь, - тут тебе царств небесных нету. Я продолжаю, товарищи. После чего в буржуазном обществе выпивали 900 лет подряд, всякий и каждый, не щадя младенцев и сирот. Пей, да дело разумей, - воскликнул знаменитый поэт буржуазного периода Тургенев. После чего составил ряд пословиц народного юмора в защиту алкоголизма, как-то: "Пьяному море по колено", "Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке", "Не вино пьянит человека, а время", "Не в свои сани не садись", и какие, бишь, еще?

- Чай не водка, много не выпьешь! - ответила крайне заинтересованная масса.

- Верно, меток. "Разве с полведра напьешься?" "Курица, и та

пьет". "И пить - умереть, и не пить - умереть". Налей, налей, товарищ, заздравную чару!..

- Бог - зна-е-ет, что с нами случится, - подтянул пьяный засыпающий Микула.

- Товарищ больной, прошу вас не петь на собрании, - вежливо попросил председатель, - продолжайте, товарищ оратор.

- Помолимся, - продолжал оратор, - помолимся творцу, мы к рюмочке приложимся, потом и к огурцу, господин городской, будьте вежливы со мной, отведите меня в часть, чтобы в грязь мне не упасть, неприличными словами прошу не выражаться и на чай не выдавать, февраля двадцать девятого выпил штоф вина проклятого, ежедневно свежие раки, через тумбу, тумбу раз...

- Куда?! - вдруг рявкнул председатель.

Пять человек вдруг, крадучись, вылезли из рядов и шмыгнули в дверь.

- Не выдержали речи, - пояснила восхищенная масса, - красноречиво убедил. В пивную бросились, пока не закрыли.

- Итак! - гремел оратор, - вы видите, насколько глубоко пронизала нас социальная болезнь. Но вы не смущайтесь, товарищи. Вот, например, наш знаменитый самородок Ломоносов восемнадцатого века в высшей степени любил поставить банку, а однако вышел первоклассный ученый и товарищ, которому даже памятник поставили у университета на Моховой улице. Я бы мог привести выдающиеся примеры, но не хочу... Я заканчиваю и приступаем к выборам.

Эпилог

"... после чего рабочие массы выбрали в кандидаты месткома известного алкоголика, и на другой же день он сидел пьяный, как дым, на перроне и потешал зевак анекдотами, рассказывая, что разрешено пить, лишь бы не было вреда".

(Из того же письма рабкора)

МИХАИЛ

(В основе фельетона истинное происшествие, описанное рабкором № 742)

СМЫЧКОЙ ПО ЧЕРЕПУ

Дождалось, наконец, радости одно из сел Червонного, Фастовского района, что на киевщине! Сам Сергеев, представитель райисполкома, он же заместитель предместкома, он же голова охраны труда ст. Фастов, прибыл устраивать смычку с селянством, как по радио стукнула весть о том, что сего числа Сергеев повернется лицом к деревне!

Селяне густыми касяками пошли в хату-читальню. Даже 60-летний дед Омелько (по профессии - середняк), вооружившись клюкой, приплелся на общее собрание.

В хате яблоку негде было упасть; дед приткнулся в уголочке, наставил ухо трубой и приготовился к восприятию смычки.

Гость на эстраде гремел, как соловей в жимолости. Партийная программа валилась из него крупными кусками, как из человека, который глотал ее долгое время, но совершенно не прожевывал!

Селяне видели энергичную руку, заложенную за борт куртки, и слышали слова:

- Больше внимания селу... Мелиорация... Производительность... Посевкампания... середняк и бедняк... дружные усилия... мы к вам ... вы к нам... посевматериал... район... это гарантирует, товарищи... семенная ссуда... Наркомзем... Движение цен... Наркомпрос... Тракторы... Кооперация... облигации...

Тихие вздохи порхали в хате. Доклад лился, как река. Докладчик медленно поворачивался боком; и, наконец, совершенно повернулся к деревне. И первый предмет, бросившийся ему в глаза в этой деревне, было огромное и сморщенное ухо деда Омельки, похожее на грамфонную трубу. На лице у деда была напряженная дума.

Все на свете кончается, кончился и доклад. После аплодисментов наступило натянутое молчание. Наконец, встал председатель собрания и спросил:

- Нет ли у кого вопросов к докладчику?

Докладчик горделиво огляделся: нет, мол, такого вопроса на свете, на который бы я не ответил!

И вот произошла драма. Загремела клюка, встал дед Омелько и сказал: "Я прошу, товарищи, чтоб товарищ смычник по-простому рассказал свой доклад, бо я ничего не понял."

Учинив такое неприличие, дед сел на место. Настала гробовая тишина, и видно было, как побагровел Сергеев. Прозвучал его металлический голос:

- Это что еще за индивидуализм?

Дед обиделся:

- Я не индюком (?)... Я - дед Омелько.

Сергеев повернулся к председателю:

- Он член комитета незаможников?

- Нет, не член, - сконфуженно отозвался председатель.

- Ага! - хищно воскликнул Сергеев, - стало быть, кулак?

Собрание побледнело.

- Так вывести же его вон!! - вдруг рявкнул Сергеев и, впад в иступление и забывчивость, повернулся к деревне не лицом, а совсем противоположным местом.

Собрание замерло. Ни один не приложил руку к дряхлому деду, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не выручил докладчика секретарь сельской рады Игнат. Как коршун, налетел секретарь на деда и, обозвав его "сукиным дедом", за шиворот поволок его из хаты-читальни.

Когда вас волокут с торжественного собрания, мудреного нет, что вы будете протестовать. Дед, упираясь ногами в пол, бормотал:

- Шестьдесят лет прожил на свете, не знал, что я кулак... а также спасибо вам за смычку!

- Ладно, - пыхтел Игнат, - ты у меня поразговариваешь. Ты у меня разговоришься, я тебе покажу, какой ты элемент.

Способ доказательства Игнат избрал оригинальный. Именно вытащив деда во двор, урезал его по затылку чем-то настолько тяжелым, что деду показалось, будто бы попомеркнуло полуденное солнце и на небе выступили звезды.

Неизвестно, чем доказал Игнат деду. По мнению последнего (а ему виднее, чем кому бы то ни было) это была резина.

На этом смычка с дедом Омелькой и закончилась.

Впрочем, не совсем. После смычки дед оглох на одно ухо.

*

Знаете, что, тов.Сергеев? Я позволяю себе дать вам два совета (они также относятся и к Игнату). Во-первых, справьтесь, как здоровье деда. А во-вторых: смычка смычкой, а мужиков портить все-таки не следует. А то вместо смычки произойдут неприятности.

Для всех.

И для нас, в частности.

ДВУЛИКИЙ ЧЕМС

На ст. Фастов ЧМС издал распоряжение о том, чтобы ни один служащий не давал корреспонденций в газеты без его просмотра.

А когда об этом узнал корреспондент, ЧМС испугался и спрятал книгу распоряжений под замок.

Рабкор 742

- Я пригласил вас, товарищи, - начал Чемс, - с тем, чтобы сообщить вам пакость: до моего сведения дошло, что многие из вас в газеты пишут?

Приглашенные замерли.

- Не ожидал я этого от моих дорогих сослуживцев, - продолжал Чемс горько. - Солидные такие чиновники... то бишь служащие... И не угодно ли... Ай, ай, ай, ай, ай!

И чемсова голова закачалась, как у Фарфорового кота.

- Желал бы я знать, какой это пистолет наводит тень на нашу дорогую станцию? То есть, ежели бы я это знал...

Тут Чемс пытливо обвел глазами присутствующих.

- Не товарищ ли это Бабкин?

Бабкин позеленел, встал и сказал, прижимая руку к сердцу:

- Ей-богу... честное слово... клянусь... землю буду есть... икону симу... Чтоб я не дождался командировки на курорт... чтоб меня уволили по сокращению штатов... если это я!

В речах его была такая искренность, сомневаться в которой было невозможно.

- Ну тогда, значит, Рабинович?

Рабинович отозвался немедленно:

- Здравствуйте! Чуть что, сейчас - Рабинович. Ну, конечно, Рабинович во всем виноват! Крушение было - Рабинович. Скорый поезд опоздал на восемь часов - тоже Рабинович. Спец-одежду задерживают - Рабинович! Гинденбурга выбрали - Рабинович? А почему это я, Рабинович, а не он, Азеберджаньян?

Азеберджаньян ответил:

- Не ври, пожалста! У меня даже чернил нету в доме. Только красное азербейджанское вино.

- Так неужели это Бандуренко? - спросил Чемс.

Бандуренко отозвался:

- Чтоб я издох!...

- Странно. Полная станция людей, чуть не через день какая-нибудь этакая корреспонденция, а когда спрашиваешь: "Кто?", - виновного нету. Что ж, их святой дух пишет?

- Надо полагать, - молвил Бандуренко.

- Вот я б этого святого духа, если бы он только мне попался! Ну, ладно, Иван Иванович, читайте им приказ, и чтоб каждый расписался!

Иван Иванович встал и прочитал:

"Объявляю всем служащим вверенного мне... мною замечено... обращаю внимание... недопустимость... и чтоб не смели, одним словом..."

*

С тех пор станция Фастов словно провалилась сквозь землю. Молчание.

- Странно, - рассуждали в столице, - большая такая станция, а между тем ничего не пишут. Неужели там у них никаких происшествий нет? Надо будет послать к ним корреспондента.

*

Вошел курьер и сказал испуганно:

- Там до вас, товарищ Чемс, корреспондент приехал.

- Врешь, - сказал Чемс, бледнея, - не было печали! То-то мне всю ночь снились две большие крысы... Боже мой, что теперь делать?... Гони его в шею... То бишь, проси его сюда... Здравствуйте, товарищ... Садитесь, пожалуйста. В кресло садитесь, пожалуйста. На стуле вам слишком твердо будет. Чем могу служить? Приятно, приятно, что заглянули в наши отдаленные палестины!

- Я к вам приехал связь корреспондентскую наладить.

- Да, господи! Да, Боже-ж мой! Да я же полгода бьюсь, чтобы наладить ее, проклятую. А она не налаживается. Уж такой народ. Уж до чего дикий народ, я вам скажу по секрету, прямо ужас.

Двадцать тысяч раз им твердил: "Пишите, черти полосатые, пишите!" ни черта они не пишут, только пьянствуют. До чего дошло: несмотря на то, что я перегружен работой, как вы сами понимаете, дорогой товарищ, сам им предлагал: "Пишите, говорю, ради всего святого, я сам вам буду исправлять корреспонденции, сам помогать буду, сам отправлять буду, только пишите, чтоб вам ни дна, ни покрывки". Нет, не пишут! Да вот я вам сейчас их позову, полюбуйтесь сами на наше фастовское народонаселение. Курьер, зови служащих ко мне в кабинет.

Когда все пришли, Чемс ласково улыбнулся, ухмыльнулся одной щекой корреспонденту, а другой служащим и сказал:

- Вот, дорогие товарищи, зачем я вас пригласил. Извините, что отрываю от работы. Вот товарищ корреспондент прибыл из центра, просить вас, товарищи, чтобы вы, товарищи, не ленились корреспондировать нашим столичным товарищам. Неоднократно я уже просил вас, товарищи...

- Это не мы! - испуганно ответили Бабкин, Рабинович, Азеберджаньян и Бандуренко.

- Зарезали, черти! - про себя воскликнул Чемс и продолжал вслух, заглушая ропот народа: - Пишите, товарищи, умоляю вас, пишите! Наша союзная пресса уже давно ждет ваших корреспонденций, как манны небесной, если можно так выразиться? Что же вы молчите?

Народ безмолствовал.

Михаил Б.

РАБОТА ДОСТИГАЕТ 30 ГРАДУСОВ

Общее собрание транспортной комячейки ст.Троицк Сам.-злат. не состоялось 20 апреля, так как некоторые партийцы справляли пасху с выпивкой и избие-нием жен.

Когда это происшествие обсуждалось на ближайшем собрании, выступил член бюро ячейки и секретарь месткома и заявил, что пить можно, но надо знать и уметь как.

Рабкор Зубочистка

Одинокий человек сидел в помещении камячейки на станции ИКС и тосковал.

- В высшей степени странно. Собрание назначено в 5 часов, а сейчас половина девятого. Что-то ребятишки стали опаздывать.

Дверь впустила еще одного.

- Здравствуй, Петя, - сказал вошедший, - кворум изображаешь? Изображай. Голосуй, Петро!

- Ничего не понимаю, - отозвался первый. - Банка нету, Кружки-на нет.

- Банкин не придет.

- Почему?

- Он пьян.

- Не может быть!

- И Кружкин не придет.

- Почему?

- Он пьян.

- Ну, а где же остальные?

Наступило молчание. Вошедший стукнул себя пальцем по галстуку.

- Неужели?

- Я не буду скрывать от себя русскую горькую правду, - пояснил второй, - все пьяны. И Горшков, и Сосискин и Мускат, и Корнеевский, и кандидат Горшапенко. Закрывай, Петя, собрание!

Они потушили лампу и ушли во тьму.

*

Праздники кончились, поэтому собрание было полноводно.

- Дорогие товарищи, - говорил Петя с эстрады, - считаю, что такое положение дел недопустимо. Это позор! В день пасхи я лично сам видел нашего уважаемого товарища Банкина, каковой Банкин вез свою жену...

- Гулять я ее вез, мою птичку, - елеиным голосом отозвался Банкин.

- Довольно оригинально вы везли, Банкин! - с негодованием воскликнул Петя. - Супруга ваша ехала физиономией по тротуару, а ко-са ее находилась в вашей уважаемой правой руке!

Ропот прошел среди непьющих.

- Я хотел взять локон ее волос на память! - растерянно крикнул Банкин, чувствуя, как партбилет колеблется в его кармане.

- Локон? - ядовито спросил Петя, - я никогда не видел, чтобы при взятии локона на память женщину пинали ногами в спину на улице!

- Это мое частное дело, - угасая ответил Банкин, ясно ощущая ледяную руку укома на своем билете.

Ропот прошел по собранию.

- Это, по-вашему, частное дело? Нет-с, дорогой Банкин, это не частное! Это свинство!!

- Прошу не оскорблять! - крикнул наглый Банкин.

- Вы устраиваете скандалы в публичном месте и этим бросаете тень на всю ячейку! И подаете дурной пример кандидатам и беспартийным! Значит, когда Мускат бил стекла в своей квартире и угрожал зарезать свою супругу - и это частное дело? А когда я встретил Кружкина в пасхальном виде, то есть без правого рукава и с заплывшим глазом?! А когда Горшаненко на всю улицу крыл всех встречных по матери - это частное дело?!

- Вы подкапываетесь под нас, товарищ Петя, - неуверенно крикнул Банкин.

Ропот прошел по собранию.

- Товарищи. Позвольте мне слово, - вдруг звучным голосом сказал Всемиизвестный (имя его да перейдет в потомство), - я лично против того, чтобы этот вопрос ставить на обсуждение. Это отпадает, товарищи. Позвольте изложить точку зрения. Тут многие дебатируют: можно ли пить? В общем и целом пить можно, но только надо знать,

как пить?

- Вот именно!! - дружно закричали на алкогольной крайней правой.

Непьющие ответили ропотом.

- Тихо надо пить, - объявил Всемиизвестный.

- Именно, - закричали пьющие, получив неожиданное подкрепление.

- Купил ты, к примеру, три бутылки, - продолжал Всемиизвестный, - и...

- Закуску!!

- Тиш-ше!!

- ... Да и закуску...

- Огурцами хорошо закусывать...

- Тиш-ше!...

- Пришел домой, - продолжал Всемиизвестный, - занавески на окнах спустил, чтобы шпионские глаза не нарушили домашнего покоя, пригласил приятеля, - жена тебе селедочку очистит, сел, пиджак снял, водочку поставил под кран, чтобы она немножко озябла, а затем, значит, не спеша, на один глоток налил...

- Однако, товарищ Всемиизвестный! - воскликнул пораженный Петя, - что вы такое говорите?!

- И никому ты не мешаешь и никто тебя не трогает, - продолжал Всемиизвестный. - Ну, конечно, может у тебя выйти недоразумение с женой, после второй бутылки, скажем. Так не будь же ты ослом. Не тащи ты ее за волосы на улицу! Кому это нужно? Баба любит, чтобы ее били дома. И не бей ты ее по физиономии, потому что на другой день баба ходит по всей станции с синяками и все знают. Бей ты ее по разным сокровенным местам! Небось, не очень-то пойдет хвастаться.

- Bravo!! - закричали Банкин, Закускин и К⁰.

Аплодисменты загревели на водочной стороне.

Встал Петя и сказал:

- За все свое время я не слышал более возмутительной речи, чем ваша, товарищ Всемиизвестный, и имейте в виду, что я о ней сообщу в "Гудок". Это неслыханное безобразие!!

- Очень я тебя боюсь, - ответил Всемиизвестный. - Сообщай!

И конец истории потонул в выкриках собрания.

Михаил Б.

КАРАУЛ!

Ректору ГИЖа

Уважаемый товарищ ректор!

Пишу это на предмет полного искоренения нижеперечисленных лиц. В противном случае советской периодической прессе угрожает гибель со всеми ее приложениями. А лица эти по вашему ведомству.

Итак: глава 1. АЛЬБЕРТ

"Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня свалилась шляпа" - такое написал незабвенный писатель Антон Павлович Чехов. Но он это написал в "жалобной книге", а не в книге со звучным и привлекательным названием "Под восточной звездой" (библиотека "Огонька"). Ее - эту книгу - можно иметь у любого газетчика за 15 коп., а в ней на стр. 9-й:

"... они не думают о том, что прямо из мавританских зал этого дворца им предстоит поездка через бурное море, прячась под кучей просоленных брезентов на палубе рабочей шхуны".

Это на 9-й странице, которая следует, как известно, за 8-й, а 8-я - роковая. До 8-й плыл автор, Альберт Сыркин, болле или менее благополучно, а на 8-й плюнул, махнул рукой и перестал бороться с хитрым русским языком. И начались аварии:

"...нефть куда-то возилась в грязных цистернах..."

Протестую, как читатель, заплативший за "Звезду" 15 коп. Даже за такую ничтожную сумму ничего этого не может быть на свете: если и "возилась", то не куда-то, а если "куда-то", то не "возилась". А возили ее, проклятую нефть! Возили ее! Возили!!! Она - неодошевленная дрянь. Положим, глагол каверзный. Вообще путаница и непонятно.

"... Он не захотел ехать в Москву, а вызвался дипломатическим курьером в Карс" (стр. 17).

Может быть два решения. Или не хватает четырех слов: сам вызвался поехать в качестве дипломатического курьера, или - что ужаснее всего - не нефтяной ли это истории повторение: "его вызвали?" (вызвался - вызвали, как возилась - возили?)

О, если так! Тогда Альберту очень плохо в волнах русского языка.

И ему действительно нехорошо, и именно на стр.10-й:

"... Энвер-паша - бывший диктатор Турции, руководитель армянских резней..."

Энвер-паша - плохой человек, но множественного числа у слова "резня" нет. Это печально. Русский язык недостаточно усовершенствован, но нету...

Слово "консулá", если говорить откровенно, заменено в русском языке словом "консулы". "Лы"... Что может быть ничтожнее? А между тем меняет все!

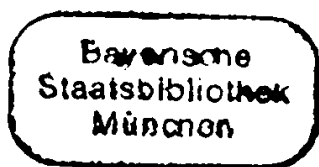
Или: "Год до него погиб..." (стр. 11). Нет, не погибал! За год до него он погиб! (Речь идет о бароне Унгерне фон-Штернберге.)

Здесь уместно (барон... паша) вернуться к Энверу: никто не поверит Альберту Сыркину, что Энвер ходил в серой барашковой шапке с эскортом подобострастных адъютантов...

Альберт открыл миллионы "малярийных бацилл" на стр. 13-й. Нету малярийной бациллы в природе и нечего на нее клеветать. Никакая бацилла малярии не вызывает.

Но не бывает там разных выражений-как-то: "... флаги их гордо полоскались над унылыми стенами" (стр. 21) и "... помогающем со-зидаться и строиться пробуждающемуся Востоку" (стр. 19), и "... скоро затем опять шатался со мной по Закавказью" (стр. 17). Не бывает, чтобы пробирались делегаты по бурному Черному морю, "окутанному сплошной сетью плавучих мин..." (стр. 9). Восьмое чудо такие мины, которые, будучи плавучими, сетью окутывают.

Одним словом, такая книжка не стоит 15 копеек.

ЧЕЛОВЕК С ГРАДУСНИКОМ

У нас на станции рабочий в летучке заболел, врач к нему приехал, поставил градусник и забыл про него, уехал на дрезине, а больной так с градусником и остался.

Рабкор 1212

1.

Врач завинтился совершенно. Приехал на станцию, осмотрел пять человек с катарром желудка. Одному выписал соду три раза в день по чайной ложке, другому соду три раза в день по полчайной ложке, третьему - один раз в день по 1/4 чайной ложки, четвертому и пятому, для разнообразия, через день по ложке; шестой - ногу сломал, двое страдали ревматизмом, один - запором; жена стрелочника жаловалась, что видит во сне покойников, двум не выдали пособия по болезни, дорожная мастерица неожиданно родила...

Одним словом, когда нужно было садиться в дрезину, в голове у врача было только одно: "Ко шам пора, дьявольски устал..."

И тут прибежали и сказали, что в летучке один заболел. Врач только тихо крякнул и полетел к больному.

- Так-с, язык покажите, голубчик. Паршивый язык! Когда заболел? 13-го?.. 15-го?.. Ах, 16-го... Хорошо, то, бишь, плохо... Сколько тебе лет? То-есть, я хотел спросить: живот болит? Ах, не болит? Болит? Тут болит?

- Ой-о...

- Постой, постой, не кричи. А тут?

- Ого-го!..

- Постой, не кричи.

- Дрезина готова, - послышалось за дверью.

- Сейчас, одну минуту... Голова болит?.. Когда заболела? То-есть, я хотел спросить - поясницу ломит? Ага? А коленки?.. Покажи коленку. Сапог-то стащи!

- У меня в прошлом году...

- А в этом?.. Так А в будущем? Фу, черт, я хотел спросить, в позапрошлом? Селедки не ешь! Расстегни рубашку. Вот те градусник.

Да не раздави, смотри. Казенный.

- Дрезина дожидается!

- Счас, счас, счас!.. Рецепт напишу только. У тебя инфлуенция, дядя. Отпуск тебе напишу на три дня. Как твоя фамилия? То-есть, я хотел спросить, ты женатый? Холостой? Какого ты полу?.. Фу, черт, то-есть, я хотел спросить, ты застрахованный?

- Дрезина ждет!

- Счас! Вот тебе рецепт. Порошки будешь принимать. Селедки не ешь. Ну, до свидания.

- Покорнейше вас благодарю!

- Дрезина...

- Да, да, да... Еду, еду, еду...

2.

Через три дня в квартире доктора.

- Маня, не видела, куда я градусник дел?

- На письменном столе.

- Это мой. А где же казенный с черной шапочкой? Черт его знает, очевидно, потерял. Потерял, а шут его знает где. Придется покупать.

3.

Через пять дней на станции сидел человек в куртке с бугром под левой мышкой и рассказывал:

- Замечательный врач! Прямо скажу: выдающийся врач! Ну, до чего быстрый, как молния. Порх-порх... Сейчас, говорит, язык покажи, пальцем в живот ткнул. Я свету не взвидел... Все выспросил, когда да как... Из кассы 4 с полтиной выписал.

- Ну, что ж, вылечил? Капли, наверно, давал. У него капли есть замечательные.

- Да, понимаешь, не каплями. Градусником. Вот тебе, грит, градусник, носи на здоровье, только не раздави - казенный.

- Даром?

- Ни копейки не взял за градусник. Страхкассовый градусник.

- У нас хорошо. Зуб Титюкову вставили фарфоровый, тоже даром.

- И помогает градусник?

- Говорю тебе, как рукой сняло. Спины не мог разогнуть. А на другой день после градусника полегчало. Опять же и голова две недели болела: как вечер, так и сверлит темя, сверлит... а теперь с градусником - хоть бы что!

- До чего наука доходит!

- Только неудобно чрезвычайно при работе. Да я уж приноровился. Бинтом его привязал подмышку, он и сидит там, сукин сын.

- Дай мне поносить.

- Ишь ты, хитрый!

МИХАИЛ

ПО ПОВОДУ БИТЬЯ ЖЕН

Лежит передо мною замечательное письмо. Вот выдержки из него: "Я - семьянин, а потому знаю, что большая часть семейных сцен разыгрывается на почве материальной необеспеченности. Жена пишет: "Вот-де, посмотри на таких-то знакомых, как они живут!".. Подобного рода аргументация доводит до белого каления. Беда, если глава семьи слаб на руку и заедет в затылок!...

Вот в этом случае, по моему мнению, до некоторой степени полезно обратиться в местком, но не с жалобой, а за советом, и не с тем, чтобы проучить драчуна, а с тем, чтобы устранить причину, вызывающую семейную ссору... Местком - не судья, но, как союзный орган, на обязанности которого лежит, между прочим, забота о благосостоянии членов, может изыскать средства, помочь угнетаемой возбуждением, например, ходатайства о предоставлении угнетателю службы, более обеспечивающей его существование..."

*

Дорогой товарищ семьянин! Позвольте вам нарисовать картину в месткоме после проведения в жизнь вашего проекта:

Является некий семьянин в местком:

- Вам что?

- Жену сегодня изувечил.

- Так-с, чем же вы ее?

- Тарелкой фабрики бывшего Попова.

- Э, чудак! Кто ж тарелками дерется? Посуда денег стоит. Взяли бы кочергу. Ведь, чай, расхлопали тарелку?

- Понятное дело. Голову тоже.

- Ну, голова дело десятое. Голова и заживет в крайнем случае. Ведь вы, надеюсь, не на смерть уходили вашу супругу?

- Ништо ей!

- Ну, вот, а тарелочка не заживет. Бесхозяйственная вы личность. По какому же поводу у вас с супругой дискуссия вышла? На какую тему вы ее били?

- Да... кха... Жалованье нам вчера выдали. Ну, понятное дело, зашли мы с кумом...

- В пивную?
- Конечно. Ну, попросили парочку... Затем еще парочку. Потом еще парочку...
- Вы дюжинами считайте, скорее будет.
- М-да... выпили мы, стало быть... Пошли опять...
- Домой?
- То-то, что к Сидорову... Мадеру у него пили...
- Так-с... Дальше...
- Дальше я где-то был, только, хоть убейте, не помню где. Утром сегодня являюсь, а это змея пристает...
- Виноват, это кто ж змея?
- Жена моя, понятно. Где, говорит, жалованье, пьяница? Слово за слово... Ну, не стерпел я...
- Да... Что же с вами делать? По какому вы разряду?
- По 9му.
- Ну, ладно, получайте 10-й!
- Покорнейше благодарю!..

*

Был человек начальником станции, сломал три ребра жене, его сделали ревизором движения! Тогда он ее и вовсе насмерть ухлопал. Ан все высшие должности заняты. Спрашивается, как его наградить? Придется деньгами выдать.

*

Нет, семьянин! Ваш проект плохой. Бьют жен не от необеспеченности. Бьют от темноты, от дикости и от алкоголизма, и никакие другие разряды тут не помогут. Хоть начальником тяги сделай драчуна, все равно он будет работать кулаками.

Иные средства нужны для лечения семейных неурядиц.

МИХАИЛ

КОГДА МЕРТВЫЕ ВСТАЮТ ИЗ ГРОБОВ

В наш век чудес не бывает.
(Общепризнано)

Тем не менее, в Кисловодске произошла история, от которой волосы встают дыбом...

Но будем рассказывать по порядку:

17 июня 1925 года на 8-й год революции на крыльцо дома № 46 по Шоссейной улице в гор.Кисловодске, вышел квартирующий в означенном номере гражданин Корабчевский, бывший стрелок ЖОХРа, и громко зарыдал.

Сошлись добрые люди и стали спрашивать:

- Корабчевский, Корабчевский, чего ты рыдаешь, бывший стрелок?

На что тот ответил:

-Как же мне, бывшему стрелку, не рыдать, если сейчас младенец мой, Виталий, дорогой мой сыночек, помер!

Бабы завывали, стали расспрашивать:

- Экая, оказия, от чего?

- От воспаления легких, - сказал Корабчевский, размазывая по лицу слезы.

Посочувствовали все Корабчевскому и разошлись, а бедный папаша отправился оформлять смерть своего наследника.

- И младенчик помер по всей форме.

Доказательством тому служат официальные документы.

Так, например, на бумаге со штампом Горисполкома Кисловодска за № 391 от 18 июня с.г. значится:

Справка

Кисловодский стол ЗАГС сим удостоверяет, что гр.Корабчевский Виталий 9 месяцев умер 17 июня с.г. от воспаления легких. Акт записан № 163.

Подпись: завед. столом ЗАГС
Лидовский

И с подлинным тоже верно:

Счетовод минералводской учстрахкассы
(подпись: неразборчиво)

Этого мало. Он не только помер, но и погребен был. И это видно из свидетельства Кисловодского отдела записей актов гражданского состояния, где значится, что ребенок мужского пола Корабчинский Виталий погребен на братском кладбище.

Точка! Лучше помереть трудно.

И однако...

Была зловещая лунная ночь над Кисловодском через несколько дней после погребения Корабчевского сына.

И вот шел сосед Корабчевского в самом радостном расположении духа, посвистывал, и совершенно трезвый, и видит - стоит возле Корабчевской квартиры странного вида женщина, вся в белом, а лицо у нее зеленое от луны. И на руках у нее сверток, а в свертке что-то небольшое. Подошел сосед и говорит:

- Кто это?.. Ах, это вы, мадам Корабчевская?

А та отвечает гробовым голосом:

- Да, я.

- А что это у вас на руках? - спросил сосед с удивлением.

- А это, - ответила женщина глухо, - мой покойный младенец Виталий.

- Как Виталий? - спросил сосед и почувствовал, что мурашки поползли у него по спине, - ведь Виталия же вашего па-па-па-хоронили?

- Да, - ответила женщина, - а он взял, да и пришел обратно.

И в это время лунный луч скользнул по пеленочному конверту, и видит сосед, что на руках у женщины действительно Виталий, и лицо у него в зеленоватой тени тления смертного.

- Караул! - закричал сосед и кинулся бежать по Шоссейной улице.

Луна глядела из-за кипариса рожей покойника, и соседу чудилось, что холодные руки хватают его за штаны.

Через час наиболее смелые из кисловодцев стояли у крылечка корабчевского дома. И вышел к ним сам Корабчевский и рассказал такую историю:

- Сидим мы с женой позавчера и вдруг слышим стук окошка, выглянули мы и чуть не померли на месте. Стоит Виталий на воздухе, не касаясь земли, и говорит: "А вот я и пришел!"

- С нами крестная сила! - взвыл кто-то из бабьего элемента.

- Ну?! - закричали мужчины.

- Ну и больше ничего, - ответил Корабчевский, - пришлось его принять обратно.

В толпе началось смятение. Лица в лунном свете у всех позеленели. Но в это время луна зашла за облачко и скрыла в глубокой тьме окончание этой жуткой истории.

*

В редакции "Гудка" теперь у нас смятение тоже.

Кто кричит - "Чудо!" Кто кричит - "Ничего не понимаю", кто говорит - "Расследовать надо!" Вообще, хоть работу бросай.

В самом деле, история ведь гробовая. Проще всего было бы предположить, что Виталий вовсе не помирал, но тогда, позвольте, на каком основании лекпом Борисов, проживающий по Николаевской ул. в д.11, дал ему удостоверение о смерти и на каком основании учстрахкасса выдала на погребение живого человека 17 р.10 к.?!
А, может быть, он не воскресал?

Может быть, сосед наврал, может быть, фельетонист сочинил про луну и покойника?

- Позвольте, как же не воскресал, когда сотрудник Минераловодской учстрахкассы Владимир Иванович Николаев пишет:

"Выяснилось, что никто из членов семьи указанного т.Корабчевского не умирал, что последний, заручившись документом, незаконно получил пособие на погребение".

Нет, жуткие дела творятся в городе Кисловодске!

МИХАИЛ

ПОЖАР
(с натуры)

Сцена представляет темную ночь на станции Ржев-2 М-Б-В ж.д.
Неожиданно косая молния и выстрел - ба-бах!

ГОЛОС АГЕНТА ОХРАНЫ. - Православные!.. Пакгауз на товарном дворе горит! (выстрел - б-бах!) Го! Го! Го! Го! Пакгауз! (выстрел - ба-бах!) Горит! Люди добрые! Пакгауз горит! (выстрел). Караул! (выстрелы - б-бах! ба-бах! бах, бах, бах!!) На тебе еще раз... (На небе зловещая розовая полоса).

ГОЛОС КОМАРОВА. - Что случилось?

ГОЛОС АГЕНТА ОХРАНЫ. - Товарищи! Бей тревогу! Пакгауз горит.
(Зарево, виден Комаров - он в одном белье).

КОМАРОВ. - Батюшки. По-жарные! Пожарные!! (Танцует на месте).
Пожарные, чтоб вам сдохнуть! Пакгауз горит...

1-Й ПОЖАРНЫЙ НА КАЛАНГЕ (вниз). - Васька, бей тревогу, на товарном горит!

2-Й ПОЖАРНЫЙ (внизу). - Горит? (бом! бом! бом!).

1-Й.- Да бей же! Пыхает. Ух! Занялось. Бей, Васька!

2-Й.- Бом дин, дили-бом... Загорелся кошкин дом! (в отчаянии)
Сидят, сукины сыны, как насекомые.

КОМАРОВ. (врываясь) - Батюшки! Где ж брандмейстер-то? Братцы, вставайте. Караул, горим! (храп). Товарищ брандмейстер, гражданин Соловьев, вставайте. Голубчик, вставай! Миленький.

БРАНДМЕЙСТЕР (сквозь сон) - М-м...

КОМАРОВ. - Красавчик мой, вставай. Ржев-второй горит (в окнах багровое зарево - светло, как в полдень).

БРАНДМЕЙСТЕР. - Эм... мя... мя...

КОМАРОВ (воет)

БРАНДМЕЙСТЕР. - Какая гнида над ухом воет? Ни минуты покоя нету: кто ты такой?

КОМАРОВ. - Комаров я. Голубчик! Комаров.

БРАНДМЕЙСТЕР. - Какого же ты лешего людей будишь? А? Только что лег, глаза завел, - на тебе! Дня на вас нету, пострелы. Чтоб тебя громом убило. Я б тебя... Трах! Тарарах!! Тах!

КОМАРОВ. - Миленький... пакгауз...

БРАНДМЕЙСТЕР. - Уйдешь ты или нет?

КОМАРОВ. - Пакгауз...

БРАНДМЕЙСТЕР. - Э, ты, я вижу, не уймешься (швыряет в него сапогом). Вон!..

(Храп пожарных. За сценой слышно, как рушится потолок в пакгаузе. Женский вопль. За окном пробегает баба с иконой).

БАБИЙ ГОЛОС. - Пропали, головушки горькие!

КОМАРОВ. - (С плачем бросается к телефону). Город! Город, барышня. Даешь пожарную команду! Горим!

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. - Который тут горит? Счас! Сей минуто.

(За сценой грохот колес)

ТРУБА. Там-тара-рам. Там-тара-рам.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ. - Сидорчук, качай. Качай, в мать, в душу...

тара-рах...Осади! Рви его кряками. Федорец, дай в зубы этому мародеру. Публика, осади назад. Где ж ваша-то команда?

ГОЛОС КОМАРОВА. - Спят они. Добудиться не можем.

ГОЛОС. - Ах, сукины коты! Павленко, качай, качай (рев воды).

БРАНДМЕЙСТЕР (просыпается) Как будто шум?

ПОЖАРНЫЕ (просыпаются) Горит как будто? (В окнах зарево угасает).

БРАНДМЕЙСТЕР. - Что же вы спите, поросята... Ванька! Васька!

Митька! Вставай, запрягай! Где мои штаны?

ГОЛОСА. - Не надо. потушили...

БРАНДМЕЙСТЕР. - Кто?

ГОЛОС. - Городская.

БРАНДМЕЙСТЕР. - Вот черти. И какие быстрые. И до всего им дело есть. Ну, ладно. Раз потушили, слава Богу. (Ложится и засыпает. Храп. Тьма).

МИХАИЛ

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Дневник больного

5-го июля. Кашлять я начал. Кашляю и кашляю. Всю ночь напролет. Мне бы спать надо, а я кашляю.

7-го июля. Записался на прием.

10-го июля. Стучал молоточком и сказал "Гм!". Что это значит - это "гм"?

11-го июля. Сделали рентгеновский снимок с меня. Очень красиво. Весь темный, а ребра белые.

20-го июля. Поздравляю вас, дорогие товарищи, у меня туберкулез. Прощай, белый свет!

30-го июля. Послали меня в санаторий "Здоровый дух" на курорт. Получил на 2.000 верст подъемные и бесплатной билет жесткого класса с тюфяком.

1-го августа... и с клопами. Еду, очень красивые виды. Клопы величиной с тараканов.

3-го августа. Приехали в Сибирь. Очень красивая. На лошадях ехал в сторону немного - 293 версты. Кумыс.

6-го августа. Вот тебе и кумыс! Они говорят, что это ошибка. Никакого туберкулеза у вас нет. Опять снимок делали. Видел свою почку. Страшно противная.

8-го августа. И потому я сейчас записываю в Ростове-на-Дону. Очень красивый город. Еду в здравницу "Солнечный дар" в Кисловодск.

12-го августа. Кисловодск. И ничего подобного. Почка тут ни при чем. Говорят: какой черт вас заслал сюда?!

15-го августа. Я пишу на пароходе, якобы с наследственным сифилисом, и еду в Крым (в скрытой форме). Меня рвет, вследствие качки. Будь оно проклято, такое лечение!

22-го августа. Ялта, превосходный город, если б только не медицина! Загадочная наука. Здесь у меня глисты нашли и аппендицит в скрытой форме. Я еду в Липецк Тамбовской губернии. Прощай, водная стихия Черного моря!

25-го августа. В Липецке все удивляются. Доктор очень симпатичный. Насчет глистов сказал так:

- Сами они глисты!

Подвел меня к окошку, посмотрел в глаза и заявил:

- У вас порок сердца.

Я уж так привык, что я весь гнилой, что даже и не испугался.

Прямо спрашиваю: куда ехать?

Оказывается, в Боржом.

Здравствуй, Кавказ!

1-го сентября. В Боржоме даже не позволили вещи распаковать.

Мы, говорят, ревматиков не принимаем.

Вот уж я и ревматиком стал! Недолго, недолго мне жить на белом свете! Уезжаю опять в Сибирь на...

10-го сентября. - ...Славное море, священный Байкал! Виды тут прелестные, только уж холод собачий. И сибирский доктор сказал, что это глупо разъезжать по курортам, когда скоро снег пойдет. Вам, говорит, надо сейчас ехать погреться. Я, говорит, вас в Крым махану... Говорю, что я уже был. Мерси. А он говорит, где вы были? Я говорю: в Ялте. А он говорит: я, - говорит, - вас пошлю в Алупку. Ладно, в Алупку - так в Алупку. Мне все равно, хоть к черту на рога. Купил шубу и поехал.

25-го сентября. В Алупке все заперто. Говорят: поезжайте вы домой, а то, говорят, мечетесь вы по всей Республике, как беспризорный. Плюнул на все и поехал к себе домой.

1-го октября. И вот я дома. Пока я ездил, жена мне изменила. Пошел я к доктору. А он говорит: вы, - говорит, - человек совсем здоровый, как стеклышко. - А как же так, спрашиваю, меня гоняли? А он отвечает: просто ошибка! Ну, ошибка и ошибка. Завтра иду на службу.

Больной № 555. Михаил

СТРАДАЛЕЦ - ПАПАША

1.

После того, как пошабашили, Василий стоял и говорил со слезами в голосе:

- У меня радостное событие, друзья. Супруга моя разрешилась от бремени младенцем мужского пола, на какового младенца страхкасса выдает мне 18 рублей серебром. На приданое, значит. Мальцу пеленки купить, распашенки, одеяльце, чтобы он ночью не орал от холоду, сукин кот. А что останется, пойдет моей супруге на улучшение приварка. Пусть кушает, страдалица-мать. Вы думаете, легко рожать, дорогие друзья?

- Не пробовали, - ответили друзья.

- А вы попробуйте, - ответил Василий, и удалился в страхкасса, заливаясь счастливыми слезами.

2.

- У меня радостное событие. Разрешилась страдалица-мамаша от бремени, - говорил Василий, засунув голову в кассу.

- Распишитесь, - ответил ему массир Ваня-Нелюдим.

Одновременно с Василием получил за инфлуенцию симпатичный парень Аксиньич 7 р.21 к.

3.

- Радостное событие у меня, - говорил Василий, - страдалица моя разрешилась младенцем...

- Идем в кооператив, - ответил Аксиньич, - надо твоего младенца вспрыснуть.

4.

- Две бутылки русской горькой, - говорил Аксиньич в кооперативе, - и что бы еще такое взять, полегче?

- Коньяку возьмите, - посоветовал приказчик.

- Ну, давай нам коньяку две бутылочки. Что бы еще это такое, о вежающее?..

- Полынная хорошая есть, - посоветовал приказчик.

- Ну, дай еще две бутылки полынной.
- Что кроме? - спросил приказчик.
- Ну, дай нам, стало быть, колбасы полтора фунта, селедки.

5.

Ночью тихо горела лампочка. Страдалица-мать лежала в постели и говорила сама себе:

- Желала бы я знать, где этот папаша.

6.

На рассвете появился Василий.

- И за Сеню я, за кирпичики полюбила кирпичный завод... - пел нежным голосом Василий, стоя в комнате. Шапку он держал в руках и весь пиджак его почему-то был усеян пухом. Увидав семейную картину, Василий залился слезами.

- Мамаша, жена моя законная, - говорил Василий, плача от умиления, - ведь подумать только, чего ты натерпелась, моя прекрасная половина жизни, ведь легкое ли дело рожать, а? Ведь это ужас, можно сказать! - Василий швырнул шапку на пол.

- Где приданные деньги младеньчиковы? - ледяным голосом спросила страдалица-супруга.

Вместо ответа Василий горько зарыдал и выложил перед страдалицей кошелек.

В означенном кошельке заключались 85 копеек серебром и 9 медью. Страдалица еще что-то сказала, но что - нам неизвестно.

7.

Через некоторое время делегатка женотдела в мастерской приняла заявление, подписанное многими женщинами, в каковом заявлении писано было следующее:

"... чтобы страхкасса выдавала пособия на роды и на кормление детей наших натурой из кооператива и не мужьям нашим, а нам, ихним женам.

Так спокойнее будет и вернее, об чем и ходатайствуем".

Подпись: "Ихние жены".

К подписям ихних жен свою подпись просит присоединить

Эм.

111

ГОРЕМЫКА - ВСЕВОЛОД

История одного безобразия

1. Биография Всеволода

Отчим Всеволода - красноармеец командного состава. Поэтому ездил пять с половиной лет Всеволод из одного города Союза в другой вслед за отчимом, в зависимости от того, куда отчима послали.

Однако Всеволод был хитрый, как муха, и во время путешествий цеплялся то за одно, то за другое учебное заведение.

Таким образом сумел Всеволод выучиться в одесской школе судовых машинистов, затем в школе морского транспорта в г.Баку и даже в образцовой профтехнической школе в г.Киеве.

Помимо этого не последний человек был Всеволод и в слесарно-механическом ремесле (следствие трехлетнего стажа в школьных мастерских).

Всеволод был любознателен, как Ломоносов, и смел, как Колумб. Поэтому Всеволод явился к отцу и заявил:

- Дорогой отчим командного состава, я поступаю в политехникум путей сообщения в городе Ростове-на-Дону.

- Шпарь, - ответил отчим.

2. Что произошло

Местком отчима написал учку про Всеволода:

"Так и так. Всеволод учиться желает".

Учк написал дорпрофсожу:

Желаем, чтобы Всеволод учился".

Дорпрофсож написал политехникуму:

"Будьте любезны Всеволода принять".

Политехникум принял документы Всеволода и все их потерял.

Всеволод в этот год в политехникум не попал.

3. На следующий год

Умудренный опытом Всеволод заранее послал все документы в копиях в учк. В этих копиях между прочим находилась рекомендация Всеволода:

"Всеволод хороший парень, а отчим его ведет полезную работу".
 Все это под расписку было сдано ответственному работнику учка.
 И ответственный работник учка все документы Всеволода потерял.

4. Всеволод упорствует

Всеволод стал избегать ответственных работников учков и прятался от них в подворотни. Ответственный поехал в отпуск, и Всеволод нырнул к его заместителю, но и заместитель уехал в отпуск, а у заместителя был помощник, коему Всеволод вновь вручил свои документы. Помощник рассмотрел документы Всеволода и по неизвестной причине вернул их через местком Всеволоду.

Так что по неизвестной причине кандидатура Всеволода рухнула.

5. Шиш

Всеволод получил из учка обратно документы, а вместе с ними и шиш с маслом.

6. Учк сочувствует

Всеволод кинулся в учк с воем.

- Бедный Всеволод, - говорили учкисты, рыдая Всеволоду в жилет.
  - Мы тебя понимаем и тебе сочувствуем, юный красавец.
- И в знак сочувствия написали Всеволоду записку в политехникум:
 "Так и так, примите Всеволода".

7. Арифметическая задача

Всеволод бросился в политехникум с запиской.

- Арифметику проходили, молодой человек? - спросили Всеволода в политехникуме.
  - Проходил, - ответил почтительно Всеволод.
  - Так вот, решите задачу: в политехникуме свободных мест X . А записок на эти свободные места написано $X \times 3$, плюс еще одна записка, ваша. Спрашивается, попадете ли вы в политехникум?
  - Нет, не попаду, - сказал Всеволод, который был очень способен к математике.
  - Удалитесь, молодой человек, - сказали ему в политехникуме.
- И Всеволод удалился.

8. Вывод

Безобразия творятся у нас на белом свете.

ЭММА Б.

ЛИКУЮЩИЙ ВОКЗАЛ

1. Объявленьице

В одной московской газете появилось дословно следующее объявление:

"Новость!" (с левого боку). Новость! (с левого боку) Новость! (с правого) Новость! (тоже с правого).

- Четыре с боку.

- Какая такая новость? - заинтересовался гражданин.

Новость оказалась следующего сорта:

Все в буфете Александровского вокзала!

Дешево и хорошо.

Обеды, порционные блюда и дежурные.

Вина, водки 40 градусов. Коньяки 60 градусов.

Ликеры 60 градусов.

Наливки разные рюмками и в графинах.

Тверская застава.

- Однако! - воскликнул гражданин, - хоть бы во сне увидеть, что теперь творится на вокзале после такого объявления.

2. Сон

Вокзал грохотал, как фабрика. У подъездов стояли прокатные автомобили, лихачи с ватными задами, таксомоторы и извозчики.

Места в буфете нехватало. Поэтому столики расставили в багажном отделении, на телеграфе и в кабинете помощника начальника станции. В воздухе стоял туман от паровой севрюжки.

Двести лакеев порхали, взамхивая салфетками, а из телеграфа доносился вой скрипок. Там 15 пар танцевали фокстрот.

Поперек окошка в кассу висела надпись:

"Поезд на Смоленск не пойдет, но зато есть свежие раки".

И был нарисован красный рак в фуражке начальника станции с позументом.

На почте красовался плакат:

"К дьяволу с письмами, сегодня блины".

Начальник станции в белом колпаке и в фартуке сидел в своем бывшем кабинете и говорил по телефону:

ГОРЕМЫКА - ВСЕВОЛОД

История одного безобразия

1. Биография Всеволода

Отчим Всеволода - красноармеец командного состава. Поэтому ездил пять с половиной лет Всеволод из одного города Союза в другой вслед за отчимом, в зависимости от того, куда отчима послали.

Однако Всеволод был хитрый, как муха, и во время путешествий цеплялся то за одно, то за другое учебное заведение.

Таким образом сумел Всеволод выучиться в одесской школе судовых машинистов, затем в школе морского транспорта в г.Баку и даже в образцовой профтехнической школе в г.Киеве.

Помимо этого не последний человек был Всеволод и в слесарно-механическом ремесле (следствие трехлетнего стажа в школьных мастерских).

Всеволод был любознателен, как Ломоносов, и смел, как Колумб. Поэтому Всеволод явился к отцу и заявил:

- Дорогой отчим командного состава, я поступаю в политехникум путей сообщения в городе Ростове-на-Дону.

- Шпарь, - ответил отчим.

2. Что произошло

Местком отчима написал учку про Всеволода:

"Так и так. Всеволод учиться желает".

Учк написал дорпрофсожу:

Желаем, чтобы Всеволод учился".

Дорпрофсож написал политехникуму:

"Будьте любезны Всеволода принять".

Политехникум принял документы Всеволода и все их потерял.

Всеволод в этот год в политехникум не попал.

3. На следующий год

Умудренный опытом Всеволод заранее послал все документы в копиях в учк. В этих копиях между прочим находилась рекомендация Всеволода:

"Всеволод хороший парень, а отчим его ведет полезную работу".
 Все это под расписку было сдано ответственному работнику учка.
 И ответственный работник учка все документы Всеволода потерял.

4. Всеволод упорствует

Всеволод стал избегать ответственных работников учков и прятался от них в подворотни. Ответственный поехал в отпуск, и Всеволод нырнул к его заместителю, но и заместитель уехал в отпуск, а у заместителя был помощник, коему Всеволод вновь вручил свои документы. Помощник рассмотрел документы Всеволода и по неизвестной причине вернул их через местком Всеволоду.

Так что по неизвестной причине кандидатура Всеволода рухнула.

5. Шиш

Всеволод получил из учка обратно документы, а вместе с ними и шиш с маслом.

6. Учк сочувствует

Всеволод кинулся в учк с воем.

- Бедный Всеволод, - говорили учкисты, рыдая Всеволоду в жилет.
  - Мы тебя понимаем и тебе сочувствуем, юный красавец.
- И в знак сочувствия написали Всеволоду записку в политехникум:
 "Так и так, примите Всеволода".

7. Арифметическая задача

Всеволод бросился в политехникум с запиской.

- Арифметику проходили, молодой человек? - спросили Всеволода в политехникуме.
  - Проходил, - ответил почтительно Всеволод.
  - Так вот, решите задачу: в политехникуме свободных мест X . А записок на эти свободные места написано $X \times 3$, плюс еще одна записка, ваша. Спрашивается, попадете ли вы в политехникум?
  - Нет, не попаду, - сказал Всеволод, который был очень способен к математике.
  - Удалитесь, молодой человек, - сказали ему в политехникуме.
- И Всеволод удалился.

СТРАДАЛЕЦ - ПАПАША

1.

После того, как пошабашили, Василий стоял и говорил со слезами в голосе:

- У меня радостное событие, друзья. Супруга моя разрешилась от бремени младенцем мужского пола, на какового младенца страхкасса выдает мне 18 рублей серебром. На приданое, значит. Мальцу пеленки купить, распашенки, одеяльце, чтобы он ночью не орал от холоду, сукин кот. А что останется, пойдет моей супруге на улучшение приварка. Пусть кушает, страдалица-мать. Вы думаете, легко рожать, дорогие друзья?

- Не пробовали, - ответили друзья.

- А вы попробуйте, - ответил Василий, и удалился в страхкасса, заливаясь счастливыми слезами.

2.

- У меня радостное событие. Разрешилась страдалица-мамаша от бремени, - говорил Василий, засунув голову в кассу.

- Распишитесь, - ответил ему кассир Ваня-Нелюдим.

Одновременно с Василием получил за инфлуенцию симпатичный парень Аксиньич 7 р.21 к.

3.

- Радостное событие у меня, - говорил Василий, - страдалица моя разрешилась младенцем...

- Идем в кооператив, - ответил Аксиньич, - надо твоего младенца вспрыснуть.

4.

- Две бутылки русской горькой, - говорил Аксиньич в кооперативе, - и что бы еще такое взять, полегче?

- Коньяку возьмите, - посоветовал приказчик.

- Ну, давай нам коньяку две бутылочки. Что бы еще это такое, о вежающее?..

- Полынная хорошая есть, - посоветовал приказчик.

- Ну, дай еще две бутылки полынной.
- Что кроме? - спросил приказчик.
- Ну, дай нам, стало быть, колбасы полтора фунта, селедки.

5.

Ночью тихо горела лампочка. Страдалица-мать лежала в постели и говорила сама себе:

- Желала бы я знать, где этот папаша.

6.

На рассвете появился Василий.

- И за Сеню я, за кирпичики полюбила кирпичный завод... - пел нежным голосом Василий, стоя в комнате. Шапку он держал в руках и весь пиджак его почему-то был усеян пухом. Увидав семейную картину, Василий залился слезами.

- Мамаша, жена моя законная, - говорил Василий, плача от умиления, - ведь подумать только, чего ты натерпелась, моя прекрасная половина жизни, ведь легкое ли дело рожать, а? Ведь это ужас, можно сказать! - Василий швырнул шапку на пол.

- Где приданные деньги младенчиковы? - ледяным голосом спросила страдалица-супруга.

Вместо ответа Василий горько зарыдал и выложил перед страдалицей кошелек.

В означенном кошельке заключались 85 копеек серебром и 9 медью. Страдалица еще что-то сказала, но что - нам неизвестно.

7.

Через некоторое время делегатка женотдела в мастерской приняла заявление, подписанное многими женщинами, в каковом заявлении писано было следующее:

"... чтобы страхкасса выдавала пособия на роды и на кормление детей наших натурой из кооператива и не мужьям нашим, а нам, ихним женам.

Так спокойнее будет и вернее, об чем и ходатайствуем".

Подпись: "Ихние жены".

К подписям ихних жен свою подпись просит присоединить

Эм.

111

ГОРЕМЫКА - ВСЕВОЛОД

История одного безобразия

1. Биография Всеволода

Отчим Всеволода - красноармеец командного состава. Поэтому ездил пять с половиной лет Всеволод из одного города Союза в другой вслед за отчимом, в зависимости от того, куда отчима посылали.

Однако Всеволод был хитрый, как муха, и во время путешествий цеплялся то за одно, то за другое учебное заведение.

Таким образом сумел Всеволод выучиться в одесской школе судовых машинистов, затем в школе морского транспорта в г.Баку и даже в образцовой профтехнической школе в г.Киеве.

Помимо этого не последний человек был Всеволод и в слесарно-механическом ремесле (следствие трехлетнего стажа в школьных мастерских).

Всеволод был любознателен, как Ломоносов, и смел, как Колумб. Поэтому Всеволод явился к отцу и заявил:

- Дорогой отчим командного состава, я поступаю в политехникум путей сообщения в городе Ростове-на-Дону.

- Шпарь, - ответил отчим.

2. Что произошло

Местком отчима написал учку про Всеволода:

"Так и так. Всеволод учиться желает".

Учк написал дорпрофсожу:

Желаем, чтобы Всеволод учился".

Дорпрофсож написал политехникуму:

"Будьте любезны Всеволода принять".

Политехникум принял документы Всеволода и все их потерял.

Всеволод в этот год в политехникум не попал.

3. На следующий год

Умудренный опытом Всеволод заранее послал все документы в копиях в учк. В этих копиях между прочим находилась рекомендация Всеволода:

"Всеволод хороший парень, а отчим его ведет полезную работу".
 Все это под расписку было сдано ответственному работнику учка.
 И ответственный работник учка все документы Всеволода потерял.

4. Всеволод упорствует

Всеволод стал избегать ответственных работников учков и прятался от них в подворотни. Ответственный поехал в отпуск, и Всеволод нырнул к его заместителю, но и заместитель уехал в отпуск, а у заместителя был помощник, коему Всеволод вновь вручил свои документы. Помощник рассмотрел документы Всеволода и по неизвестной причине вернул их через местком Всеволоду.

Так что по неизвестной причине кандидатура Всеволода рухнула.

5. Шиш

Всеволод получил из учка обратно документы, а вместе с ними и шиш с маслом.

6. Учк сочувствует

Всеволод кинулся в учк с воем.

- Бедный Всеволод, - говорили учкисты, рыдая Всеволоду в жилет.
  - Мы тебя понимаем и тебе сочувствуем, юный красавец.
- И в знак сочувствия написали Всеволоду записку в политехникум:
 "Так и так, примите Всеволода".

7. Арифметическая задача

Всеволод бросился в политехникум с запиской.

- Арифметику проходили, молодой человек? - спросили Всеволода в политехникуме.
  - Проходил, - ответил почтительно Всеволод.
  - Так вот, решите задачу: в политехникуме свободных мест X . А записок на эти свободные места написано $X \times 3$, плюс еще одна записка, ваша. Спрашивается, попадете ли вы в политехникум?
  - Нет, не попаду, - сказал Всеволод, который был очень способен к математике.
  - Удалитесь, молодой человек, - сказали ему в политехникуме.
- И Всеволод удалился.

рев даже сам взвыл.

- Ну, теперича мы на этом нарыве рублей 50 возьмем у этих оболтусов докторов, - думал Пузырев, ковыляя в больницу.

Но произошло несчастье.

В больнице сидела комиссия, и во главе нее сидел какой-то мрачный и несимпатичный, в золотых очках.

- Гм, - сказал несимпатичный и просверлил Пузырева взглядом сквозь золотые обручи, - нарыв, говоришь? Так... Снимай штаны!

Пузырев снял штаны и не успел оглянуться, как ему вскрыли нарыв.

- Гм! - сказал несимпатичный, - так это скипидар у тебя, стало быть, в нарыве? Как же он туда попал, объясни мне, любезный слесарь?..

- Не могу знать, - ответил Пузырев, чувствуя, что под ним разверзается бездна.

- А я могу! - сказали несимпатичные золотые очки.

- Не погубите, гражданин доктор, - сказал Пузырев и зарыдал неподдельными слезами без всякого воспаления.

*

Но его всетаки погубили.

И так ему и надо.

ТАЙНА НЕСГОРАЕМОГО ШКАФА
Маленький уголовный роман

1. Трое и Хохолков

Дверь открылась с особенно неприятным визгом, и вошли трое. Первый был весь в кожаных штанах и с портфелем, второй - в пенсне и с портфелем, третий - с повышенной температурой и тоже с портфелем.

- Ревизионная комиссия, - отрекомендовались трое и добавили, - позвольте нам члена месткома товарища Хохолкова.

Красивый блондин Хохолков привстал со стула, пожелтел и сказал:

- Я - Хохолков, а что?

- Желательно посмотреть профсоюзные суммы, - ответила комиссия, радостно улыбнувшись.

- Ах, суммы? - сказал Хохолков и подавился слюной. - Сейчас, сейчас.

Тут Хохолков полез в карман, достал ключ и сунул его в замочную скважину несгораемого шкафа. Ключ ничего не открыл.

- Это не тот ключ, - сказал Хохолков, - до чего я стал рассеянным под влиянием перегрузки работой, дорогие товарищи! Ведь это ключ от моей комнаты!

Хохолков сунул второй ключ, но и от того пользы было не больше, чем от первого.

- Я прямо кретин и неврастеник, - заметил Хохолков, - сую, черт знает, что сую! Ведь это ключ от сундука от моего.

Болезненно усмехаясь, Хохолков сунул третий ключ.

- Мигрень у меня... Это от ворот ключ, - бормотал Хохолков.

После этого он вынул малюсенький золотой ключик, но даже и совывать не стал его, а просто сухо плюнул:

- Тьфу... от часов ключик...

- В штанах посмотри, - посоветовала ревизионная комиссия, спокойно переминаясь на месте, как тройка, рвущаяся вскачь.

- Да не в штанах он. Помню даже, где я его посеял. Утром сегодня чай когда наливал, наклонился, он и выпал. Сейчас!

Тут Хохолков проворно надел кепку и вышел, повторяя:

- Посидите, товарищи, я сию минуту...

2. Записка от трупа

Товарищи посидели возле шкафа 23 часа.

- Вот черт! Засунул же куда-то! - говорила недоуменно ревизионная комиссия, - ну уж, долго ждали, подождем еще, сейчас придет.

Но он не пришел. Вместо него пришла записка такого содержания:

"Дорогие товарищи! В припадке меланхолии решил покончить жизнь самоубийством. Не ждите меня, мы больше не увидимся, так как загробной жизни не существует, а тело, т.е. то, что некогда было членом месткома Хохолковым, вы найдете на дне местной реки, как сказал поэт:

Безобразен труп ужасный,
Посинел и весь распух,
Горемыка ли несчастный
Испустил свой грешный дух...

Ваш уважающий труп Хохолкова".

3. Умный слесарь

- Попробуй, - сказали слесарю.

Слесарь наложил почерневшие пальцы на лакированную поверхность, горько усмехнулся и заметил:

- Разве мыслимо? У нас и инструмента такого нету. Местную пожарную команду надо приглашать, да и та не откроет, да и занята она: ловит баграми Хохолкова.

- Как же нам теперича быть? - спросила ревизионная комиссия.

- Специалиста надо вызывать, - посоветовал слесарь.

- Скудова же тут специалист? - изумилась комиссия.

- Из тюремного замку, - ответил слесарь, ибо он был умен.

4. Месье Майорчик

- Ромуальд Майорчик, - представился молодой бритый, необыкновенного изящества человек, явившийся в сопровождении потертого человека в серой шинели и с пистолетом, - чем могу быть полезен?

- Очень приятно, - неуверенно отозвалась комиссия, - видите ли, вот касса, а труп потонул в меланхолии, вместе с ключом.

- Которая касса? - спросил Майорчик.

- Как, которая? Вот она.

- Ах, вы это называете "кассой"? Извиняюсь, - отозвался Майорчик презрительно усмехаясь, - это - старая коробка, в которой следует

пуговицы держать от штанов. Касса, дорогие товарищи, - заговорил месье Майорчик, заложив лакированный башмак за башмак и опершись на кассу, - действительно хорошая была в Металлотресте в Одессе, американской фирмы Робинзон и К^о, с 22 отделениями и внутренним ящиком для векселей, рассчитанная на пожар с температурой до 1.200 градусов. Так эту кассу, дорогие товарищи, мы с Владиславом Скрибунским по кличке Золотая Фомка вскрыли в семь минут от простого 120-вольтного провода. Векселя мы оставили Металлотресту на память, и он по этим векселям не получил ни шиша, а мы взяли две с половиной тысячи червей.

- А где же теперь Золотая Фомка? - спросила комиссия, побледнев.

- В Москве, - ответил месье Майорчик и вздохнул, - ему еще два месяца осталось. Ничего, здоров, потолстел даже, говорят. Он этим летом в Батум поедет на гастроль. Там, в моргентстве интересную систему прислали. Германская, с двойной бронировкой стен.

Комиссия открыла рты, а Майорчик продолжал:

- Трудные кассы английские, дорогие товарищи, с тройным шрифтом на замке и электрической сигнализацией. Изящная штучка. В Ленинграде Бостанжогло, он же графчик Карапет, резал ее 27 минут. Рекорд.

- Ну и что? - спросила потрясенная комиссия.

- Векселя! - грустно ответил Майорчик, - Пицетрест. Они потом гнилые консервы поставили... Ну, что же с них получить по векселям? Ровно ничего! Нет, дорогие товарищи, бывают такие кассы, что вы, прежде чем к ней подойти, любуетесь ею полчаса. И как возьмете в руки инструмент, у вас холодок в животе. Приятно. А это что же? - И Майорчик презрительно похлопал по кассе. - К-калоша. В ней и деньги-то неприлично держать, да их там, наверно, и нет.

- Как это нету? - сказала потрясенная комиссия. - И быть этого не может. Восемь тысяч четыреста рублей должно быть в кассе.

- Сомневаюсь, - заметил Майорчик, - не такой у нее вид, чтобы в ней было восемь тысяч четыреста.

- Как это по виду вы можете говорить?

Майорчик обиделся.

- Касса, в которой деньги, она не такую внешность имеет. Эта

МУЗЫКАЛЬНО-ВОКАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

На грязно-коричневой стене паровозного сарая висел белый плакат, возле которого стояла восхищенная толпа.

И немудрено: на плакате было изображено:

"Железнодорожники!

Внимание!

В понедельник, 26 апреля в 4 1/2 часа, в паровозном сарае при мастерских им.т.Урицкого состоится

Общее собрание.

Порядок дня:

1. Отчет месткома
2. Обсуждение наказа новому местному
3. Перевыборы месткома.

Играет оркестр духовой музыки!"

*

Через день после появления означенного плаката, именно в среду, в вагонных мастерских заседал вагонный местком.

- Ну, Петя, как у них прошло? - спросил мрачный председатель у секретаря.

- Полный сбор, - ответил Петя, - сто процентов ихних приволоклось, да наших по контрамаркам было человек пятьдесят, оркестр слушали.

- Ах, халтурщики, ах, арапы, - расстроился председатель, - вот ловчили собачьи!

- Ничего они не ловчили, - отозвался член месткома Практичный. - а просто тамошний председатель Седулаев - умница! Знает, чем массу за жабры взять. А мы сидим, гнием. У нас на прошлом собрании сколько было?

- Семнадцать человек, - ответил Петя, секретарь.

- Ну, вот, а у них две тысячи народу! Да и семнадцать только потому оказалось, что я вовремя двери в столярный цех запер, не успел убежать народ!

- Стало быть, что ты предлагаешь? - спросил председатель встревоженно.

- Да предложение тут простое, - отозвался Практичный, - перешибить их надо.

- Ну, я ж их и перешибу! - вскричал председатель, зажженный словами Практичного. - Я покажу антрепренеру Седулаеву, что далеко кулику до Петрова дня! Далеко ему до вагонного месткома! Я им такое устрою, что слава о нас загремит по всему Союзу... Берите, братцы, бумагу, будем сочинять.

*

На другой день, именно в четверг, на грязной доске вагонного сарая висел плакат в три сажени:

"Всем, всем, всем!!!

Завтра, в пятницу, в 8 часов вечера, в здании вагонного сарая состоится грандиозное музыкально-вокальное общее собрание при участии лучших сил артистов и месткома, известных в Европе и Азии.

Программа:

1. Доклад о международном положении. Исполнит любимец публики и председатель месткома Хилякин.
2. Вальс из "Фауста". Оркестр местного театра.
3. "Касса взаимопомощи", водевиль в гриме и костюмах разыгрывают артисты.

Действующие лица:

Председатель бюро кассы - артист музыкальной комедии Греков. Клиент - артист Ярон.

Антракт с буфетом и напитками.

4. Первый раз в СССР!!!

Доклад по материнству прочтет Черная маска. Неизвестный? Кто он?

Угадавшему будет выдан приз в виде голой женщины из терракота и аквариума с золотыми рыбками.

5. Отчет о деятельности бывшего месткома. - Живая картина в черном бархате под аккомпанемент похоронного марша т.Шопена.
6. Выборы нового месткома. Общее веселье. Выбранные получают приз якобы за красоту. Участвует весь зал.

Море смеха.

7. Текущие дела и романсы мирового артиста Дмитрия Смирнова!
8. Мертвая петля. - Исполнит председатель Хилякин на велосипеде.

Буфет, серпантин, танцы до 6 часов утра.

У рояля маэстро Океанчик.

Вход - пятачок.

Дети и красноармейцы плятят половину.

АНОНС!!!

На следующем собрании бой быков.

*

Уму непостижимо человеческому, что творилось в пятницу в вагонном сарае.

Обычно вмещающий 2000 человек, он вместил две с половиной тысячи. Сидели в сорок рядов на табуретах, сидели на подоконниках и на земле, сидели на станках, а на крюках гроздьями висели мальчишки. В воздухе плыл пар от дыхания.

В отдалении слышался грохот, это соседи-паровозники били стекла, рвались на общее собрание.

- Что ж мы, хуже вагонных?! - кричали они. - Каждому лестно попасть на общее собрание за пятачок!!

Конная милиция свистала и уговаривала:

- Товарищи, будьте сознательны, не последнее собрание, успеете, приходите на бой быков...

- Оторвались от массы! - выли проводники.

- Ихний вагонный местком спит и во сне видит, как бы рабочим удовольствие сделать: то выборы, то собрание устроит, а наши спят беспробудно!

Товарищи! Что вы делаете?

Внутри сарая, на эстраде, устроенной в доменной печи, стоял артист во фраке и заливался соловьем:

"Сердце красавицы!.. Склонно к измене!!!!"

- Верно! Правильно! - кричали вагонные.

- Бис, бис, бис!!!

- Потолок бы не треснул, боюсь, - шипел Хилякин с бантом в петлице, - зови рабочих, чтоб натягивали проволоку для мертвой петли.

- Смирнова!!! - кричали машинисты.

- Смирнова!!! - кричали рабочие.

- Бей стекла! - кричали паровозники на улице. - Поджечь ихний театр!!!

- Товарищи!! - кричала милиция.

*

В 2 часа ночи в вагонном сарае царила благоговейная тишина. Было пусто. Только на бывшей эстраде лежал некто, покрытый простыней, а возле него стояли унылые члены месткома, Петя-секретарь и та же милиция, но уже в пешем строю.

Писали протокол.

"Уважаемый председатель вагонного месткома Хилякин упал во время исполнения мертвой петли с высоты вагонного сарая и, ударившись головой о публику, умер путем переломления позвоночного столба. Мир твоему праху, "неусыпный труженик и организатор".

Светало в сарае.

МИХАИЛ

БУБНОВАЯ ИСТОРИЯ

1. Сон и Госбанк

Мохрикову в номере гостиницы приснился сон - громаднейший бубновый туз на ножках и с лентами на груди, на которых были написаны отвратительные лозунги: "кончил дело, - гуляй смело!" и "туберкулезные, не глотайте мокроту".

- Какая смешная пакость! Тьфу! - молвил Мохриков и очнулся. Бодро оделся, взял портфель и отправился в Госбанк. В Госбанке Мохриков мыкался часа два и вышел из него, имея в портфеле девять тысяч рублей.

Человек, получивший деньги, хотя бы и казенные, чувствует себя совершенно особенным образом. Мохрикову показалось, что он стал выше ростом на Кузнецком мосту.

- Не толкайтесь, гражданин, - сурово и вежливо сказал Мохриков и даже хотел прибавить, - у меня девять тысяч в портфеле, - но потом раздумал.

А на Кузнецком кипело, как в чайнике. Ежесекундно пролетали мягкие машины, в витринах сверкало, переливалось, лоснилось, и сам Мохриков отражался в них на ходу с портфелем то прямо, то кверху ногами.

- Упоительный городишко Москва, - начал размышлять Мохриков, - прямо элегантный город!

Сладостные и преступные мечтания вдруг пузырями закипели в мозгу Мохрикова:

- Вообразите себе, дорогие товарищи... вдруг сгорает Госбанк! Гм... Как сгорает? Очень просто, разве он несгораемый? Приезжают команды, пожарные тушат. Только шиш с маслом - не потушишь, если как следует загорится! И вот вообразите: все сгорело к чертовой матери - бухгалтеры сгорели и ассигновки... И, стало быть, у меня в кармане... Ах, да!... ведь аккредитив-то из Ростова-на-Дону? Ах, шут тебя возьми. Ну, ладно, я приезжаю в Ростов-на-Дону, а наш красный директор взял да и помер от разрыва сердца, который аккредитив подписал! И кроме того опять пожар, и сгорели все исходящие, выходящие, входящие - все ко псам сгорело. Хи-хи! Ищи тогда концов. И вот в кармане у меня беспризорных девять тысяч. Хи-хи! Ах, если б знал наш красный директор, о чем мечтает

Мохриков, но он не узнает, никогда... Что бы я сделал прежде всего...

2. Она

... Прежде всего...

Она вынырнула с Петровки. Юбка до колен, клетчатая. Ножки - стройности совершенно неслыханной, в кремовых чулках и лакированных туфельках. На голове сидела шапочка, похожая на цветок-колокольчик. Глазки - понятное дело. А рот был малиновый и пылал, как пожар.

"Кончил дело, гуляй смело", - почему-то вспомнил Мохриков сон и подумал - дама, что надо. Ах, какой город Москва! Прежде всего, если б сгорел красный директор... Фу! вот талия...

- Пардон! - сказал Мохриков.

- Я на улице не знакоюсь, - сказала она и гордо сверкнула изпод колокольчика.

- Пардон! - молвил ошеломленный Мохриков, - я ничего?!..

- Странная манера, - говорила она, колыхая клетчатыми бедрами, - увидеть даму и сейчас же пристать. Вы, вероятно, провинциал?

- Ничего подобного, я из Ростова, сударыня, на Дону. Вы не подумаете, чтобы я был какая-нибудь сволочь. Я - инкассатор.

- Красивая фамилия, - сказала она.

- Пардон, - отозвался Мохриков сладким голосом, - это должность моя такая: инкассатор из Ростова-на Дону. Фамилия же моя Мохриков, позвольте представиться. Я из литовских дворян. Основная моя фамилия, предки когда-то носили - Мохр. Я даже в гимназии учился.

- На Мопр похоже, - сказала она.

- Помилуйте! Хи-хи!

- А что значит "инкассатор"?

- Ответственная должность, мадам. Деньги получаю в банках по девять, по двенадцать тысяч и даже больше. Тяжело и трудно, но ничего. Облечен доверием...

"Говорил я себе, чтобы штаны в полоску купить. Разве можно в таких штанах с дамой разговаривать на Кузнецком? Срам!"

- Скажите, пожалуйста: деньги? Это интересно!

- Да-с, хихи! Что деньги! Деньги - тлен!

- А вы женаты?
- Нет. А вы такие молодые, мадам, и одинокие, как...
- Как что?
- Хи-хи, былинка.
- Ха-ха!
- Хи-хи.

.....

- Сухаревская-Садовая, № 201... Вы ужасно дерзкий инкассатор!
- Ах, что вы! Мерси. Только в номер заеду переоденусь.

У меня в номере костюмов - прямо гибель. Это дорожный, так сказать, не обращайтесь внимания - рвань. А какая у вас шапочка очаровательная? Это что вышито на ней?

- Карты. Тройка, семерка, туз.
- Ах, какая прелесть. Хи-хи!
- Ха-ха!

3. Преображение

- Побрейте меня, - сказал Мохриков, прижимая к сердцу девять тысяч, в зеркальном зале.

- Слшсс... С волосами что прикажите?
- Того, этого, причешите.
- Ваня, прибор!

Через четверть часа Мохриков, пахнувший ландышем, стоял у прилавка и говорил:

- Покажите мне лакированные полуботинки...

Через полчаса на Петровке в магазине под золотой вывеской "Готовое платье" он говорил:

- А у вас где-нибудь, может быть, есть такая комнатка, этакая, какая-нибудь, отдельная, где можно было бы брючки переодеть?...

- Пожалуйста.

Когда Мохриков вышел на Петровку, публика оборачивалась и смотрела на его ноги. Извозчики с козел говорили:

- Пожа, пожа, пожа...

Мохриков отражался в витринах и думал: "Я похож на артиста императорских театров..."

4. На рассвете

... Когда вся Москва была голубого цвета и коты, которые днем пребывают неизвестно где, ночью ползали, как змеи из подворотни в подворотню, на Сухаревской-Садовой стоял Мохриков, прижимая портфель к груди и, покачиваясь, бормотал:

- М-да... Сельтерской воды или пива, если я сейчас не выпью, я, дорогие товарищи, помру и девять тысяч подберут дворники на улице... То есть не девять, позвольте... Нет, не девять... А вот что я вам скажу: ботинки - сорок пять рублей... Да, а где еще девять червонцев? Да, брился я - рубль пятнадцать... Довольно это паскудно выходит... Впрочем, там аванс сейчас я возьму. А как он мне не даст? Вдруг я приезжаю, говорят, говорят, что от разрыва сердца помер, нового назначили. Комичная история тогда выйдет. Дорогой Мохриков, спросят, а где же двести пятьдесят рублей? Потерял их Мохриков, что ли? Нет, пусть уж он лучше не помирает, сукин кот... Извозчик, где сейчас пива можно выпить в вашей паршивой Москве?

- Пожа, пожа, пожа... В казине.

- Это самое... как его зовут?... Подъезжай сюда. Сколько?

- Два с полтиной.

- И... э... ну, вот, что ты? Как тебя зовут... поезжай.

5. 0 карты!...

Человек в шоколадном костюме и ослепительном белье с перстнем на пальце и татуированным якорем на кисти, с фокусной ловкостью, длинной белой лопаткой разбрасывал по столу металлические круглые марки и деньги и говорил:

- Банко сживи! Пардон, месье. Игра продолжается!...

За круглыми столами спали трое, положивши головы на руки, подобно бездомным детям. В воздухе плыл сизый, табачный дым. Звенели звоночки и бегали с сумочками артельщики, меняли деньги на марки. В голове у Мохрикова после горшановского пива несколько светлело, подобно тому, как светлело за окнами.

- Месье, чего же вы стоите, на ногах? - обратился к нему человек с якорем и перстнем. - Есть место, прошу, занимайте. Банко сживи!

- Мерси! - мутно сказал Мохриков и вдруг машинально плюхнулся в кресло.

- Червонец свободен, - сказал человек с якорем и спросил у Мохрикова: - Угодно, месье?

- Мерси! - диким голосом сказал Мохриков...

6. Конец истории

Озабоченный и очень вежливый человек сидел за письменным столом в учреждении. Дверь открылась, и курьер впустил Мохрикова. Мохриков имел такой вид: на ногах у него были лакированные ботинки, в руках портфель, на голове пух, а под глазами - зеленоватые гнилые тени, вследствие чего курносый нос Мохрикова был похож на нос покойника. Черные косяки мелькали перед глазами у Мохрикова и изредка прерывались черными полосками, похожими на змей, когда же он взвел глаза на потолок, ему показалось, что он, как звездами, усеян бубновыми тузами.

- Я вас слушаю, - сказал человек за столом.

- Случилось чрезвычайно важное происшествие, - низким басом сказал Мохриков, - такое происшествие, прямо неопишемое.

Голос его дрогнул и вдруг превратился в тонкий фальцет.

- Слушаю вас, - сказал человек.

- Вот портфель, - сказал Мохриков, - и извольте видеть - дыра, - доложил Мохриков и показал.

Действительно, в портфеле была узкая дыра.

- Да дыра, - сказал человек.

Помолчали.

- В трамвай сел, - сказал Мохриков, - вылезая, и вот (он вторично указал на дыру), - ножиком взрезали!

- А что было в портфеле? - спросил человек равнодушно.

- Девять тысяч, - ответил Мохриков детским голосом.

- Ваши?

- Казенные, - беззвучно ответил Мохриков.

- В каком трамвае вырезали? - спросил человек, и в глазах у него появилось участливое любопытство.

- Э... э... в этом, как его, в двадцать седьмом...

- Когда?

- Только что вот сейчас. В банке получил, сел в трамвай и...

прямо форменный ужас...

- Так. Фамилия ваша как?

- Мохриков. Инкассатор из Ростова-на Дону.

- Происхождение?

- Отец от станка, мать кооперативная, - сказал жалобным голосом Мохриков. - Прямо погибаю, что мне теперича делать, ума не приложу.

- Сегодня банк заперт, - сказал человек, - воскресенье. Вы наверное перепутали, гражданин. Вчера вы деньги получили?

"Я погиб", - подумал Мохриков и опять тузы замелькали у него в глазах, как ласточки, потом он хриплым голосом добавил:

- Да это я вчера, которые эти... деньги получил.

- А где были вечером вчера? - спросил человек.

- Э... э... Ну, натурально в номере. В общежитии, где остановился...

- В казино не заезжали?

Мохриков бледно усмехнулся:

- Что вы! Что вы! Я даже это... не это... не, не был, да...

- Да вы лучше скажите, - участливо сказал человек, - а то ведь каждый приходит и говорит - трамвай, трамвай, даже скучно стало. Дело ваше такое, что все равно лучше прямо говорить, а то, знаете, у вас пух в голсве, например, и вообще. И в трамвае вы ни в каком не ездили...

- Был, - вдруг сказал Мохриков и всхлипнул.

- Ну, вот и гораздо проще, - оживился человек за столом. - И мне удобнее, и вам.

И, позвонивши, сказал в открывшуюся дверь:

- Товарищ Вахромеев, вот гражданина нужно будет проводить...

И Мохрикова повел Вахромеев.

МИХАИЛ

РАЗВРАТНИК
(разговорчик)

Стрелочник кашлянул и вошел к начальству в комнату. Начальство помешалось за письменным столом.

- Здравствуйте, Адольф феррапонтович, - сказал стрелочник вежливо.

- Чего тебе? - спросило начальство не менее вежливо.

- Я...видите ли, в фактическом браке состою, - вымолвил стрелочник и почему-то стыдливо улыбнулся.

Начальство брезгливо поглядело на стрелочника.

- Ты всегда производил на меня впечатление развратника, - заметило оно, - у тебя и рот чувственный.

Стрелочник окостенел. Помолчали.

- Я тебя не задерживаю, - продолжало начальство, - ты чего стоишь возле стола? Ежели ты пришел делиться грязными тайнами своей жизни, то они мне не интересны!

- Я? Извольте видеть... Я за билетиком пришел...

- За каким билетиком?

- Жене моей бесплатный билетик.

- Жене? Ты разве женат?

- Я ж докладую... в фактическом браке.

- Хи-хи... Ты весельчак, как я на тебя погляжу. В каком же ты храме венчался?

- Да я в храме не венчался...

- Где регистрировались, уважаемый железнодорожник? - подчеркнуто сухо осведомилось начальство.

- Да я ж... Я не регистри... Я ж докладую: в факти...

- Ну, видишь ли, друг, у тебя тогда не жена, а содержанка.

- То есть как...

- Очень просто. Подцепил, плутишка, какую-нибудь балерину, а теперь носится во все стороны. Дай ей, мол бесплатный билет! Ловкач! Сегодня она бесплатный билет, а завтра она может автомобиль потребовать или моторную лодку. Или международный вагон! Она тебе в свинушнике ездить не станет, все равно. Потом шляпку! А за шляпкой - чулки фильдеперсовы. Пропадаешь ты, стрелочник, как собака под забором. Целковых триста она тебе в месяц обойдется.

Да это еще на хороший конец, при режиме экономии, а то и все четыреста!

- Помилуйте! - воскликнул стрелочник с легким подвыванием в голосе. - Я сорок целковых получаю!

- Тем хуже. В долги влезешь, векселя начнешь писать. Ахнет она тебе счет от портнихи за платье целковых на сто восемьдесят. У тебя глаза пупом вылезут. Повертись, повертись и подмахнешь векселек. Срок придет, платить нечем, ты, конечно, в казино. Проиграешь сперва свои денежки, затем казенных тысяч пять, затем ключ французский гаечный, затем рожок, затем флаги зеленый и красный, затем фонарь, а в заключение - штаны. И сядешь ты на рельсы со своей плясуньей, в чем мать родила. Ну, а потом, конечно, как полагается, тебя будут с треском судить. И закатают тебя, принимая во внимание, со строгой изоляцией. Так что годиков в пять не уберешь. Нет, стрелочник, брось. Она, что, французенка, кокотка-то твоя?

- Какая же она французенка?! - закричал стрелочник, у которого все перевернулось вверх дном в голове. - Что вы смеетесь? Марья она. Шляпку?... Что вы такое говорите - шляпку! Она не знает на какое место эту шляпку надевать. Она щи мне готовит!

- Щи и я тебе могу приготовить, но это не значит, что я тебе жена.

- Помилуйте, да ведь она в одной комнате со мной живет.

- Я с тобой тоже в одной комнате могу жить, но это не доказательство.

- Помилуйте, вы мужчина...

- Это мне и без тебя известно, - сказала начальство.

У стрелочника позеленело в глазах. Он полез в карман и вынул газету.

- Вот извольте видеть "Гудок", - сказал он.

- Какой гудок? - спросило начальство.

- Газетка.

- Мне, друг, некогда сейчас газетки читать. Я их вечером обычно читаю, - сказала начальство, - ты говори короче, чего тебе надо, юный красавец?

- Вот написано в "Гудке"... разъяснение, что фактическим, мол, женам, которые проживают вместе с мужем и на его иждивении, вы-

даются бесплатные билеты... которые... наравне.

- Дружок, - мягко перебило начальство, - ты находишься в заблуждении. Ты, может быть, думаешь, что "Гудок" для меня закон. Голубчик, "Гудок" - не закон, это газета для чтения, больше ничего. А в законе ничего насчет балерин не говорится.

- Так, стало-быть, мне не будет билета? - спросил стрелочник.

- Не будет, голубчик, - ответило начальство.

Помолчали.

- До свидания, - сказал стрелочник.

- Прощай и раскайся в своем поведении! - крикнуло ему начальство вслед.

*

А "Гудок" то все-таки закон, и стрелочник билет все-таки получит.

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Два друга жили на станции. И до того дружили, что вошли в посто-
ловицу.

Про них говорили:

- Посмотрите, как живут Мервухин с Птоломеевым! Прямо как Пол-
кан с Барбосом. Слезы льются, когда глядишь на их мозолистые ли-
ца.

Оба были помощниками начальника станции. И вот в один прекрас-
ный день является Мервухин и объявляет Барбосу... то бишь Птоло-
мееву весть:

- Дорогой друг, поздравь! Меня прикрепили!

Когда друзья отрыдались, выяснились подробности. Мервухина вы-
брали председателем месткома, а Птоломеева - секретарем.

- Оценили Мервухина! - рыдал Мервухин счастливыми слезами.

- И 12 целковых положили жалованья.

- А мне? - спросил новоиспеченный секретарь Птоломеев, перес-
тавая рыдать.

- А тебе, Жан, ничего, - пояснил предместкома, - па зэн копеек,
как говорят французы, тебе только почет.

- Довольно странно, - отозвался новоиспеченный секретарь, и
тень легла на его профсоюзное лицо.

Друзья завертели месткомовскую машинку.

И вот однажды секретарь заявил председателю:

- Вот что, Ерофей. Ты, позволь тебе сказать по-дружески, - ты
хоть и предместкома, а свинья.

- То-есть?

- Очень просто. Я ведь тоже работаю.

- Ну и что?

- А то, что ты должен уделить мне некоторую часть из 12 целко-
вых.

- Ты находишь? - сухо вато спросил Мервухин предместкома. - Ну,
ладно, я тебе буду давать 4 рубля или, еще лучше, 3.

- А почему же не 5?

- Ну, ты спроси, почему не десять?!

- Ну, черт с тобой, жада-помада. Согласен.

Настал момент получения. Мервухин упрятал в бумажник 12 целко-

вых и спросил Птоломеева:

- Ты чего стоишь возле меня?

- Три рубля, Ероша, хочу получить.

- Какие три? Ах, да, да, да... Видишь ли, друг, я тебе их как-нибудь потом дам - 15 числа или же в пятницу... А то, видишь ли, мне сейчас... самому нужно...

- Вот как? - сказал, ошеломленно улыбаясь, Птоломеев. - Так-то вы держите ваше слово, сэр?

- Я попрошу вас не учить меня.

- Бога ты боишься?

- Нет, не боюсь, его нету, - ответил Мервухин.

- Ну, это свинство с твоей стороны!

- Попрошу не оскорблять!

- Я не оскорбляю, а просто говорю, что так поступают только сволочи.

- Вот тебе святой крест, - сказал Мервухин, - я общему собранию пожалуюсь, что ты меня при исполнении служебных обязанностей...

- Какие же это служебные обязанности! Зажал у товарища три целковых...

- Попрошу оставить меня в покое, господин Птоломеев.

- Господа все в Париже, господин Мервухин.

- Ну, и ты туда поезжай!

- А ты знаешь, куда поезжай?!

- Вот только скажи. Я на тебя протокол составлю, что ты в присутственном месте выражаешься...

- Ну, ладно же, - сказал багровый Птоломеев. - Я тебе это попомню!

- Попомни.

*

Был солнечный день, когда повернулось колесо судьбы. Вошел Птоломеев, и фуражка его горела, как пламя.

- Здравствуйте, дорогой товарищ Мервухин, - сказал зловецим голосом Птоломеев.

- Здравствуйте, - иронически сказал Мервухин.

- Привстать нужно, гражданин Мервухин, при входе начальника, - сказал Птоломеев.

- Хи-хи. Угорел? Какой ты мне начальник?

- А вот какой: приказом от сего числа назначен временно исполняющим обязанности начальника станции.

- Поздравляю... - растерянно сказал Мервухин и добавил: - Да, кстати, Жанчик, я тебе три рубля хотел отдать, да вот все забываю.

- Нет, мерси, зачем вам беспокоиться, - отозвался Птоломеев.

- Кстати о трех рублях. Потрудитесь сдать ваше дежурство и очистить станцию от своего присутствия. Я снимаю вас с должности.

- Ты шутишь?

- По инструкции шутить не полагается при исполнении служебных обязанностей. Плохо знаете службу, товарищ Мервухин. Попрошу вас встать!!

- Крест-то на тебе есть?

- Нет. Я в союзе безбожников, - ответил Птоломеев.

- Ну, знаешь, видал я подлецов, но таких...

- Это вы мне?

- Тебе.

- Начальнику станции? Го-го! Ты видишь, я в красной фуражке?

- В данном случае ты гнида в красной фуражке.

- А если я вам за такие слова дам по морде?

- Сдачи получите! - сказал хрипло Мервухин.

- С какой дачи?

- А вот с какой!..

И тут Мервухин, не выдержав наглого взора Птоломеева, ударил его станционным фонарем по затылку.

Странным зрелищем любовались обитатели станции через две минуты. Прикрепленный председатель месткома сидел верхом на временно исполняющем должность начальника станции и ключья разорванной его его красной фуражки засовывал ему в рот со словами:

- Подавись тремя рублями! Гад!

*

- Помирился, Женчик, - сказал Мервухин на следующий день, глядя заплывшим глазом, - вышибли меня из месткома.

- Помирился, Ерофей, - отозвался Птоломеев, - и меня выставили

из начальников.

И друзья обнялись.

С тех пор на станции опять настали ясные времена.

МИХАИЛ

ВОСПАЛЕНИЕ МОЗГОВ

Посвящается всем редакторам еженедельных журналов.

В правом кармане брюк лежали 9 копеек - два трехкопеечника, две копейки и копейка, и при каждом шаге они бренчали, как шпоры. Прохожие косились на карман.

Кажется, у меня начинают плавиться мозги. Действительно, асфальт же плавится при жаркой температуре! Почему не могут желтые мозги? Впрочем, они в костяном ящике и прикрыты волосами и фуражкой с белым верхом. Лежат внутри красивые полушария с извилинами и молчат.

А копейки - брень-брень.

У самого кафе бывшего Филиппова я прочитал надпись на белой полоске бумаги: "Щи суточные, севрюжка паровая, обед из 2-х блюд - 1 рубль".

Вынул девять копеек и выбросил их в канаву. К девяти копейкам подошел человек в истасканной морской фуражке, в разных штанинах и только в одном сапоге, отдал деньгам честь и прокричал:

- Спасибо от адмирала морских сил. Ура!

Затем он подобрал медяки и запел громким и тонким голосом:

Ата-цвели уж давно-о!
Хэ-ри-зан-темы в саду-у!..

Прохожие шли мимо струей, молча сопя, как будто так и нужно, чтобы в 4 часа дня, на жаре, на Тверской, адмирал в одном сапоге пел.

Тут за мной пошли многие и говорили со мной:

- Гуманный иностранец, пожалуйста и мне 9 копеек. Он шарлатан, никогда даже на морской службе не служил.

- Профессор, окажите любезность...

А мальчишка, похожий на Черномора, но только с отрезанной бородой, прыгал передо мною на аршин над панелью и торопливо рассказывал хриплым голосом:

У Калуцкой заставы
жил разбойник и вор - Камаров!

Я закрыл глаза, чтобы его не видеть, и стал говорить:

- Предположим так. Начало: жара, и я иду, и вот мальчишка.

Прыгает. Беспризорный. И вдруг выходит из-за угла заведующий детдомом. Светлая личность. Описать его. Ну, предположим, такой: молодой, голубые глаза. Бритый? Ну, скажем, бритый. Или с маленькой бородкой. Баритон. И говорит: - Мальчик, мальчик. А что дальше? Мальчик, мальчик, ах, мальчик, мальчик... "И в фартуке", - вдруг сказали тяжелые мозги под фуражкой. "Кто в фартуке?" - спросил я у мозгов удивленно. - "Да этот, твой детдом".

"Дураки", - ответил я мозгам.

"Ты сам дурак. Бесталанный", - ответили мне мозги, - посмотрим, что ты будешь жрать сегодня, если ты сей же час не сочинишь рассказ. Графоман!".

Не в фартуке, а в халате...

"Почему он в халате? Ответь, кретин", - спросили мозги.

"Ну, предположим, что он только что работал, например, делал перевязку ноги больной девочке и вышел купить папирос "Трест". Тут же можно описать моссельпромщицу. И вот он говорит:

- Мальчик, мальчик... А сказавши это (я потом присочиню, что он сказал), берет мальчика за руку и ведет в детдом. И вот Петька (мальчика Петькой назовем, такие замерзающие на жаре мальчики всегда Петьки бывают) уже в детдоме, уже не рассказывает про Комарова, а читает букварь. Щеки у него толстые и назвать рассказ: "Петька спасен". В журналах любят такие заглавия.

"Па-аршивенький рассказ", - весело бухнуло под фуражкой, - "и тем более, что мы где-то уже это читали!"

- Молчать, я погибаю! - приказал я мозгам и открыл глаза. Передо мною не было адмирала и Черномора и не было моих часов в кармане брюк.

Я пересек улицу и подошел к милиционеру, высоко поднявшему жезл

- У меня часы украли сейчас, - сказал я.

- Кто? - спросил он.

- Не знаю, - ответил я.

- Ну, тогда пропали, - сказал милиционер.

От таких его слов мне захотелось сельтерской воды.

- Сколько стоит один стакан сельтерской? - спросил я в будочке у женщины.

- 10 копеек, - ответила она.

Спросил я ее нарочно, чтобы знать, жалеть ли мне выброшенные 9

копеек. И развеселился и немного оживился при мысли, что жалеть не следует.

"Предположим - милиционер. И вот подходит к нему гражданин..."

"Ну-те-с?" - осведомились мозги...

- Н-да, и говорит: часы у меня свиснули. А милиционер выхватывает револьвер и кричит: "Стой!!... Ты украл, подлец". Свистит. Все бегут. Ловят вора-рецидивиста. Кто-то падает. Стрельба.

"Все?" - спросили желтые толстяки, распухшие от жары в голове. "Все".

"Замечательно, прямо-таки гениально, - рассмеялась голова и стала стучать, как часы, - но только этот рассказ не примут, потому, что в нем нет идеологии. Все это, т.е. кричать, выхватывать револьвер, свистеть и бежать, мог и старорежимный городской. Нес-па, товарищ Бенвенуто Челлини?"

Дело в том, что мой псевдоним - Бенвенуто Челлини. Я придумал его пять дней тому назад в такую же жару. И он страшно понравился почему-то всем кассирам в редакции. Все они пометили: "Бенвенуто Челлини" в книгах авансов рядом с моей фамилией. 5 червонцев, например, за Б.Челлини.

"Или так: извозчик № 2579. И седок забыл портфель с важными бумагами из Сахаротреста. И честный извозчик доставил портфель в Сахаротрест и сахарная промышленность поднялась, а сознательного извозчика наградили".

"Мы этого извозчика помним, - сказали, остервенясь, воспаленные мозги, - еще по приложениям к Марксовской "Ниве". Раз пять мы его там встречали, набранного то петитом, то корпусом, только седок служил тогда не в Сахаротресте, а в Министерстве Внутренних дел. Умолкни! Вот и редакция. Посмотрим, что ты будешь говорить. Где рассказик?.."

По шаткой лестнице я вошел в редакцию с развязным видом и громко напевая:

И за Сеню я!
За кирпичики,
Полюбила кирпичный завод.

В редакции, зеленея от жары, в тесной комнате сидел заведующий редакцией, сам редактор, секретарь и еще двое празднующихся. В деревянном окне, как в зоологическом саду, торчал птичий нос кассира.

- Кирпичики кирпичиками, - сказал заведующий, - а вот где обещанный рассказ?

- Представьте, какой гротеск, - сказал я улыбаясь весело, - у меня сейчас часы украли на улице.

Все промолчали.

- Вы обещали сегодня дать денег, - сказал я и вдруг в зеркале увидал, что я похож на пса под трамваем.

- Нету денег, - сухо ответил заведующий, и по лицам я увидал, что деньги есть.

- У меня есть план рассказа. Вот чудак вы, - заговорил я тенором, - я в понедельник его принесу к половине второго.

- Какой план рассказа?

- Хм... В одном доме жил священник...

Все заинтересовались. Праздношатающиеся подняли головы.

- Ну?

- И умер.

- Юмористический? - спросил редактор, сдвигая брови.

- Юмористический, - ответил я, утопая.

- У нас уже есть юмористика. На три номера. Сидоров написал, - сказал редактор. - Дайте что-нибудь авантюрное.

- Есть, - ответил я быстро, - есть, есть, как же!

- Расскажите план, - сказал, смягчаясь, заведующий.

- Кхе... Один нэпман поехал в Крым...

- Дальше-с!

Я нажал на больные мозги, так, что из них закапал сок, и вымолвил:

- Ну и у него украли бандиты чемодан.

- На сколько строк это?

- Строк на триста. А впрочем можно и... меньше. Или больше.

- Напишите расписку на 20 рублей, Бенвенуто, - сказал заведующий, - но только принесите рассказ, я вас серьезно прошу.

Я сел писать расписку с наслаждением. Но мозги никакого участия ни в чем не принимали. Теперь они были маленькие, съезжившиеся, покрытые вместо извилин черными запекшимися щелями. Умерли.

Кассир, было, запротестовал. Я слышал его резкий скворешный голос:

- Не дам я вашему Чинизелли ничего. Он и так перебрал уже 60

целковых.

- Дайте, дайте, - приказал заведующий.

И кассир с ненавистью выдал мне один хрустящий и блестящий червонец, а другой темный с трещиной посередине.

Через 10 минут я сидел под пальмами в тени Филипова, укрывшись от взоров света. Передо мною поставили толстую кружку пива. "Сделаем опыт, - говорил я кружке, - если они не оживут после пива, - значит, конец. Они померли - мои мозги, вследствие писания рассказов, и больше не проснутся. Если так, я проем 20 рублей и умру. Посмотрим, как они с меня, покойничка, получают обратно аванс"...

Эта мысль меня насмешила, я сделал глоток. Потом другой. При третьем глотке живая сила вдруг закопошилась в висках, жилы набухли, и съезжившиеся желтки расправились в костяном ящике.

- Живы? - спросил я.

- Живы, - ответили они шепотом.

- Ну, теперь сочиняйте рассказ!

В это время подошел ко мне хромой с перочинными ножиками. Я купил один за полтора рубля. Потом пришел глухонемой и продал мне две открытки в желтом конверте с надписью:

"Граждане, помогите глухонемому".

На одной открытке стояла елка в ватном снегу, а на другой был заяц с аэропланскими ушами, посыпанный бисером. Я любовался зайцем, в жилах моих бежала пенистая пивная кровь. В окнах сияла жара, плавился асфальт. Глухонемой стоял у подъезда кафе и раздраженно говорил хромому:

- Катись отсюда колбасой со своими ножиками. Какое ты имеешь право в моем Филиппове торговать? Уходи в "Эльдорадо"!

- "Предположим так, - начал я, пламенея, - улица гремела, - со свистом соловьиным прошла мотоциклетка. Желтый переплетенный гроб с зеркальными стеклами (автобус)!"...

- "Здорово пошло дело", - заметили выздоровевшие мозги, - "спрашивай еще пиво, чини карандаш, сыпь дальше... Вдохновенье, вдохновенье".

Через несколько мгновений вдохновение хлынуло с эстрады под военный марш Шуберта-Таузига, под хлопанье тарелок, под звон се-ребра.

Я писал рассказ в "Иллюстрацию", мозги пели под военный марш:

Что, сеньор мой,
Вдохновенье мне дано?
Как ваше мнение?!

Жара! Жара!

ЗОЛОТЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ФЕРАПОНТА
ФЕРАПОНТОВИЧА КАПОРЦЕВА

В корреспонденциях Ферапонта Ферапонтовича Капорцева (проживает в провинции) исправлена мною только неуместная орфография. Одним словом - корреспонденции подлинные.

Корреспонденция первая
НЕСГОРАЕМЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДОМ

В общегосударственном масштабе известен жилищный кризис, доказавшийся даже до нашего Благодатска. Не может быть свободно по той причине, что благодаря повышенной рождаемости, вызванной Нэпом, народонаселение растет с угрожающей быстротой, и вот наш известный кооператор Павел Федорович Петров (замените его буквами "Пе, Фе, Пе", а то будет скандал) решили выйти из положения кооперативным способом. Человек-то он, правда, развитой, но только скорохват американской складки. Все дело началось с того, что его супруга сверх всяких ожиданий родила вместо одного младенца - двойню, чем и толкнула Петрова на кооперативные поступки.

С разрешения начальства он образовал жилищно-строительное кооперативное бюро в составе Н.Н.Л. (агроном от первого брака его отца) и В.А.С. (жених его сестры - заведующий хорovým кружком культкомиссии) со взносом каждый в 12 червонцев для постройки американского дома термолитова типа - изумительной новинки в нашем городе.

Вообразите изумлением закоренелых благодатцев, когда на углу Новосвятской и Парижской Коммуны вырос буквально как гриб двухэтажный дом на три квартиры в рассрочку с удобствами.

Очень похожие на заграничные дома на открытках Швейцарии с острой крышей. Более всего удивительно, что дом оказался несгораемый, что вызвало строительную горячку и подачу прошений в Исполком (теперь их все взяли обратно).

Дураки нашего города смеялись над Петровым, предлагая испробовать дом при помощи керосина, но тот отказался, и, как оказалось, совершенно напрасно, не ходил бы он теперь к лету в шубе, с календарем в руках!

Все строительное бюро перевезло своих детей и все монетки 5 апреля (дом этот такого цвета, как папиросный пепел) и Петров дошел до того, что даже поставил в нем телефон.

А на первый день праздника, 19-го, на пасху ночью наша бдительная пожарная команда была поставлена на ноги роковым сообщением по Петровскому телефону:

- Пожар!!!

Наш брандмейстер Салов ответил по телефону:

- Вы будете оштрафованы за ложный вызов и пьяную пасхальную шутку. Этого не может быть.

Тут Петров с плачущим голосом отскочил от телефона и перестал действовать, потому что в нем перегорел уже провод.

Когда же вследствие зарева с каланчи наши молодцы-пожарные прибыли, то застали всю жилищно-американскую компанию, стоящую в теплых шубах на улице, а дом сгорел, как факел, успев спасти кольца его жены, запасную шубу главного американца Петрова, кастрюлю и отрывной календарь с изображением всероссийского старосты. Теперь возникает судебное дело: "О пожаре негоряемого дома". По-моему, это глупое дело! Да оно ничем и не кончится, потому что Салов обнаружил, что было самовозгорание проводов на чердаке.

Вот так все у нас в провинции происходит по-удивительному. В Москве бы он, вероятно, не сгорел.

Корреспондент Капорцев

Корреспонденция вторая

ЛЖЕДМИТРИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ

(из провинции от Капорцева)

В нашем славном Благодатском учреждении имеется выдающийся секретарь. Мы так и смотрим на него, что он на отлете.

Конечно, ему не в Благодатском сидеть, а в Москве или в крайнем случае в Ленинграде. Тем более, что он говорил, что у него есть связи.

Над собой повесил надпись: "Рукопожатия переносят заразу", "Если ты пришел к занятому человеку, не мешай ему", "Посторонние разговоры по телефону строго воспрещаются" и кроме этого выстроил решетку, как возле нашего памятника Карла Либкнехта, и таким образом оторвался от массы начисто.

Кто рот ни раскроет сквозь решетку, он ему говорит одно только слово: "короче!". Короче. Короче. Каркает, как ворон на суку.

В один прекрасный день появляется возле решетки молодой человек. Одет очень хорошо, реглан-пальто. Рыженький. Усики. Галстук бабочкой. Взял стул, сидит. Секретарь всех откаркал от решетки и к нему:

- Вам что, товарищ? Короче!

А тот отвечает:

- Ничего, товарищ, я подожду. Вы заняты.

Голос у него великолепный, интеллигентный.

Тот брови нахмурил и говорит.

- Нет, вы говорите. Короче.

Тот отвечает.

- Я, видите ли, товарищ, к вам сюда назначен.

Тот брови поднял:

- Как ваша фамилия?

А тот:

- Луначарский.

Молодой человек так скромно кашлянул. Вежливый.

- Луначарский.

Так тот открыл загородку, вышел, говорит:

- Пожалуйста сюда (уже "короче" не говорит) - и спрашивает:

- Виноват (заметьте: "виноват"), вы не родственник Анатолию

Васильевичу?

А тот:

- Это неважно. Я - его брат.

Хорошенькое "неважно"! Загородку к черту. Стул.

- Вы курите? Садитесь! Позвольте узнать, а на какую должность?

А тот:

- За заведующего.

Здорово.

А заведующего нашего как раз вызвали в Москву для объяснений по поводу паровой мельницы, и мы знаем, что другой будет.

Что тут было с секретарем и со всеми, трудно даже описать - такое восхищение. Оказывается, что у Дмитрия Васильевича украли все документы, пока он к нам ехал, и деньги в поезде под самым Красноземском, а оттуда он доехал до нашего Благодатска на телеге, которая мануфактуру везла. Главное, говорит, курьезно, что чемодан украли с бельем. Все собрались в восторге, что могут оказать помощь.

И вот список наших карьеристов:

1) Секретарь дал, смеясь, 8 червонцев.

2) Кассир - 3 червонца.

3) Заведывающий столом личного состава - 2 червонца, мыло, полотенце, простыню и бритву (не вернул).

4) Бухгалтер - 42 рубля и три пачки папирос "Посольских".

5) Кроме того брату Луначарского выписали авансом 50 рублей в счет жалованья.

И отправились осматривать учреждения и принимать дела. Оказался необыкновенно воспитанный, принял заявления и на каждом написал: "Удовлетворить".

Секретарь стал, как бес, все время не ходил, а бегал, как пушинка. Предлагал тотчас же телеграмму в Москву насчет документов, но столичный гость придумал лучше: "Я, говорит, все равно отправлюсь сейчас же инспектировать уезд, доеду до самого Красноземска, а оттуда лично по прямому проводу все сделаю".

Все подивились страшной быстроте его энергии. Единственная у нас машина в Благодатске, как вам известно, и на ней Дмитрий Васильевич отбыл на прямой провод (при этом: одеяло дал секретарь, два фунта колбасы, белого хлеба и в виде сюрприза положил бутылку

английской горькой).

До Красноземска три часа езды на машине. Ну, скажем, на прямом проводе один час, обратно - три часа. Вернулась машина в 11 часов вечера, шофер пьяный и говорит, что Дмитрий Васильевич остался ночевать у тамошнего председателя и распорядился прислать машину завтра, в 3 часа дня.

Завтра послали машину. Приезжает и - нету Дмитрия Васильевича. В чем дело - никто не может понять. Секретарь сейчас сам - скок в машину и в Красноземск. Возвращается на следующее утро, тучатучей и никому не смотрит в глаза. Мы ничего не можем понять. Бухгалтер что-то почуял насчет 42 целковых и спрашивает дрожащим голосом:

- А где же Дмитрий Васильевич? Не зоболели ли?

А тот вдруг закусил губу и:

- Асс-тавьте меня в покое, товарищ Прокундин! - Дверью хлопнул и ушел.

Мы к шоферу. Тот ухмыляется. Оказывается, прямо колдовство какое-то. Никакого Дмитрия Васильевича в Красноземске у председателя не ночевало. На прямом проводе секретарь спрашивает, не разговаривал ли Луначарский - так прямо думали, что он с ума сошел. Секретарь даже на вокзал кидался, спрашивал, не видали ли молодого человека с одеялом. Говорят, видели с ускоренным поездом. Но только галстук не такой.

Мы прямо ужаснулись. Какое-то наваждение. Точно призрак побывал в нашем городе.

Как вдруг кассир спрашивает у шофера:

- Не зеленый ли галстук?

- Во-во.

Тут кассир вдруг говорит:

- Прямо признаюсь, я ему, осел, кроме трех червей еще шелковый галстук одолжил.

Тут мы ахнули и догадались, что самозванец.

На 222 рубля наказал подлиз наших. Не считая вещей и закусок. Вот тебе и "короче".

Ваш корреспондент Капорцев

Корреспонденция третья

ВАНЬКИН ДУРАК

Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее наш профессиональный знаменитый работник 20-го века Ванькин Исидор, каковой прилип к нашему рабклубу, как банный лист.

Ни одна ерунда в нашей жизни не проходит без того, чтобы Ванькин в ней не был.

Мы, грешным делом, надеялись, что его в центр уберут, но, конечно, Ванькина в центре невозможно держать.

И вот произошло событие. В один прекрасный день родили одновременно две работницы на нашем заводе Марья и Дарья и обе - девочек: только у Марьи рыженькая, а у Дарьи обыкновенная. Прекрасно. Наш завком очень энергичный, и поэтому решили прооктябрить, как ту, так и другую.

Ну, ясно и понятно: без Ванькина ничто не может обойтись. Сейчас же он явился и счастливым матерям предложил имена для их крошек: Баррикада и Бебелина. Так что первая выходила Баррикада Анемподистовна, а вторая Бебелина Иванна, от чего обе матери отказались с плачем и даже хотели обратно забрать свои плоды.

Тогда Ванькин обменял на два других имени: Мессалина и Пестелина, и только председатель завкома его осадил, объяснив, что Мессалина такого имени нет, а это картина в кинематографе.

Загнали, наконец, Ванькина в пузырьек. Стих Ванькин и соединенными усилиями дали мы два красивых имени: Роза и Клара.

- Как конфетка будут октябрины, - говорил наш председатель, потирая мозолистые руки, - лишь бы Ванькин ничего не изгадил.

В клубе имени тов. Луначарского народу набилось видимо-невидимо, все огни горят, лозунги сияют. И счастливые матери сидели на сцене с младенцами в конвертах, радостно их укачивая.

Объявили имена, и председатель предложил слово желающему, и, конечно, выступил наш красавец Ванькин. И говорит:

- В виду того и принимая во внимание, дорогие товарищи, что имена мы нашим трудовым младенцам дали Роза и Клара, предлагаю почтить память наших дорогих борцов похоронным маршем. Музыка, играй!

И наш капельмейстер, заведующий музыкальной секцией, звучно за-

играл: "Вы жертвою пали". Все встали в страшном смятении, и в это время вдруг окрестность огласилась рыданием матери № 2 Дарьи вследствие того, что ее младенец Розочка на руках у нее скончалась.

Была картина, я вам доложу! Первая мать, только сказав Ванькину:

- Спасибо тебе, сволочь, - брызнула вместе с конвертом к полу, и тот не Кларой, а просто Марьей окрестил ребеночка в честь матери.

Весь отставший старушечий элемент Ванькину учинил такие октябрины, что тот еле ноги унес через задний ход клуба.

И тщетно наша выдающаяся женщина-врач Оль-Мих. Динамит объяснила собранию, что девочка умерла от непреодолимой кишечной болезни ее нежного возраста, и была уже с 39 градусами и померла бы, как ее ни называй, никто ничего не слушал. И все ушли, уверенные, что Ванькин девчонку похоронным маршем задавил наповал.

Вот-с, бывают такие штуки в нашей милой отдаленности...

С почтением Капорцев

"ВОДА ЖИЗНИ"

Станция "Сухая Канавка" дремала в сугробах. В депо вяло пере-
свистывались паровозы. В железнодорожном поселке тек мутный и спо-
койный зимний денек.

Все, что здесь доступно оку (как говорится),
Спит, покой ценя...

В это-то время к железнодорожной лавке и подполз, как тать, плю-
гавый воз, таинственно закутанный в брезент. На брезенте сидела
личность в тулупе, и означенная личность, подъехав к лавке, зага-
дочно подмигнула. Двух скучных людей, торчащих у дверей, вдруг
ударил припадком. Первый нырнул в карман, и звон серебра огласил
окрестности. Второй заплясал на месте и захрипел:

- Ванька, не будь сволочью, дай рупь шестьдесят две!..

- Отпрыгни от меня моментально! - ответил Ванька, с треском от-
пер дверь лавки и пропал в ней.

Личность, доставившая воз, сладострастно засмеялась и молвила:

- Соскучились, ребятишки?

Из лавки выскочил некий в грязном фартуке и завыл:

- Что ты, черт тебя возьми, по главной улице приперся? Огорода-
ми не мог объехать?

- Агородами... Там сугробы, - начала личность огрызаться и не
кончила. Мимо нее проскочил гражданин без шапки и с пустыми бутыл-
ками в руке.

С победоносным криком: "номер первый - ура!!!!" он влип в дверях
во второго гражданина в фартуке, каковой гражданин ему отвесил:

- Чтоб ты сдох! Ну, куда тебя несет? Вторым номером встанешь!
Успеешь! Фаддей - первый, он дежурил два дня.

Номер третий летел в это время по дороге к лавке и, бухая кула-
ками во все окошки, кричал:

- Братцы, очишанное привезли!...

Калитки захлопали.

Четвертый номер вынырнул из ворот и брызнул к лавке, на ходу за-
стегивая подтяжки. Пятым номером вдавился в лавку мастер Лукьян,
опередив на полкорпуса местного дьякона (шестой номер) . Седьмым
пришла в красивом финише жена Сидорова, восьмым - сам Сидоров, де-
вятым - Пелагеин племянник, бросивший на пять сажений десятого -

помощника начальника станции Колочука, показавшего 32 версты в час, одиннадцатым - неизвестный в старой красноармейской шапке, а двенадцатого личность в фартуке высадила за дверь, рявкнув:

- Организуй на улице!

*

Поселок оказался и люден и оживлен. Вокруг лавки было черным-черно. Растерянная старушонка с бутылкой из-под постного масла бросалась с фланга на организованную очередь повторными атаками

- Анафемы! Мне ваша водка не нужна, мяса к обеду дайте взять! - кричала она, как кавалерийская труба.

- Какое тут мясо! - отвечала очередь. - Вон старушку с мясом!

- Плюнь, Пахомовна, - говорил женский голос из оврага, - теперь ничего не сделаешь! Теперича пока водку не разберут...

- Глаз, глаз выдушите, куда ж ты прешь!

- В очередь!

- Выкиньте этого в шапке, он сбоку залез!

- Сам ты мерзавец!

- Товарищи, будьте сознательны!

- Ох, нехватит...

- Попрошу не толкаться, я - начальник станции!

- Насчет водки - я сам начальник!

- Алкоголик ты, а не начальник!

*

Дверь ежесекундно открывалась, из нее выжимался некий с счастливым лицом и с двумя бутылками, а второго снаружи вжимало с бутылками пустыми. Трое в фартуках, вытирая пот, таскали из ящиков с гнездами бутылки с сургучными головками, принимали деньги.

- Две бутылочки.

- Три двадцать четыре! - вопил фартук, - что кроме?

- Сельдей четыре штуки...

- Сельдей нету!

- Колбасы полтора фунта...

- Вася, колбаса осталась?

- Вышла!

- Колбасы уже нет, вышла!
- Так что-ж есть?
- Сыр русско-швейцарский, сыр голландский...
- Давай русско-голландского полфунта...
- Тридцать две копейки? Три пятьдесят шесть! Сдачи сорок четыре копейки! Следующий!
- Две бутылочки...
- Какую закусочку?
- Какую хочешь. Истомилась моя душенька...
- Ничего, кроме зубного порошка, не имеется.
- Давай зубного порошка две коробки!
- Не желаю я вашего ситца!
- Без закуски не выдаем.
- Ты что ж очумел, какая же ситец закуска?
- Как желаете...
- Чтоб ты на том свете ситцем закусывал!
- Попрошу не ругаться!
- Я не ругаюсь, я только к тому, что свиньи вы! Нельзя же, нельзя ж в самом деле народ ситцем кормить!
- Товарищ, не задерживайте!

Двести пятнадцатый номер получил две бутылки и фунт синьки, двести шестнадцатый - две бутылки и флакон одеколону, двести семнадцатый - две бутылки и пять фунтов черного хлеба, двести восемнадцатый - две бутылки и два куса туалетного мыла "Аромат девы", двести девятнадцатый - две и фунт стеариновых свечей, двести двадцатый - две и носки, да двести двадцать первый - получил шиш.

Фартуки вдруг радостно охнули и закричали:

- Вся!

После этого на окне выскочила надпись "Очищенного вина нет", и толпа на улице ответила тихим стоном...

*

Вечером тихо лежали сугробы, а на станции мигал фонарь. Светились окна домишек, и шла по разъезженной улице какая-то фигура и тихо пела, покачиваясь:

Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой цена...

ПЛОЩАДЬ НА КОЛЕСАХ

Дневник гениального гражданина Полосухина

21 ноября.

Ну, и город Москва, я вам доложу. Квартир нету. Нету, горе мое! Жене дал телеграмму - пушай пока повременит, не выезжает. У Карабуева три ночи ночевал в ванне. Удобно, только капает. И две ночи у Шувеевского на газовой плите. Говорили в Елабуге у нас - удобная штука, какой черт! - винтики какие-то впиваются, и кухарка недовольна.

23 ноября.

Сил никаких моих нету. Наменял на штрафы мелочи и поехал на А, шесть кругов проездил - кондукторша пристала: "Куды вы, гражданин, едете?" "К чертовой матери, говорю, еду". В сам деле, куды еду? Никуды. В половину первого в парк поехали. В парке и ночевал. Холодина.

24 ноября.

Бутерброды с собой взял, поехал. В трамвае тепло - надышали. Закусывал с кондукторами на Арбате. Сочувствовали.

27 ноября.

Пристал, как банный лист - почему с примусом в трамвае? Параграфа, говорю, такого нету. Чтобы не петь, есть параграф, я и не пою. Напоил его чаем - отцепился.

2 декабря.

Пятеро нас ночует. Симпатичные. Одеяла расстелили - как в первом классе.

7 декабря.

Пурцман с семейством устроился. Завесили одну половину - дамское - некурящее. Рамы все замазали. Электричество - не платить. Утром так и сделали: как кондукторша пришла - купили у нее всю книжку. Сперва ошатели от ужаса, потом ничего. И ездим. Кондукторша на остановках кричит: "Местов нету!" Контролер влез - ужаснулся. Говорю, извините, никакого правонарушения нету. Заплочено и ездим. Завтракал с нами у храма Спасителя, кофе пили на Арбате, а потом поехали к Страстному монастырю.

8 декабря

Жена приехала с детишками. Пурцман отделился в 27 номер. Мне говорит, это направление больше нравится. Он на широкую ногу устроился. Ковры постелил, картины известных художников. Мы по-проще. Одну печку поставил вагоновожатому - симпатичный парнишка попался, как родной в семье. Петю учит править. Другую в вагоне, третью кондукторше - симпатичная - свой человек - на задней площадке. Плиту поставил. Ездим, дай Бог каждому такую квартиру!

11 декабря

Батюшки! Пример-то, что значит. Приезжаем сегодня к Пушкину, выглянул я на площадку - умываться, смотрю - в 6 номере с Тверской поворачивает Шуевский!... Его, оказывается, уплотнили с квартирой, то он и кричит - наплевать. И переехал. Ему в 6-м номере удобно. Служба на Мясницкой.

12 декабря

Что в Москве делается, уму непостижимо. На трамвайных остановках - вой стоит. Сегодня, как ехали к Чистым прудам, читал в газете про себя - называют - гениальный человек. Уборную устроили. Просто, а хорошо, в полу дыру провертели. Да и без уборной великолепно. Хочешь на Арбате, хочешь у Страстного.

20 декабря

Елку будем устраивать. Тесновато нам стало. Цельсь переехать в 4 номер двойной. Да, нету квартир. В американских газетах мой портрет помещен.

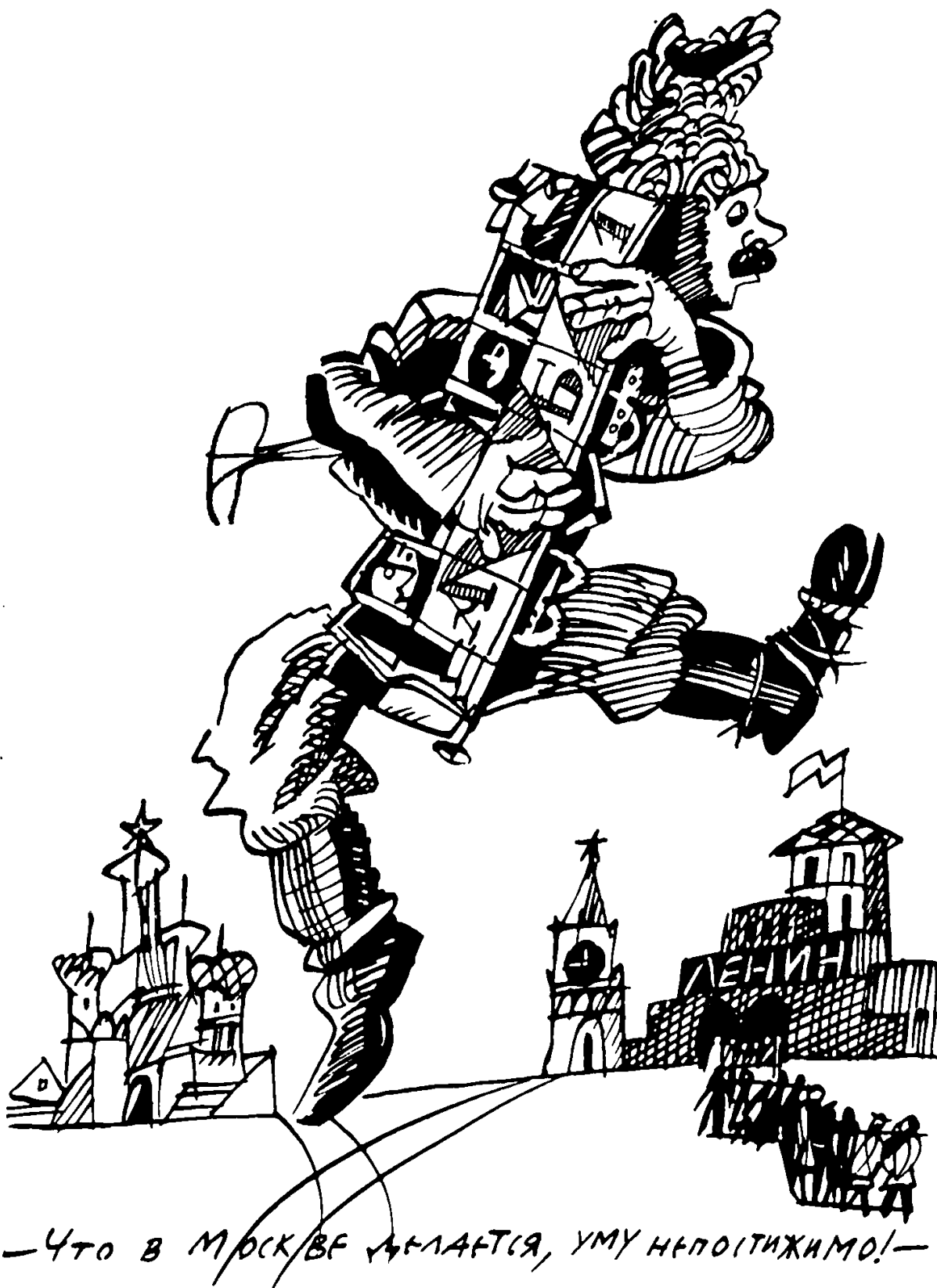
21 декабря

Все к черту! Вот тебе и елка! Центральная жилищная комиссия явилась. Ахнули. А мы-то, говорит, всю Москву изрыли, искали жилищную площадь. А она тут...

Всех выпирают. Учреждения всаживают. Дали 3-дневный срок. В моем вагоне участок милиции поместится. К Пурцману школа 1 степени имени Луначарского.

23 декабря

Уезжаю обратно в Елабугу...

— ЧТО В МОСКВЕ ДЕЛАЕТСЯ, УМУ НЕПОИТИЖИМО! —

ЕГИПЕТСКАЯ МУМИЯ

Рассказ члена Профсоюза

Приехали мы в Ленинград, в командировку, с председателем нашего месткома.

Когда отбегались по всем делишкам, мне и говорит председатель:

- Знаешь что, Вася? Пойдем в Народный дом.

- А что, спрашиваю, я там забыл?

- Чудак ты, - отвечает мне наш председатель месткома, - в Народном доме ты получишь здоровые развлечения и отдохнешь, согласно 98-й статье Кодекса Труда (председатель наизусть знает все статьи, так что его даже считают чудом природы).

Ладно. Мы пошли. Заплатили деньги, как полагается, и начали применять 98-ю статью. Первым долгом, мы прибегли к колесу смерти. Обыкновенное громадное колесо и посередине палка. Причем, колесо, от неизвестной причины начинает вертеться с невероятной скоростью, сбрасывая с себя ко всем чертям каждого члена союза, который на него сядет. Очень смешная штука, в зависимости от того, как вылетит. Я выскочил чрезвычайно комично через какую-то барышню, разорвав штаны. А председатель оригинально вывихнул себе ногу и сломал одному гражданину палку красного дерева, со страшным криком ужаса. Причем, он летел, и все падали на землю, так как наш председатель месткома человек с громадным весом. Одним словом, когда он упал, я думал, что придется выбирать нового председателя. Но председатель встал бодрый, как статуя свободы, и, наоборот, кашлял кровью тот гражданин с погибшей палкой.

Затем мы отправились в заколдованную комнату, в которой вращаются потолок и стены. Здесь из меня выскочили бутылки пива "Новая Бавария", выпитые с председателем в буфете. В жизни моей не рвало меня так, как в этой проклятой комнате, председатель же перенес.

Но когда мы вышли, я сказал ему:

- Друг, отказываюсь от твоей статьи. Будь они прокляты эти развлечения № 98!

А он сказал:

- Раз уж мы пришли и заплатили, ты должен еще видеть знамени-

тую египетскую мумию.

И мы пришли в помещение. Появился в голубом свете молодой человек и заявил:

- Сейчас, граждане, вы увидите феномен неслыханного качества - подлинную египетскую мумию, привезенную 2500 лет назад. Эта мумия прорицает прошлое, настоящее и будущее, при чем отвечает на вопросы и дает советы в трудных случаях жизни и, секретно, беременным.

Все ахнули от восторга и ужаса и, действительно, вообразите, появилась мумия в виде женской головы, а кругом египетские письмена. Я замер от удивления при виде того, что мумия совершенно молодая, как не может быть человек не только 2500 лет, но и даже в 100 лет.

Молодой человек вежливо пригласил:

- Задавайте вопросы. Попроще.

И тут председатель вышел и спросил:

- А на каком же языке задавать? Я египетского языка не знаю.

Молодой человек, не смущаясь, отвечает:

- Спрашивайте по-русски.

Председатель откашлялся и задал вопрос:

- А скажи, дорогая мумия, что ты делала до февральского переворота?

И тут мумия побледнела и сказала:

- Я училась на курсах.

- Тэк-с. А скажи, дорогая мумия, была ты под судом при советской власти и, если не была, то почему?

Мумия заморгала глазами и молчит.

Молодой человек кричит:

- Что же вы, гражданин, за 15 копеек мучаете мумию?

А председатель начал крыть беглым:

- А, милая мумия, твое отношение к воинской повинности?

Мумия заплакала. Говорит:

- Я была сестрой милосердия.

- А что б ты сделала, если б ты увидела коммунистов в церкви? А кто такой тов. Стучка? А где теперь живет Карл Маркс?

Молодой человек видит, что мумия засыпалась, сам кричит по поводу Маркса:

- Он умер!

А председатель рявкнул:

- Нет! Он живет в сердцах пролетариата.

И тут свет потух, и мумия с рыданиями исчезла в преисподней,
а публика крикнула председателю:

- Ура! Спасибо за проверку фальшивой мумии.

И хотела его качать. Но председатель уклонился от почетного качанья, и мы выехали из Народного дома, причем за нами шла толпа пролетариев с криками.

ТИПАЖ

Мощный звонок перешиб "Шествие сардара".

- С вами говорит администратор ленинградских, московских и провинциальных театров, - сказал голос на фоне бубнов "Сардара", - желательно переговорить с вами по делу.

- Приезжайте ко мне в два часа дня.

- А в час? - спросил далекий администратор.

- Ну... хорошо.

Администратор выключился, затем обогнал Америку и явился в час без четверти.

Гость одет был в пиджак, полосатые брюки, ботинки на пуговицах. Гость был с лысиной, бородкой и печальными глазами.

- Садитесь, пожалуйста, - сказал я, изумляясь тому, что при госте нет портфеля.

Впрочем, отсутствие портфеля возмещалось наличием драгоценного камня в засаленном галстуке, по всем признакам - изумруда.

- Мерси, - сказал гость, - фамилия моя - Суворов-Таврический.

- Скажите, - воскликнул я, стараясь, чтобы изумление мое не приняло неприличных форм. - Без сомнения, Таврический - ваш псевдоним?

- Нет, - ответил гость, - как раз Таврический - фамилия, а псевдоним - Суворов. По отцу я - Таврический, а по матери - Котомкин.

- Таким образом, вы - Котомкин-Таврический?

- Да, - подтвердил гость. - Вам, может быть, моя фамилия неприятна?

- Помилуйте! - воскликнул я.

- О вас много и тепло говорил мне Бобров в Ленинграде. Вы знаете Боброва?

- К сожалению, нет... Но я много слышал о нем хорошего, о Боброве, - поспешил я утешить гостя.

Как известно, люди, говорящие о вас много и тепло, редки. Гораздо чаще встречаются такие, что говорят мало, но пакостно, поэтому я сразу взял Боброва на заметку.

- Вы Ленинград знаете? - спросил Суворов.

- Как же!..

- В том месте, где трамваи поворачивают с проспекта 25 Октября, направляясь к Европейской гостинице, и где стоит...

- Громаднейший бюст! - подтвердил я.

- Да. В один прекрасный день мая я сел в трамвай, имея при себе в кармане 1200 рублей казенных денег. Нужно вам заметить, что я влюблен в строительство социализма, и вид новых кубиков, которыми мостили, вызвал у меня взрыв восторга. Мысленно я видел великий город в садах и рабочих домах... Проехав четыре квартала, я вышел из трамвая, взялся за карман, зашатался и едва ли не упал...

Тут ужас выразился в мутных глазах Котомкина-Суворова:

- Денег при мне не было.

- Вырезали?!

- Вырезали. В то время, когда я любовался кубиками. Я лишился службы в театре.

- А в каком вы служили?

Таврический махнул рукой:

- Мне больно говорить об этом. Три месяца я метался по Ленинграду и покрыл растрату. По счастью, друзья мои, Туррок и тот же Бобров, помогли мне, и я получил место.

- В другом театре?

- Нет, это был кооператив. Мне дали место кассира. Коротко скажу: не успел я прослужить и двух недель, как в том же трамвае и в том же месте у меня вырезали шестьсот семьдесят казенных рублей.

- Однако! - воскликнул я нервно.

- Но это не все, - сказал Суворов, - я переехал в Москву. Мне помогли, и вот я снова при должности.

- В кооперативе?

- Нет, вновь в театре. И по моей специальности, администратором. Я вздрагивал от радости, любясь вашим городом, не совру вам: я плакал не раз в своем номере гостиницы, представляя себе столицу через пять лет...

- Позвольте, - перебил я, - почему плакали?

- Счастливыми слезами, - объяснил Суворов, потом вдруг из глаз его буквально хлынули слезы на пиджак. Он взревел и повалился на колени. Все в голове у меня перевернулось кверху ногами.

- Спасите меня! - каким-то паровозным голосом завыл Котомкин, и в соседней комнате залаяла собака. - В трамвае № 34 на третий день вырезали двести казенных рублей!

- Черт знает, что такое... - сказал я тупо.

Произошла пауза, во время которой Котомкин поднялся и заломил руки.

- Ваш изумруд... - начал я.

- Взгляните на него на свет, - пригласил Котомкин.

Я глянул и перестал говорить об изумруде.

- Во всем доме... - начал я, но лицо Котомкина стало так ужасно, что я закончил так: - Во всем доме пятнадцать рублей, и из них десять я вручаю вам.

- Сто девяносто! Еще сто девяносто! - прошептал Суворов. - Вы представляете меня под судом?

Я подумал и ответил:

- Неясно.

В голове моей созрел план.

"Почему негодный Валя никогда не отзывается обо мне так хорошо, как Бобров? Дайкось, я ему сделаю пакость...".

И я сказал:

- У меня есть знакомый...

- О, да! - воскликнул Котомкин страстно. - О, да! Позвоните ему!

Я позвонил Вале и сказал, что к нему хочет приехать администратор по делу.

Котомкин же взял десять рублей и покинул меня.

Через час последовал звонок по телефону.

- Это свинство, - мрачно сказал Валя, кашляя.

- А вы кому-нибудь передали его?

- Юре, - ответил Валя.

И наконец вечером был звонок.

- Я хочу направить к вам... - сказала женщина-писательница Наталья Альбертовна, - администратора...

- А не надо, - ответил я, - он был у меня.

- Что вы говорите?! Гм... Скажите, пожалуйста, кто такой Бобров?

И тут настал час отплатить Боброву за добро.

- Бобров? Сказать о нем, что он порядочный человек, это мало,
- с чувством сказал я в трубку, - наипорядочнейший человек и ве-
ликолепный знаток людей! Вот каков Бобров!

И, повесив трубку, я с тех пор ничего не слышал ни о Боброве,
ни о несчастном, преследуемом судьбою Котомкине-Суворове.

ИЗ НЕСАТИРИЧЕСКИХ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОКТОРА

Доктор N , мой друг, пропал. По одной версии его убили, по другой - он утонул во время посадки в Новороссийске, по третьей - он жив и здоров и находится в Буэнос-Айресе.

Как бы там ни было, чемодан, содержащий в себе три ночных сорочки, бритвенную кисточку, карманную рецептуру доктора Рабова (изд. 1916 г.), две пары носков, фотографию профессора Мечникова, окаменевшую французскую булку, роман "Марья Лусьева за границей", шесть порошков пирамидона по 0,3 и записную книжку доктора, попал в руки его сестры.

Сестра послала записную книжку по почте мне вместе с письмом, начинавшимся словами: "Вы литератор и его друг, напечатайте, т.к. это интересно", (далее женские рассуждения на тему "о пользе чтения", пересыпанные пятнами от слез).

Я не нахожу, чтоб это было особенно интересно - некоторые места совершенно нельзя разобрать (у доктора N отвратительный почерк), тем не менее печатаю бессвязные записки из книжки доктора без всяких изменений, лишь разбив их на главы и переименовав их.

Само собой, что гонорар я отправлю доктору N в Буэнос-Айрес, как только получу точные сведения, что он действительно там.

1. Без заглавия - просто вопль

За что ты гонишь меня, судьба?! Почему я не родился сто лет тому назад? Или еще лучше: через сто лет. А еще лучше, если б я совсем не родился. Сегодня один тип мне сказал: "Зато вам будет что порассказать вашим внукам!" Болван такой! Как будто единственная мечта у меня - это под старость рассказывать внукам всякий вздор о том, как я висел на заборе!..

И притом не только внуков, но даже и детей у меня не будет, потому что, если так будет продолжаться, меня несомненно убьют в самом ближайшем времени...

К черту внуков. Моя специальность - бактериология. Моя любовь - зеленая лампа и книги в моем кабинете. Я с детства ненавидел Фенимора Купера, Шерлока Холмса, тигров и ружейные выстрелы, Наполеона, войны и всякого рода молодецкие подвиги матроса Кошки.

У меня нет к этому склонности. У меня склонность к бактериоло-

гии.

А между тем...

Погасла зеленая лампа. "Химиотерапия спириллезных заболеваний" валяется на полу. Стреляют в переулке. Меня мобилизовала пятая по счету власть.

2. Йод спасает жизнь

Вечер... декабря.

Пятую власть выкинули, а я чуть жизни не лишился... К пяти часам дня все спуталось. Мороз. На восточной окраине пулеметы стреляли. Это - "ихние". На западной пулеметы - "наши". Бегут какие-то с винтовками. Вообще - вздор. Извозчики едут. Слышу, говорят: "новая власть тут...".

"Ваша часть (какая, к черту, она моя!) на Владимирской". Бегу на Владимирскую и ничего не понимаю. Суматоха какая-то. Спрашиваю всех, где "моя" часть... Но все летят, и никто не отвечает. И вдруг вижу - какие-то с красными хвостами на шапках пересекают улицу и кричат:

- Держи его! Держи!

Я оглянулся - кого это?

Оказывается - меня!

Тут только я сообразил, что надо было делать - просто-напросто бежать домой. И я кинулся бежать. Какое счастье, что догадался юркнуть в переулок. А там сад. Забор. Я на забор.

Те кричат:

- Стой!

Но как я ни неопытен во всех этих войнах, а понял инстинктом, что стоять вовсе не следует. И через забор. Вслед: трах! трах! И вот откуда-то злобный, взъерошенный белый пес ко мне. Ухватился за шинель, рвет вдребезги. Я свесился с забора. Одной рукой держусь, в другой банка с йодом (200 гр.). Великолепный германский йод. Размышлять некогда. Сзади топот. Погубит меня пес. Размахнулся и ударил его банкой по голове. Пес моментально окрасился в рыжий цвет, взвыл и исчез. Я через сад. Калитка. Переулок. Тишина. Домой...

... До сих пор не могу отдышаться!

... Ночью стреляли из пушек на юге, но чьи это - уж не знаю.

Безумно йода жаль.

3. Ночь со 2 на 3

Происходит что-то неопишное... Новую власть тоже выгнали. Хуже нее ничего на свете не может быть. Слава Богу. Слава Богу. Слава...

Меня мобилизовали вчера. Нет, позавчера. Я сутки провел на обледеневшем мосту. Ночью 15⁰ ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь. Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы были посредине. Потом все побежали в город. Я никогда не видел такой давки. Конные. Пешие. И пушки ехали, и кухни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию. Только тогда я догадался бежать. Все ставни были закрыты, все подъезды были заколочены. Я бежал у церкви с пухлыми белыми колоннами. Мне стреляли вслед. Но не попали. Я спрятался во дворе под навесом и просидел там два часа. Когда луна скрылась, вышел. По мертвым улицам бежал домой. Ни одного человека не встретил. Когда бежал, размышлял о своей судьбе. Она смеется надо мной. Я - доктор, готовлю диссертацию, ночью сидел, как крыса притаившись, в чужом дворе! Временами я жалею, что я не писатель. Но, впрочем, кот поверит! Я убежден, что, попадись эти мои заметки кому-нибудь в руки, он подумает, что я все это выдумал.

Под утро стреляли из пушек.

4. Итальянская гармоника

15 февраля.

Сегодня пришел конный полк, занял весь квартал. Вечером ко мне на прием явился один из 2-го эскадрона (эмфизема). Играл в приемной, ожидая очереди, на большой итальянской гармонии. Великолепно играет этот эмфизематик ("На сопках Манчжурии"), но пациенты были страшно смущены и выслушивать совершенно невозможно. Я принял его вне очереди. Моя квартира ему очень понравилась. Хочет переселиться ко мне со взводным. Спрашивает, есть ли у меня грамфон...

Эмфизематику лекарство в аптеке сделали в двадцать минут и даром. Это замечательно, честное слово!

17 февраля .

Спал сегодня ночью - граммофон внизу сломался.

Достал бумажки с 18 печатями о том, что меня нельзя уплотнить, и наклеил на парадной двери, на двери кабинета и в столовой.

21 февраля .

Меня уплотнили...

22 февраля .

... И мобилизовали.

...марта .

Конный полк ушел воевать с каким-то атаманом. За полком на подводе ехал граммофон и играл "Вы просите песен". Какое все-таки приятное изобретение!

Из пушек стреляли все утро...

5.

.....

6.

Артиллерийская подготовка и сапоги.

7.

Кончено. Меня увозят.

8. Ханкальское ущелье

Сентябрь .

Временами мне кажется, что все это сон. Бог грозный наворотил горы. В ущельях плывут туманы. В прорезах гор грозовые тучи. И бурно плещет по камням

... мутный вал.

Злой чечен ползет на берег.

Точит свой кинжал.

Узун-хаджи в Чечен-ауле. Аул растянулся на плоскости на фоне синеватой дымки гор. В плоском Ханкальском ущелье пылят по дорогам арбы, двуколки. Кизлярогребенские казаки стали на левом фланге, гусары на правом. На вытопанных кукурузных полях батареи. Бьют шрапнелью по Узуну. Чеченцы как черти дерутся с "белыми чертями". У речонки, на берегу которой валяется разбухший

труп лошади, на двуколке треплется краснокрестный флаг. Сюда волокут ко мне окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках.

Грозовая туча ушла за горы. Льет жгучее солнце, и я жадно глотаю смрадную воду из манерки. Мечутся две сестры, поднимают бессильные свесившиеся головы на соломе двуколок, перевязывают белыми бинтами, поят водой.

Пулеметы гремят дружно целой стайей.

Чеченцы шпарят из аула. Бьются отчаянно. Но ничего не выйдет. Возьмут аул и зажгут. Где ж им с двумя паршивыми трехдюймовками устоять против трех батарей кубанской пехоты...

С гортанными воплями понесся их лихой конный полк вытоптаннами, выжженными кукурузными пространствами. Ударил с фланга в терских казачков.

Те чуть теку не дали. Но подсыпали кубанцы, опять застрочили пулеметы и загнали наездников за кукурузные поля на плато, где видны в бинокль обреченные сакли.

Ночь.

Все тише, тише стрельба. Гуще сумрак, таинственные тени. Потом бархатный полог и бескрайний звездный океан. Ручей сердито плещет. Фыркают лошади, а на правой стороне в кубанских батальонах горят мигая костры. Чем черней, тем страшней и тоскливей на душе. Наш костер трещит. Дымом то на меня потянет, то в сторону отнесет. Лица казаков в трепетном свете изменчивые, странные. Вырываются из тьмы, опять ныряют в темную бездну. А ночь нарастает безграничная, черная, ползучая. Шалит, пугает. Ущелье длинное. В ночных бархатах неизвестность. Тыла нет. И начинает казаться, что оживает за спиной дубовая роща. Может, там уже ползут, припадая к росистой траве, тени в черкесках. Ползут, ползут... И глазом не успеешь моргнуть: вылетят бешеные тени, распаленные ненавистью, с воем, с визгом и ... аминь!

ТЬфу, черт возьми!

- Поручиться нельзя, - философски отвечает на кой-какие дилетантские мои соображения относительно непрочности и каверзости этой ночи сидящий у костра терского 3-го конного казачок, - заскочут с хлангу. Бывало.

Ах, типун на язык! "С хлангу!" Господи, Боже мой! Что же это

такое! Навоз жуют лошади, дула винтовок в огненных отблесках.

"Поручиться нельзя!" Туманы в тьме. Узун-Хаджи в роковом ауле...

Да что я, Лермонтов, что ли! Это, кажется, по его специальности. При чем здесь я?!

Заваливаюсь на брезент, съезживаюсь в шинели и начинаю глядеть в бархатный купол с алмазными брызгами. И тотчас взвивается надо мной мутнобелая птица тоски. Встает зеленая лампа, круг света на глянцеваых листах стены кабинета... Все полетело верхним концом вниз и к чертовой матери! За тысячи верст на брезенте, в страшной ночи. В Ханкальском ущелье...

Но все-таки наступает сон. Но какой? То лампа под абажуром, то гигантский темный абажур ночи и в нем пляшущий огонь костра. То тихий скрип пера, то треск огненных кукурузных стеблей. Вдруг утонешь в мутноватой сонной мгле, но вздрогнешь и вскинешься. Загремели шашки, взвыли гортанные голоса, засверкали кинжалы, газыри с серебряными головками... Ах!.. Напали!

... Да нет! Это чудится... Все тихо. Пофыркивают лошади, ряды лежат черные бурки - спят истомленные казаки. И золой покрываются угли, и холодом тянет сверху. Встает бледный далекий рассвет.

Усталость нечеловеческая. Уж и на чеченцев наплевать. Век не поднимешь - свинец. Пропадает из глаз умирающий костер... Наскочат с "хлангу", как кур зарежут. Ну и зарежут. Какая разница...

Противный этот Лермонтов. Всегда терпеть не мог. Хаджи. Узун. В красном переплете в одном томе. На переплете золотой офицер с незрячими глазами и эполеты крылышками. Тебя я, вольный сын эфира. Склянка-то с эфиром лопнула на солнце... Мягче, мягче, глуше, темней. Сон.

9. Дым и пух

Утро.

Готово дело. С плато поднялись клубы черного дыма. Терцы покакали за кукурузные пространства. Опять взвыл пулемет, но очень скоро перестал.

Взяли Чечен-аул...

И вот мы на плато. Огненные столбы взлетают к небу. Пылают белые домики, заборы, трещат деревья. По кривым улочкам метет пла-

менная вьюга, отдельные дымки свиваются в одну тучу и ее тихо от-
носит на задний план к декорации оперы "Демон".

Пухом полна земля и воздух. Лихие гребенские станичники проно-
сятся вихрем к аулу, потом обратно. За седлами, пачками связан-
ные, в ужасе воют куры и гуси.

У нас на стоянке с утра идет лукулловский пир. Пятнадцать кур
бултыхнули в котел. Золотистый, жирный бульон - объедение. Кур
режет Шугаев, как Ирод младенцев.

А там, в таинственном провале между массивами, по склонам ко-
торых ползет и тает клочковатый туман, пылая мщением, уходит
таинственный Узун со всадниками.

Голову даю на отсечение, что все это кончится скверно. И поде-
лом - не жги аулов.

Для меня тоже кончится скверно. Но с этой мыслью я уже помирил-
ся. Стараюсь внушить себе, что это я вижу сон. Длинный и сквер-
ный.

Я всегда говорил, что фельдшер Голендрок - умный человек. Се-
годня ночью он пропал без вести. Но хотя вести он и не оставил,
я догадываюсь, что он находится на пути к своей заветной цели,
именно на пути к железной дороге, на конце которой стоит городок.
В городке его семейство. Начальство приказало мне "произвести
расследование". С удовольствием. Сажу на ящике с медикаментами и
произвожу. Результат расследования: фельдшер Голендрок пропал без
вести. В ночь с такого-то на такое-то число. Точка.

10. Достукался и до чеченцев

Жаркий сентябрьский день.

... Скандал! Я потерял свой отряд. Как это могло произойти?
Вопрос глупый, здесь все может произойти. Что угодно. Коротко
говоря: нет отряда.

Над головой раскаленное солнце, кругом выжженная травка. Забы-
тая колея. У колеи двуколка, в двуколке я, санитар Шугаев и би-
нокль. Но главное - ни души. Ну ни души на плато. Сколько ни ша-
рили сеткла Цейсса - ни черта. Сквозь землю провалились все. И
десятитысячный отряд с пушками и чеченцы. Если б не дымок от до-
горающего в верстах пяти Чечена, я бы подумал, что здесь и ни-
когда вообще людей не бывало.

Шугаев встал во весь рост в двуколке, посмотрел налево, повернулся на 180^о, посмотрел и направо, и назад, и вперед, и вверх и слез со словами;

- Паршиво.

Лучше ничего сказать нельзя. Что произойдет в случае встречи с чеченцами, у которых спалили пять аулов, предсказать не трудно. Для этого не нужно быть пророком...

Что же, буду записывать в книжечку до последнего. Это интересно.

Поехали наобум.

... Ворон взмыл кверху. Другой вниз. А вон и третий. Чего это они крутятся? Подъезжаем. У края брошенной заросшей дороги лежит чеченец. Руки разбросал крестом. Голова закинута. Лохмотья черной черкески. Ноги голые. Кинжала нет. Патронов в газырях нет. Казачки народ запесливый, вроде гоголевского Осипа.

- И веревочка пригодится.

Под левой скулой черная дыра, от нее на грудь, как орденская лента, тянется выгоревший под солнцем кровавый след. Изумрудные мухи суетятся, облепив дыру. Раздраженные вороны вьются невысоко, покрикивают...

Дальше!

... Цейсс галлюцинирует! Холм, а на холме на самой вершине - венский стул! Кругом пустыня! Кто на гору затащил стул? Зачем?..

... Объехали холм осторожно. Никого. Уехали, а стул все лежит. Жарко. Хорошо, что полную манерку захватил.

11. Под вечер

Готово! Налетели. Вот они, горы, в двух шагах. Вон ущелье. А из ущелья катят. Кони-то, кони! Шашки в серебре. Интересно, кому достанется моя записная книжка? Так никто и не прочтет! У Шугаева лицо цвета зеленоватого. Вероятно, и у меня такое же. Машинально пошевелил браунинг в кармане. Глупости. Что он поможет! Шугаев дернулся. Хотел погнать лошадей и замер.

Глупости. Кони у них - смотреть приятно. Куда ускачешь на двух обозных? Да и шагу не сделаешь. Вскинет любой винтовку, приложится, и кончен бал.

- Э-хе-хе, - только и произнес Шугаев.

Заметили. Подняли пыль. Летят к нам. Доскакали. Зубы белые сверкают, серебро сверкает. Глянул на солнышко. До свиданья, солнышко...

... И чудеса в решетке!.. Наскакали, лошади кругом танцуют. Не хватают.. галдят:

- Та-ла-га-га!

Черт их знает, что они хотят. Впился рукой в кармане в ручку браунинга, предохранитель на огонь перевел. Схватят - суну в рот. Так оно лучше. Так научили.

А те галдят, в грудь себя бьют, зубы скалят, указывают вдаль.

- А-ля-ма-мя... Болгатоз-э!

- Шали-аул! Га-го-гыр-гыр.

Шугаев человек бывалый. Опытный. Вдруг румянцем по зелени окрасился, руками замахал, заговорил на каком-то изумительном языке:

- Шали, говоришь. Так, так. Наша Шали-аул пошла? Так, так. Болгатоз. А наши-то где? Там?

Те расцвели улыбками, зубы изумительные. Руками машут, головами кивают.

Шугаев окончательно приобрел нормальный цвет лица.

- Мирные! Мирные, господин доктор! Замирили их, Говорят, что наши через Болгатоз на Шали-аул пошли. Проводить хотят! Да вот и наши! С места не сойти, наши!

Глянул - внизу у склона пылит. Уходит хвост колонны. Шугаев лучше Цейсса видит.

У чечен лица любопытные. Глаз с Цейсса не сводят.

- Понравился бинок, - хихикнул Шугаев.

- Ох, и сам я вижу, что понравился. Ох, понравился. Догнать бы скорей колонну!

Шугаев трясется на облучке, читает мысли, утешает.

- Не извольте беспокоиться. Тут не тронут. Вон они наши. Вон они! Но ежели бы версты две подальше, - он только рукой махнул.

А кругом.

- Гыр... гыр!

Хоть бы одно слово я понимал! А Шугаев понимает и сам разговаривает. И руками и языком. Скачут рядом, шашками побрякивают. В жизнь не ездил с таким конвоем...

12. У костра

Горит аул. Узуна гонят. Ночь холодная. Жмемся к костру. Пламя играет на рукоятках. Они сидят поджавши ноги и загадочно смотрят на красный крест на моем рукаве. Это замирившие покорившиеся. Наши союзники. Шугаев пальцами и языком рассказывает, что я самый главный и важный доктор. Те кивают головами, на лицах почтение, в глазах блеск. Но ежели бы версты две подальше...

13.

.....

14.

Декабрь.

Эшелон готов. Пьяны все. Командир, казаки, кондукторская бригада и, что хуже всего, машинист. Мороз 18⁰. Теплушки как лед. Печки ни одной. Выехали ночью глубокой. Задвинули двери теплушки. Закутались во что попало. Спиртом я сам поил всех санитаров. Не пропадать же, в самом деле, людям! Колыхнулась теплушка, залязгало, застучало внизу. Покатились.

Не помню, как я заснул и как я выскочил. Но зато ясно помню, как я, скатываясь под откос, запорошенный снегом, видел, что вагоны с треском раздавливали как спичечные коробки. Они лезли друг на друга. В мутном рассвете сыпались из вагонов люди. Стон и вой. Машинист загнал, несмотря на огонь семафора, эшелон на встречный поезд...

Шугаева жалко. Ногу переломил.

До утра в станционной комнате перевязывал раненых и осматривал убитых...

Когда перевязал последнего, вышел на загроможденное обломками полотно. Посмотрел на бледное небо. Посмотрел кругом...

Тень фельдшера Голендрюка всала передо мной... Но куда, к черту! Я интеллигент.

15. Великий провал

Февраль.

Хаос. Станция горела. Потом несся в поезде. Швыряло последнюю теплушку... Безумие какое-то.

И сюда накатилась волна...

Сегодня я сообразил наконец. О, бессмертный Голендрюк! Довольно глупости, безумия. ! один год я перевидал столько, что хватило бы Майн-Риду на десять томов. Но я не Майн-Рид и не Буссенар. Я сыт по горло и совершенно загрызен вшами. Быть интеллигентом вовсе не значит обязательно быть идиотом... Довольно!

Все ближе море! Море Море!

.....

Проклятие войнам отныне и вовеки!

НАЛЕТ

(В волшебном фонаре)

Разорвало черную кашу метели косым бледным огнем, и сразу из тучи вывалились длинные, темные лошадиные морды.

Храп. Потом ударило огнем второй раз, Абрам упал в глубокий снег под натиском бесформенной морды и страшной лошадиной груди, покатился, не выпуская из рук... Стоптаный и смятый, поднялся в жемчужных, рассыпавшихся мухами столбах.

Холода он не почувствовал. Наоборот, по всему телу прошел очень сухой жар, и этот жар уступил место поту до ступней ног. Тогда же Абрам почувствовал, что это обозначает смертельный страх.

Вьюга и он - жаркий страх - залепили ему глаза, так что несколько мгновений он совсем ничего не видал. Черным и холодным косо мело, и проплыли перед глазами огненные кольца.

- Тильки стрельни... стрельни, сучья кровь, - сказал сверху голос, и Абрам понял, что это - голос с лошади.

Тогда он вспомнил почему-то огонь в черной печечке, недописанную акварель на стене - зимний день, дом, чай и тепло. Понял, что случилось именно то нелепое и страшное, что мерещилось, когда Абрам, пугливо и настороженно стоя на посту, представлял себе, глядя в вертящуюся метель. Стрельни? О нет, стрелять он не думал. Абрам уронил винтовку в снег и судорожно вздохнул. Стрелять было бесполезно, морды коней торчали в поредевшем столбе метели, чернела недалеко сторожевая будка, и серой грудой тряпья казались сваленные в ГРУДУЩИТЫ. Совсем близко показался темный бесформенный второй часовой Стрельцов в остром башлыке, а третий, Щукин, пропал.

- Якого полку? - сипло спросил голос.

Абрам вздохнул, взвел глаза кверху, стремясь, вероятно, глянуть на минутку на небо, но сверху сыпало черным и холодным, винт свивался ввысь - неба там не было никакого.

- Ну, ты мне заговоришь! - сказала тоже с высоты, но с другой стороны, и Абрам чутко тотчас услышал сквозь гудение вьюги большую сдержанную злобу. Абрам не успел заслониться. Черное и твердое мелькнуло перед лицом, как птица, затем яростная обжигающая боль раздробила ему челюсти, мозг и зубы, и показалось, что в

огне треснула вся голова.

- А... а-га-а, - судорожно выговорил Абрам, хрустя костяной кашей во рту и давясь соленой кровью.

Тут же мгновенно вспыхнул Стрельцов - бледно-голубым и растерзанным - в конусе электрического фонарика и еще совершенно явственно означился третий - часовой Щукин, лежавший, свернувшись, в сугробе.

- Якого?! - взвизгнула метель.

Абрам зная, что второй удар будет еще страшнее первого, задохнувшись, ответил:

- Караульного полка.

Стрельцов погас, потом вновь вспыхнул.

Мушки метели неслись беззлобным роем, прыгали, кувыркались в ярком конусе света.

- Тю! Жиды взяли! - резнул голос в темноте за фонарем, а фонарь повернулся, потушил Стрельцова и в самые глаза Абраму впился большим выпуклым глазом. Зрачок в нем сверкал. Абрам увидел кровь на своих руках, ногу в стремени и черное острое дуло из деревянной кобуры.

- Жид, жид! - радостно пробурчал ураган за спиной.

- И другой? - жадно откликнулся бас.

Слышало только левое ухо Абрама, правое было мертво, как мертвая щека и мозг. Рукой Абрам вытер липкую густую кровь с губ, причем огненная боль прошла по левой щеке в грудь и сердце. Фонарь погасил половину Абрама, а всего Стрельцова показал в кругу света. Рука с седла сбила папаху с головы Стрельцова, и прядь волос на нем стала дыбом.

Стрельцов качнул головой, открыл рот и неожиданно сказал слабо в порохе метели:

- У-у, бандитье. Язвы вашу душу.

Свет прыгнул вверх, потом в ноги Абраму. Глухо ударили Стрельцова. Затем опять наехала морда.

*

Оба - Абрам и Стрельцов - стояли рядом у высоченной груды щитов все в том же голубоватом сиянии фонарика, а в упор перед ни-

ми метались, спешиваясь, люди в серых шинелях. В конус попадала то винтовка с рукой, то красный хвост с галуном и кистью на папке, то бренчащий, зажеванный, в беловатой пене мундштук.

Светились два огня - белый на станции, холодный и высокий, и низенький, похороненный в снегу на той стороне, за полотном. Мело все реже, все жиже, и не гудело, и не шарахало, высыпая в лицо и за шею сухие, холодные тучи, летела ровно и плавно в конусе слабеющая метель.

Стрельцов стоял с лицом, залепленным красной маской, - его били долго и тяжело за дерзость, размолотив всю голову. От ударов он остервенел, стал совершенно нечувствительным и, глядя одним глазом, зрячим и ненавистным, а другим - зрячим багровым, опираясь вывернутыми руками на штабель, сипя и харкая кровью, говорил:

- Ух... бандитье... У, мать вашу... Всех половят, всех расстреляют, - всех.

Иногда вскакивала в конус фигура с черным костлявым пистолетом в руке и была рукояткою Стрельцова. Он тогда ослабевал, рычал, и ноги его отползали от штабеля, и удерживался он только руками.

- Скорейше!

- Скорей!

Со стороны высокого белого стационарного огня донесся веером залп и пропал.

- Ну, бей, бей же скорей! - сипло вскрикнул Стрельцов, - нечего людей мучить зря.

Стрельцов стоял в одной рубаше и желтых стеганых штанах; шинели и сапог на нем не было, и размотавшиеся пятнистые портянки ползли за ним, когда отползали от щитов. Абрам же был в своей гадкой шинели и в валенках. Никто на них не польстился, и золотистая солома мирно глядела из правого разорванного носа так же, как и всегда.

Лицо у Абрама было никем никогда не виданное.

- Жид смеется! - удивилась тьма за конусом.

- Он мне посмеется, - ответил бас.

У Абрама сами собой не щекотно и не больно вытекали из глаз слезы, а рот был разодран, словно он улыбнулся чему-то, да так и остался. Расстегнутая шинель распахнулась, и руками он почему-то держался за канты своих черных штанов, молчал и смотрел на

выпуклый глаз с ослепляющим зрачком.

"Так вот все и кончилось, - думал он, - как я и полагал. Акварели не увижу ни в коем случае больше, ни огня. И ничего не случится. Нечего ждать - конец.

- А ну, - подстерегала тьма. Сдвинулся конус, глаз перешел влево и прямо в темноте, против часовых в дырочках винтовок притаился этот самый черный конец. Тут Абрам разом ослабел и стал оползать - ноги поехали. Поэтому сверкнувшего конца он совсем не почувствовал.

*

Винтом унесло метель по полотну, и в час все изменилось. Перестало сыпать сверху и с боков. Далеко, над снежными полями разорвало тучи, их сносило, и в прорези временами выглядывал край венца на золотой луне. Тогда на поле ложился жидко-молочный коварный отсвет, и рельсы струились вдаль, а груда щитов становилась черной и уродливой. Высокий огонь на станции ослабел, а желтоватый, низенький, был неизменен. Его первым увидел Абрам, приподняв веки, и очень долго, как прикованный, смотрел на него. Огонь был неизменен, но веки Абрама то открывались, то закрывались, и поэтому чудилось, что тот огонь мигает и щурится.

Мысли у Абрама были странные, тяжелые, необъяснимые и вялые - о том, почему он не сошел с ума, об удивительном чуде и о желтом огне...

Ноги он волочил, как перебитые, работая локтями по снегу, тянул простреленную грудь и полз к Стрельцову очень долго: минут пять - пять шагов. Когда дополз, рукой ощупал его, убедился, что Стрельцов холодный, занесенный снегом, и стал отползать. Стал на колени, потом покачался, напрягся и встал на ноги, зажал грудь обеими руками. Прошел немного, свалился и опять пополз к полотну, никогда не теряя из виду желтый огонь.

*

- Кто же это, Господи? Кто? - женщина спросила в испуге, цепляясь за скобу двери. - Одна я, ей Богу, ребенок больной. Идите се-

бе на станцию, идите.

- Пусти меня, пусти. Я ранен, - настойчиво повторял Абрам, но голос его был сух, тонок и певуч. Руками он хватался за дверь, но рука не слушалась и соскакивала, и Абрам больше всего боялся, что женщина закроет дверь. - Ранен я, слышите, - повторил он.

- Ой, лишенько, - ответила женщина и приоткрыла дверь.

Абрам на коленях вполз в черные сенцы. У женщины провалились в кругах глаза, и она смотрела на ползущего, а Абрам смотрел вперед на желтый огонь и видел его совсем близко. Он шипел в трехлинейной лампочке.

*

Вполне ночь расцвела уже под самое утро. Студеная и вся усеянная звездами. Крестами, кустами, квадратами - звезды сидели над погребенной землей, и в самой высшей точке и далеко за молчащими лесами на горизонте. Холод, мороз и радужный венец на склоне неба, у луны.

В сторожке у полотна был душный жар, и огонек, попрежнему неутомимый и желтый, горел скупно, с шипением.

Сторожиха бессонно сидела на лавке у стола, глядела мимо огня на печь, где под грудой тряпья и бараньим тулупом с шипением жило тело Абрама.

Жар ходил волнами от мозга к ногам, потом возвращался в грудь и стремился задуть ледяную свечку, сидящую в сердце. Она ритмически сжималась и расширялась, отсчитывая секунды, и выбивала их ровно и тихо. Абрам свечки не слышал, он слышал ровное шипение огня в трехлинейном стекле, причем ему казалось, что огонь живет в его голове, и этому огню Абрам рассказывал про винт метели, про дробящую боль в скулах и мозгу, про Стрельцова, занесенного снегом. Абрам хотел Стрельцова вынуть из сугроба и вытащить на печь, но тот был тяжелый и грузный, как вбитый в землю кол. Абрам хотел мучительный желтый огонь в мозгу вынуть и выбросить, но огонь упорно сидел и выжигал все, что было внутри оглохшей головы. Ледяная стрелка в сердце делала перебой, и часы жизни начинали идти странным образом, наоборот, - холод вместо жара шел от головы к ногам, свечка перемещалась в голову, а желтый

огонь в сердце, и сломанное тело Абрама колотило мелкой дрожью в терции, в перебой и нелад со стуком жизни, и уже мало было бараньего меха, и хотелось доверху заложить мехами всю сторожку, съежиться, и лечь на раскаленные кирпичи.

*

Прошли годы. И случилось столь же радостное, сколь и неестественное событие: в клуб привезли дрова.

Конечно, они были сырые, но и сырые дрова загораются - загорелись и эти. Устье печки изрыгало уродливых огненных чертей, жар выплывал и танцевал на зосохшей елочной гирлянде, на лентах портрета, выхватывая край бороды, на полу и на лице Брони. Броня сидела на корточках у самого устья, глядела в пламя, охватив колени руками, и бурочные мохнатые сапоги торчали носами и нагревались от огненного черта. Голова Брони была маково-красной от неизменной повязки, стянутой с лихой узел.

Остальные сидели на дырявых стульях полукругом и слушали, как повествовал Грузный. Як басом рассказал про атаки, про студеные ночи, про жгучую войну. Получилось так, что Як был храбрый и неунывающий человек. И действительно, он был храбрый. Когда он кончил, плюнул в серое, перетянутое в талии ведро и выпустил клуб паршивого дыма от гнилого, дешевого табаку.

- Теперь Абрам, - сказал Броня, - сущий профессор. Он тоже может рассказать что-нибудь интересенькое. Ваша очередь, Абрам, - она говорила с запинкой, потому что Абрам - единственный, недавний, приезжий человек получал от нее в разговоре вы.

Маленький, взъерошенный, как воробей, вылез из заднего ряда и попал в пламя во всей своей красоте. На нем была куртка на вате, как некогда носили лабазники, и замечательные на всем рабфаке и вряд ли в целом мире не единственные штаны: коричневые, со странным зеленоватым отливом, широкие сверху и узкие внизу. Правое ухо башмака они почему-то никогда не закрывали и покоились сверху, позволяя каждому видеть полосу серого абрамова чулка.

Обладатель брюк был глух и поэтому на лице всегда сохранял вежливую конфузливую улыбку, в нужных случаях руку щитком прикладывал к левому уху.

- Ваше очередь, Абрам, - распорядилась Броня громко, как все говорили с ним, - вы, вероятно, не воевали, так вы расскажите что-нибудь вообще.

Взъерошенный воробей поглядел в печь и, сдерживая голос, чтобы не говорить громче, чем надо, стал рассказывать. В конце-концов он увлекся и, обращаясь к пламени и к маковой брониной повязке, рассказывал страстно. Он хотел вложить в рассказ все: и винт метели, и внезапные лошадиные морды, и какой бывает бесформенный страшный страх, когда умираешь, а надежды нет. Говорил в третьем лице про двух часовых караульного полка, говорил, жалостливо поднимая брови, как недострелили одного из них, и он пополз прямо, все время на желтый огонь, про бабу-сторожиху, про госпиталь, в котором врач ручался, что часовой ни за что не выживет, и как этот часовой выжил... Абрам левую руку держал в кармане куртки, а правой указывал в печь на огонь, как будто бы там огонь и рисовал ему эту картину. Когда кончил, то посмотрел в печку с ужасом и сказал:

- Вот так.

Все помолчали.

Як снисходительно посмотрел на коричневые штаны и сказал:

- Бывало... Отчего ж... Это бывало на Украине... А это с кем произошло?

Воробей помолчал и ответил стыдливо:

- Это со мной произошло.

Потом помолчал и добавил:

- Ну, я пойду в библиотеку.

И ушел, по своему обыкновению прихрамывая.

Все головы повернулись ему вслед, и все долго смотрели, не отрываясь, на коричневые штаны, пока ноги Абрама не пересекли весь большой зал и не скрылись в дверях.

М.Б.

ХАНСКИЙ ОГОНЬ

Когда солнце начало садиться за орешневские сосны и бог Аполлон Печальный перед дворцом ушел в тень, из флигеля смотрительницы Татьяны Михайловны прибежала уборщица Дунька и закричала:

- Иона Васильич! А, Иона Васильич! Идите, Татьяна Михайловна вас кличут. Насчет экскурсий. Хвораая она. Во щека!

Розовая Дунька колоколом вздула юбку, показала голые икры и понеслась обратно.

Дряхлый камердинер Иона бросил метлу и поплелся мимо заросших бурьяном пожарищ конюшен к Татьяне Михайловне.

Ставни во флигельке были прикрыты, и уже в сенцах сильно пахло иодом и камфарным маслом. Иона потыкался в полутьме и вошел на тихий стон. На кровати во мгле смутно виднелась кошка Мумка и белое заячье с громадными ушами, а в нем страдальческий глаз.

- Аль зубы? - сострадательно прошамкал Иона.

- Зу-убы... - вздохнуло белое.

- У...у...у... вот она, история, - пособолезновал Иона, - беда! То-то Цезарь воет, воет... Я говорю: чего, дурак, воешь среди бела дня? А? Ведь это к покойнику. Так ли я говорю? Молчи, дурак. На свою голову воешь. Куриный помет нужно прикладывать к щеке - как рукой снимет.

- Иона... Иона Васильич, - слабо сказала Татьяна Михайловна, - день-то показательный - среда. А я выйти не могу. Вот горе-то. Вы уж сами пройдите тогда с экскурсантами. Покажите им все. Я вам Дуньку дам, пусть с вами походит.

- Ну, что ж... Велика мудрость. Пушай. И сами управимся. Присмотрим. Самое главное - чашки. Чашки самое главное. Ходят, ходят разные... Долго ли ее... Возьмет какой-нибудь в карман и поминай как звали. А отвечать - кому? Нам. Картину - ее в карман не спрячешь. Так ли я говорю?

- Дуняша с вами пойдет - сзади присмотрит. А если объяснений будут спрашивать, скажите, смотрительница заболела.

- Ладно, ладно. А вы - пометом. Доктора - у них сейчас рвать, щеку резать. Одному так-то вот вырвали, Федору орешневскому, а он возьми да и умри. Это вас еще когда не было. У него тоже собака выла во дворе.

Татьяна Михайловна коротко простонала и сказала:

- Идите, идите, Иона Васильич, а то, может, кто-нибудь и приехал уже...

Иона отпер чугунную тяжелую калитку с белым плакатом:

УСАДЬБА-МУЗЕЙ

Ханская ставка

Осмотр по средам, пятницам

и воскресеньям

от 6 до 8 час. веч.

И в половине седьмого из Москвы на дачном поезде приехали экскурсанты. Во-первых, целая группа молодых смеющихся людей человек в двадцать. Были среди них подростки в рубашках-хаки, были девушки без шляп, кто в белой матросской блузке, кто в пестрой кофте. Были в сандалиях на босу ногу, в черных стоптанных туфлях; юнши в тупоносых высоких сапогах.

И вот среди молодых оказался немолодой лет сорока, сразу поразивший Иону. Человек был совершенно голый, если не считать коротеньких бледно-кофейных штанишек, не доходивших до колен и перетянутых на животе ремнем с бляхой "1-е реальное училище", да еще пенсне на носу, склеенное фиолетовым сургучом. Коричневая застарелая сыпь покрывала сутуловатую спину голого человека, а ноги у него были разные - правая толще левой, и обе разрисованы на голеньях узловатыми венами.

Молодые люди и девицы держались так, словно ничего изумительного не было в том, что голый человек разъезжает в поезде и осматривает усадьбы, но старого скорбного Иону голый поразил и удивил.

Голый между девушек, задрал голову, шел от ворот ко дворцу, и один ус у него был лихо закручен и бородка подстрижена, как у образованного человека. Молодые, окружив Иону, лопотали, как птицы, и все время смеялись, так что Иона совсем запутался и расстроился, тоскливо думал о чашках и многозначительно подмигивал Дуньке на голого. У той щеки готовы были лопнуть при виде различного. А тут еще Цезарь, как на грех, явился откуда-то и всех пропустил беспрепятственно, а на голого залаял с особенной хриплой, старческой злобой, давясь и кашляя. Потом завыл - истощно, мучительно.

"Тьфу, окаянный, - злобно и растерянно думал Иона, косясь на незваного гостя, - принесла нелегкая. И чего Цезарь воет. Ежели кто помрет, то уж пуцай этот голый".

Пришлось Цезаря съездить по ребрам ключами, потому что вслед за толпой шли отдельно пятеро хороших посетителей. Дама с толстым животом, раздраженная и красная из-за голого. При ней девочка-подросток с заплетенными длинными косами. Бритый высокий господин с дамой красивой и подкрашенной и пожилой богатый господин-иностранец, в золотых очках колесами, широком светлом пальто, с тростью. Цезарь с голого перекинулся на хороших посетителей и с тоской в мутных старческих глазах сперва залаял на зеленый зонтик дамы, а потом взвыл на иностранца так, что тот побледнел, попятился и проворчал что-то на неизвестном никому языке.

Иона не вытерпел и так угостил Цезаря, что тот оборвал вой, заскулил и пропал.

- Ноги о половичок вытирайте, - сказал Иона, и лицо у него стало суровое и торжественное, как всегда, когда он входил во дворец. Дуньке шепнул: "Посматривай, Дунь..!" и отпер тяжелым ключом стеклянную дверь с террасы. Белые боги на балюстраде приветливо посмотрели на гостей.

Те стали подниматься по белой лестнице, устланной малиновым ковром, притянутым золотыми прутьями. Голый оказался впереди всех, рядом с Ионой, и шел, гордо попирая босыми ступнями пушистые ступени.

Вечерний свет, смягченный тонкими белыми шторами, сочился наверху через большие стекла за колоннами. На верхней площадке экскурсанты, повернувшись, увидели пройденный провал лестницы и балюстраду с белыми статуями и белые простенки с черными полотнами портретов и резную люстру, грозящую с тонкой нити сорваться в провал. Высоко, улетая куда-то, вились и розовели амуры.

- Смотри, смотри, Верочка, - зашептала толстая мать, - видишь, как князья жили в нормальное время.

Иона стоял в сторонке, и гордость мерцала у него на бритом сморщенном лице тихо по-вечернему.

Голый поправил пенсне на носу, осмотрелся и сказал:

- Растрелли строил. Это несомненно. Восемнадцатый век.

- Какой Растрелли? - отозвался Иона, тихонько кашлянув.

- Строил князь Антон Иоаннович, царствие ему небесное, полтораста лет назад. Вот как, - он вздохнул. - Пра-пра-прадед нынешнего князя.

Все повернулись к Ионе.

- Вы не понимаете, очевидно, - ответил голый, - при Антоне Иоанновиче, это верно, но ведь архитектор-то Растрелли был? А во-вторых, царствия небесного не существует и князя нынешнего, слава Богу, уже нет. Вообще я не понимаю, где руководительница?

- Руководительша, - начал Иона и засопел от ненависти к голому, - с зубами лежит, помирает, к утру кончится. А насчет царствия - это вы верно. Для кой-кого его и нету. В небесное царствие в срамном виде без штанов не войдешь. Так ли я говорю?

Молодые захохотали все сразу, с треском. Голый заморгал глазами, оттопырил губы.

- Однако, я вам скажу, ваши симпатии к царству небесному и к князьям довольно странны в теперешнее время... И мне кажется...

- Бросьте, товарищ Антонов, - примирительно сказал в толпе девичий голос.

- Семен Иванович, оставь, пускай! - прогудел срывающийся бас.

Пошли дальше. Свет последней зари падал сквозь сетку плюща, затянувшего стеклянную дверь на террасу с белыми вязами. Шесть белых колонн с резными листьями вверху поддерживали хоры, на которых когда-то блестели трубы музыкантов. Колонны возносились радостно и целомудренно, золоченые легонькие стулья чинно стояли под стенами. Темные гроздья кенкетов глядели со стен и точно вчера потушенные были в них обгоревшие белые свечи. Амуры вились и заплетались в гирляндах, танцевала обнаженная женщина в нежных облаках. Под ногами разбегался скользкий шашечный паркет. Странна была новая живая толпа на чернополосных шашках, и тяжел и мрачен показался иностранец в золотых очках, отделившийся от групп. За колонной он стоял и глядел зачарованно вдаль через сетку плюща.

В смутном говоре зазвучал голос голого. Повозив ногой по лоснящемуся паркету, он спросил у Ионы:

- Кто паркет делал?

- Крепостные крестьяне, - ответил неприязненно Иона, - наши

крепостные.

Голый усмехнулся неодобрительно.

- Сработано здорово, что и говорить. Видно, долго народ гнул спину, выпиливая эти штучки, чтоб потом тунеядцы на них ногами шаркали. Онегины... трэнь...брень... Ночи напролет, вероятно, плясали. Делать-то ведь было больше нечего.

Иона про себя подумал: "Вот чума голая навязалась, прости господи", - вздохнул, покрутил головой и повел дальше.

Стены исчезли под темными полотнами в потускневших золотых рамах. Екатерина II в горностае, с диадемой на взбитых белых волосах, с насурьмленными бровями, смотрела во всю стену из-под тяжелой громадной короны. Ее пальцы, остроконечные и тонкие, лежали на ручке кресла. Юный курносый, с четырехугольными звездами на груди, красовался на масляном полотне напротив и с ненавистью глядел на свою мать. А вокруг сына и матери до самого лепного плафона глядели княгини и князя Тугай-Бег-Ордынские со своими родственниками.

Отливая глянец, чернея трещинами, выписанный старательной кистью живописца XVIII века по неверным преданиям и легендам, сидел в тьме гаснущего от времени полотна раскосый, черный и хищный, в мурмолке с цветными камнями, с самоцветной рукоятью сабли родоначальник - повелитель Малой орды хан Тугай.

За полтысячи лет смотрел со стен род князей Тугай-Бегов, род знатный, лихой, полный княжеских, ханских и царских кровей. Тускнея пятнами, с полотен вставала история рода с пятнами то боевой славы, то позора, любви, ненависти, порока, разврата...

На пьедестале бронзовый позеленевший бюст старухи-матери в бронзовом чепце с бронзовыми лентами, завязанными под подбородком, с шифром на груди, похожим на мертвое овальное зеркало. Сухой рот запал, нос заострился. Неистощимая в развратной выдумке, носившая всю жизнь две славы - ослепительной красавицы и жуткой Мессалины. В сыром тумане славного и страшного города на севере была увита легендой потому, что первой любви удостоил ее уже на склоне своих дней тот самый белолосинный генерал, портрет которого висел в кабинете рядом с Александром I. Из рук его перешла в руки Тугай-Бега-отца и родила последнего нынешнего князя. Вдовой оставшись, прославилась тем, что ее нагую на канате купали в пруду четыре

красавца-гайдука...

Голый, раздвинув толпу, постучал ногтем по бронзовому чепцу и сказал:

- Вот, товарищи, замечательная особа. Знаменитая развратница первой половины девятнадцатого века...

Дама с животом побагровела, взяла девочку за руку и быстро отвела ее в сторону.

- Это Бог знает что такое... Верочка, смотри, какие портреты предков...

- Любовница Николая Палкина, - продолжал голый, поправляя пенсне, - о ней даже в романах писали некоторые буржуазные писатели. А тут что она в имении вытворяла - уму непостижимо. Ни одного не было смазливового парня, на которого она не обратила бы благосклонного внимания... Афинские ночи устраивала...

Иона перекошил рот, глаза его налились мутной влагой и руки задрожали. Он что-то хотел молвить, но ничего не молвил, лишь два раза глубоко набрал воздуха. Все с любопытством смотрели то на всезнающего голого, то на бронзовую старуху. Подкрашенная дама обошла бюст кругом, и даже важный иностранец, хоть и не понимавший русских слов, вперил в спину голого тяжелый взгляд и долго его не отрывал.

Шли через кабинет князя, с эспантонами, палашами, кривыми саблями, с броней царских воевод, со шлемами кавалергардов, с портретами последних императоров, с пищалями, мушкетами, шпагами, дагерротипами и пожелтевшими фотографиями - группами кавалергардского, где служили старшие Тугай-беги, и конечно, где служили младшие, со снимками скаковых лошадей тугай-беговских конюшен, со шкафами, полными тяжелых старых книг.

Шли через курительные, затканые сплошь текинскими коврами, с кальянами, тахтами, с коллекциями чубуков на стойках, через малые гостиные с бледно-зелеными гобеленами, с карсельскими старыми лампами. Шли через боскетную, где до сих пор не зачали пальмовые ветви, через игральную зеленую, где в стеклянных шкафах золотился и голубел фаянс и сакс, где Иона тревожно косил глазами Дуньке. Здесь, в игровой, одиноко красовался на полотне блистательный офицер в белом мундире, опершийся на эфес. Дама с животом посмотрела на каску с шестиугольной звездой, на раструбы пер-

чаток, на черные, стрелами вверх подкрученные усы и спросила у Ионы:

- Это кто же такой?

- Последний князь, - вздохнув, ответил Иона, - Антон Иоаннович, в квалергардской форме. Они все в квалегардах служили.

- А где он теперь? Умер? - почтительно спросила дама.

- Зачем умер... Они за границей теперь. За границу отбыли при самом начале, - Иона заикнулся от злобы, что голый опять ввяжется и скажет какую-нибудь штучку.

И голый хмыкнул и рот открыл, но чей-то голос в толпе молодежи опять бросил:

- Да плюнь, Семен... старик он...

И голый заикнулся.

- Как? Жив? - изумилась дама. - Это замечательно!.. А дети у него есть?

- Деток нету, - ответил Иона печально, - не благословил господь... Да. Братец ихний младший, Павел Иоаннович, тот на войне убит. Да. С немцами воевал... Он в этих... в конных гренадерах служил. Он нездешний. У того имение в Самарской губернии было...

- Классный старик... - восхищенно шепнул кто-то.

- Его самого бы в музей, - проворчал голый.

Пришли в шатер. Розовый шелк звездой расходился вверху и плыл со стен волнами, розовый ковер глушил всякий звук. В нише из розового тюля стояла двуспальная резная кровать. Как будто недавно еще в эту ночь спали в ней два тела. Жилым все казалось в шатре: и зеркало в раме серебряных листьев, альбом на столике в костяном переплете и портрет последней княгини на мольберте - княгини юной, княгини в розовом. Лампа, граненые флаконы, карточки в светлых рамках, брошенная подушка казалась живой... Раз триста уже водил Иона экскурсантов в спальню Тугай-Бегов и каждый раз испытывал боль, обиду и стеснение сердца, когда проходила вереница чужих ног по коврам, когда чужие глаза равнодушно шарили по постели. Срам. Но сегодня особенно щемило у Ионы в груди от присутствия голого и еще от чего-то неясного, что и понять было нельзя... Поэтому Иона облегченно вздохнул, когда осмотр кончился. Повел незваных гостей через бильярдную в коридор, а оттуда по второй восточной лестнице на боковую террасу и вон.

Старик сам видел, как гурьбой ушли посетители через тяжелую дверь и Дунька заперла ее на замок.

Вечер настал, и родились вечерние звуки. Где-то под Орешневым засвистали пастухи на дудках, за прудами звякали тонкие колокольцы - гнали коров. Вечером вдали пророкотало несколько раз - на учебной стрельбе в красноармейских лагерях.

Иона брел по гравию ко двору, и ключи брэнчали у него на поясе. Каждый раз, как уезжали посетители, старик аккуратно возвращался во дворец, один обходил его, разговаривая сам с собой и посматривая внимательно на вещи. После этого наступал покой и отдых и до сумерек можно было сидеть на крылечке сторожевого домика, курить и думать о разных старческих разностях.

Вечер был подходящий для этого, светлый и теплый, но вот покоя на душе у Ионы как на зло не было. Вероятно, потому, что расстроил и взбудоражил Иону голый. Иона, ворча что-то, вступил на террасу, хмуро оглянулся, прогремел ключом и вошел. Мягко шаркая по ковру, он поднялся по лестнице.

На площадке у входа в бальный зал он остановился и побледнел.

Во дворце были шаги. Они послышались со стороны бильярдной, прошли боскетную, потом стихли. Сердце у старика остановилось на секунду, ему показалось, что он умрет. Потом сердце забилось часто-часто, в перебой с шагами. Кто-то шел к Ионе, в этом не было сомнения, твердыми шагами, и паркет скрипел уже в кабинете.

"Воры! Беда! - мелькнуло в голове у старика. - Вот оно, вещее, чуяло... беда". Иона судорожно вздохнул, в ужасе оглянулся, не зная, что делать, куда бежать, кричать. Беда...

В дверях бального зала мелькнуло серое пальто и показался иностранец в золотых очках. Увидав Иону, от вздрогнул, испугался, даже попятился, но быстро оправился и лишь тревожно погрозил Ионе пальцем.

- Что вы? Господин? - в ужасе забормотал Иона. Руки и ноги у него задрожали мелкой дрожью. - Тут нельзя. Вы как же это остались? Господи, Боже мой... - Дыхание у Ионы перехватило, и он смолк.

Иностранец внимательно глянул Ионе в глаза и, придвинувшись, негромко сказал по-русски:

- Иона, ты успокойся! Помолчи немного. Ты один?

- Один... - переведа дух, молвил Иона. - Да вы зачем, царица небесная?

Иностранец тревожно оглянулся, потом глянул поверх Ионы в вестибюль, убедился, что за Ионой никого нет, вынул правую руку из заднего кармана и сказал уже громко, картаво:

- Не узнал, Иона? Плохо, плохо... Если уж ты не узнаешь, то это плохо.

Звуки его голоса убили Иону, колена у него разъехались, руки похолодели, и связка ключей брякнулась на пол.

- Господи Иисусе! Ваше сиятельство. Батюшка, Антон Иоаннович. Да что же это? Что же это такое?

Слезы заволокли туманом зал, в тумане запрыгали золотые очки, пломбы, знакомые раскосые блестящие глаза. Иона давился, всхлипывал, заливая перчатки, галстук, тычась трясущейся головой в жесткую бороду князя.

- Успокойся, Иона, успокойся, Бога ради, - бормотал тот, и жалостливо и тревожно у него кривилось лицо, - услышать может кто-нибудь...

- Ба... батюшка, - судорожно прошептал Иона, - да как же... как же вы приехали? Как? Никого нету. Нету никого, один я...

- И прекрасно, бери ключи, Иона, идем туда, в кабинет!

Князь повернулся и твердыми шагами пошел через галерею в кабинет. Иона, ошалевший, трясущийся, поднял ключи и поплелся за ним. Князь оглянулся, снял серую пуховую шляпу, бросил ее на стол и сказал:

- Садись, Иона, в кресло!

Затем, дернув щекой, оборвал со спинки другого, с выдвижным пультом для чтения, табличку с надписью "В кресла не садиться" и сел напротив Ионы. Лампа на круглом столе жалобно звякнула, когда тяжелое тело вдавилось в сафьян.

В голове у Ионы все мутилось и мысли прыгали бестолково, как зайцы из мешка, в разные стороны.

- Ах, как ты подряхлел, Иона, Боже, до чего ты старенький! - заговорил князь волнуясь. - Но я счастлив, что все же застал тебя в живых. Я, признаться, думал, что уж не увижу. Думал, что тебя тут уморили...

От княжеской ласки Иона расстроился и зарыдал тихонько, утирая глаза.

- Ну, полно, полно, перестань...

- Как... как же вы приехали, батюшка? - шмыгая носом, спрашивал Иона. - Как же это я не узнал вас, старый хрен? Глаза у меня слепнут... Как же это вернулись вы, батюшка? Очки-то на вас, очки, вот главное, и борода... И как же вы вошли, что я не заметил?

Тугай-Бег вынул из жилетного кармана ключ и показал его Ионе.

- Через малую веранду из парка, друг мой! Когда вся эта сволочь уехала, я и вернулся. А очки (князь снял их), очки здесь уже, на границе, надел. Они с простыми стеклами.

- Княгинюшка-то, господи, княгинюшка с вами, что ли?

Лицо у князя мгновенно постарело.

- Умерла княгиня, умерла в прошлом году, - ответил он и задергал ртом, - в Париже умерла от воспаления легких. Так и не повидала родного гнезда, но все время его вспоминала. Очень вспоминала. И строго наказывала, чтобы я тебя поцеловал, если увижу. Она твердо верила, что мы увидимся. Все Богу молилась. Видишь, Бог и привел.

Князь приподнялся, обнял Иону и поцеловал его в мокрую щеку. Иона, заливаясь слезами, закрестился на шкафы с книгами, на Александра I., на окно, где на самом доньшке таял закат.

- Царствие небесное, царствие небесное, - дрожащим голосом про- бормотал он, - панихидку, панихидку отслужу в Орешневе.

Князь тревожно оглянулся, ему показалось, что где-то скрипнул паркет.

- Нету?

- Нету, не беспокойтесь, батюшка, одни мы. И быть некому. Кто ж, кроме меня, придет.

- Ну, вот что. Слушай, Иона. Времени у меня мало. Поговорим о деле.

Мысли у Ионы вновь стали на дыбы. Как же, в самом деле? Ведь вот он. Живой! Приехал. А тут... Мужики, мужики-то!.. Поля?

- В сам деле, ваше сиятельство, - он умоляюще поглядел на князя, - как же теперь быть? Дом-то? Аль вернут?..

Князь рассмеялся на эти слова Ионы так, что зубы у него оскалились только с одной стороны - с правой.

- Вернут? Что ты, дорогой!

Князь вынул тяжелый желтый портсигар, закурил и продолжал:

- Нет, голубчик Иона, ничего они мне не вернут... Ты, видно, забыл, что было... Не в этом суть. Ты вообще имей в виду, что приехал-то я только на минуту и тайно. Тебе беспокоиться абсолютно нечего, тут никто и знать ничего не будет. На этот счет ты себя не тревожь. Приехал я (князь поглядел на угасающие рощи), во-первых, поглядеть, что тут творится. Сведения я кой-какие имел; пишут мне из Москвы, что дворец цел, что его берегут как народное достояние... На-ародное... зубы у князя закрылись с правой стороны и оскалились с левой. Народное - так народное, черт их бери. Все равно. Лишь бы было цело. Оно так даже и лучше... Но вот в чем дело: бумаги-то у меня тут остались важные. Нужны они мне до зарезу. Насчет самарских и пензенских имений. И Павла Ивановича тоже. Скажи, кабинет-то мой рабочий растащили или цел? - Князь тревожно тряхнул головой на портьеру.

Колеса в голове Ионы ржаво зашкряпали. Перед глазами вынырнул Александр Эртус, образованный человек в таких же самых очках, как и князь. Человек строгий и важный. Научный Эртус каждое воскресенье наезжал из Москвы, ходил по дворцу в скрипучих рыжих штиблетах, распорядился, наказывал все беречь и просиживал в рабочем кабинете долгие часы, заваленный книгами, рукописями и письмами по самую шею. Иона приносил ему туда мутный чай. Эртус ел бутерброды с ветчиной и скрипел пером. Порой он расспрашивал Иону о старой жизни и записывал, улыбаясь.

- Цел-то цел кабинет, - бормотал Иона, - да вот горе, батюшка ваше сиятельство, запечатан он. Запечатан.

- Кем запечатан?

- Эртус Александр Абрамович из комитета...

- Эртус? - картаво переспросил Тугай-Бег. - Почему же именно Эртус, а не кто-нибудь другой запечатывает мой кабинет?

- Из комитета он, батюшка, - виновато ответил Иона, - из Москвы. Наблюдение ему, вишь, поручено. Тут, ваше сиятельство, внизу-то, библиотека будет и учить будут мужиков. Так вот он библиотеку устраивает.

- Ах, вот как! Библиотеку, - князь ощерился, - что ж, это приятно! Я надеюсь, им хватит моих книг? Жалко, жалко, что я не знал, а то бы я им из Парижа еще прислал. Но ведь хватит?

- Хватит, ваше сиятельство, - растерянно хрипнул Иона, - ведь

видимо-невидимо книг-то у нас, - мороз прошел у Ионы по спине при взгляде на лицо князя.

Тугай-Бег съежился в кресле, поскреб подбородок ногтями, затем зажал бородку в кулак и стал диковинно похож на портрет раскосого в мурмолке. Глаза его подернулись траурным пеплом.

- Хватит? Превосходно. Этот твой Эртус, как я вижу, образованный человек и талантливый. Библиотеки устраивает, в моем кабинете сидит. Да-с. Ну... а знаешь ли ты, Иона, что будет, когда этот Эртус устроит библиотеку?

Иона молчал и глядел во все глаза.

- Этого Эртуса я повешу вон на той липе, - князь белой рукой указал в окно, - что у ворот. (Иона тоскливо и покорно глянул вслед руке). Нет, справа, у решетки. Причем день Эртус будет висеть лицом к дороге, чтобы мужики могли любоваться на этого устроителя библиотек, а день лицом сюда, чтобы он сам любовался на свою библиотеку. Это я сделаю, Иона, клянусь тебе, чего бы это ни стоило. Момент такой настанет, Иона, будь уверен, и, может быть, очень скоро. А связей, чтобы мне заполучить Эртуса, у меня хватит. Будь покоен...

Иона судорожно вздохнул.

- А рядышком, - продолжал Тугай нечистым голосом, - знаешь кого пристроим? Вот этого голого. Антонов Семен. Семен Антонов, - он поднял глаза к небу, запоминая фамилию. - Честное слово, я найду товарища Антонова на дне моря, если только он не подохнет до той поры или если его не повесят в общем порядке на Красной площади. Но если даже повесят, я перевешу его на день-два к себе. Антонов Семен уже раз пользовался гостеприимством в Ханской ставке и голый ходил по дворцу в пенсне, - Тугай проглотил слюну, отчего татарские скулы вылезли желваками, - ну что ж, я приму его еще раз, и тоже голого. Ежели он живым мне попадет в руки, у, Иона!.. не поздравлю я Антонова Семена. Будет он висеть не только без штанов, но и без шкуры! Иона! Ты слышал, что он сказал про княгиню мать? Слышал?

Иона горько вздохнул и отвернулся.

- Ты верный слуга, и, сколько бы я ни прожил, я не забуду, как ты разговаривал с голым. Неужели тебе теперь не приходит в голову, как я в ту же секунду не убил голого? А? Ведь ты же знаешь

меня, Иона, много лет? - Тугай-Бег взялся за карман пальто и выдал из него блестящую рубчатую рукоятку; беловатая пенка явственно показалась в углах рта, и голос стал тонким и сиплым. Но вот не убил! Не убил, Иона, потому что сдержался вовремя. Но чего мне стоило сдержаться, знаю только один я. Нельзя было убить, Иона. Это было бы слабо и неудачно, меня схватили бы, и ничего бы я не выполнил из того, зачем приехал. Мы сделаем, Иона, большее.. .
Получше, - князь пробормотал что-то про себя и стих.

Иона сидел, мутясь, и в нем от слов князя ходил холодок, словно он наглотался мяты, в голове не было уже никаких мыслей, а так, одни обрывки. Сумерки заметно заползали в комнату. Тугай втолкнул ручку в карман, поморщившись, встал и глянул на часы.

- Ну, вот что, Иона, поздно. Надо спешить. Ночью я уеду. Устроим же дела. Во-первых, вот что, - у князя в руках очутился бумажник, - бери, Иона, бери, верный друг! Больше дать не могу, сам стеснен.

- Ни за что не возьму, - прохрипел Иона и замахал руками.

- Бери! - строго сказал Тугай и запихнул сам Ионе в карман бушлата белые бумажки. Иона всхлипнул. - Только смотри тут не меняй, а то пристанут - откуда. Ну-с, а теперь самое главное. Позволь уж, Иона Васильевич, перебыть до поезда во дворце. В два ночи уеду в Москву. Я в кабинете разберу кое-какие бумаги.

- Печать-то, батюшка, - жалобно начал Иона.

Тугай подошел к двери, отодвинул портьеру и сорвал одним взмахом веревочку с сургучом. Иона ахнул.

- Вздор, - сказал Тугай, - ты, главное, не бойся! Не бойся, мой друг! Я тебе ручаюсь, устрою так, что тебе ни за что не придется отвечать. Верись моему слову? Ну, то-то...

Ночь подходила к полночи. Иону сморило сном в караулке. Во флигельке спали истомленная Татьяна Михайловна и Мумка. Дворец был бел от луны, слеп, безмолвен...

В рабочем кабинете с наглухо закрытыми черными шторами горела на открытой конторке керосиновая лампа, мягко и зелено освещая вороха бумаг на полу, на креслах и на красном сукне. Рядом в большом кабинете с задернутыми двойными шторами нагорали стеариновые свечи в канделябрах. Нежными искорками поблескивали переплеты в

шкафах, Александр I ожил и, лысый, мягко улыбался со стены.

За конторкой в рабочем кабинете сидел человек в штатском платье и с кавалергардским шлемом на голове. Орел победно взвивался над потускневшим металлом со звездой. Перед человеком сверх во-роха бумаг лежала толстая клеенчатая тетрадь. На первой странице бисерным почерком было написано вверху:

Алекс. Эртус

История Ханской ставки

ниже:

1922 - 1923

Тугай, упершись в щеки кулаками, мутными глазами глядел не отрываясь на черные строчки. Плыла полная тишина, и сам Тугай слышал, как в жилете его неуклонно шли, откусывая минуты, часы. И двадцать минут, и полчаса сидел князь недвижно.

Сквозь шторы вдруг проник долгий тоскливый звук. Князь очнулся, встал, громыхнув креслами.

- У-у, проклятая собака, - проворчал он и вошел в парадный кабинет. В тусклом стекле шкафа навстречу ему пришел мутный кавалергард с блестящей головой. Приблизившись к стеклу, Тугай всмотрелся в него, побледнел, болезненно усмехнулся.

- Фу, - прошептал он, - с ума сойдешь.

Он снял шлем, потер висок, подумал, глядя в стекло, и вдруг яростно ударил шлем оземь так, что по комнатам пролетел гром и стекла в шкафах звякнули жалобно. Тугай сгорбился после этого, отшвырнул каску в угол ногой и зашагал по ковру к окну и обратно. В одиночестве, полный, по-видимому, важных и тревожных дум, он обмяк, постарел и говорил сам с собой, бормоча и покусывая губы:

- Это не может быть. Не... не... не...

Скрипел паркет, и пламя свечей ложилось и колыхалось. В шкафах зарождались и исчезали седоватые зыбкие люди. Круто повернув на одном из кругов, Тугай подошел к стене и стал всматриваться. На продолговатой фотографии тесным амфитеатром стояли и сидели застывшие и так увековеченные люди с орлами на головах. Белые раструбы перчаток, рукояти палашей. В самом центре громадной группы сидел невзрачный, с бородкой и усами, похожий на полкового врача человек. Но головы сидящих и стоящих кавалергардов были

вполоборота напряженно прикованы к небольшому человеку, погребенному под шлемом:

Подавлял белых напряженных кавалеристов маленький человек, как подавляла на бронзе надпись о нем. Каждое слово в ней с заглавной буквы. Тугай долго смотрел на самого себя, сидящего через двух человек от маленького человека.

- Не может быть, - громко сказал Тугай и оглядел громадную комнату, словно в свидетели приглашал многочисленных собеседников.

- Это сон. - Опять он пробормотал про себя, затем бессвязно продолжал: - Одно, одно из двух: или это мертво... а он... тот... этот... жив... или я... не поймешь...

Тугай провел по волосам, повернулся, увидел идущего к шкафу, подумал невольно: "Я постарел", - опять забормотал: - По живой моей крови, среди всего живого шли и топтали, как по мертвому. Может быть, действительно я мертв? Я - тень? Но ведь я живу, - Тугай вопросительно посмотрел на Александра I, - я все ощущаю, чувствую. Ясно чувствую боль, но больше всего ярость, - Тугаю показалось, что голый мелькнул в темном зале, холод ненависти прошел у Тугая по суставам, - я жалею, что я не застрелил. Жалею. - Ярость начала кипеть в нем, и язык пересох.

Опять он повернулся и молча заходил к окну и обратно, каждый раз сворачивая к простенку и вглядываясь в группу. Так прошло с четверть часа. Тугай вдруг остановился, провел по волосам, взялся за карман и нажал репетир. В кармане нежно и таинственно пробило двенадцать раз, после паузы на другой тон один раз четверть и после паузы три минуты.

- Ах, Боже мой, - шепнул Тугай и заторопился. Он огляделся кругом и прежде всего взял со стола очки и надел их. Но теперь они мало изменили князя. Глаза его косили, как у Хана на полотне, и белел в них лишь легкий огонь отчаянной созревшей мысли. Тугай надел пальто и шляпу, вернулся в рабочий кабинет, взял бережно отложенную на кресле пачку пергаментных и бумажных документов с печатями, согнул ее и с трудом втиснул в карман пальто. Затем сел к конторке и в последний раз осмотрел вороха бумаг, дернул щекой и, решительно кося глазами, приступил к работе. Откатив широкие рукава пальто, прежде всего он взялся за рукопись Эртуса, еще раз перечитал первую страницу, оскалил зубы и рванул ее руками. С

хрустом сломал ноготь.

- А т...чума! - хрипнул князь, потер палец и приступил к работе бережней. Надорвав несколько листов, он постепенно превратил всю тетрадь в клочья. С конторки и кресел сгреб ворох бумаг и натаскал их кипами из шкафов. Со стены сорвал небольшой портрет елизаветинской дамы, раму разбил в щепы одним ударом ноги, щепы на ворох, на конторку и, побагровев, придвинул в угол под портрет. Лампу снял, унес в парадный кабинет, а вернулся с канделябром и аккуратно в трех местах поджег ворох. Дымки забегали, в кипе стало извиваться, кабинет неожиданно весело ожил неровным светом. Через пять минут душило дымом.

Прикрыв дверь и портьеру, Тугай работал в соседнем кабинете. По вспоротому портрету Александра I лезло, трещя, пламя, и лысая голова коварно улыбалась в дыму. Встрепанные томы горели стоймя на столе, и тлело сукно. Поодаль в кресле сидел князь и смотрел. В глазах его теперь были слезы от дыму и веселая бешеная дума. Опять он пробормотал:

- Не вернется ничего. Все кончено. Лгать не к чему. Ну так унесем же с собой все это, мой дорогой Эртус.

... Князь медленно отступал из комнаты в комнату, и сероватые дымы лезли за ним, бальными огнями горел зал. На занавесах изнутри играли и ходуном ходили огненные тени.

В розовом шатре князь развинтил горелку лампы и вылил керосин в постель; пятно разошлось и закапало на ковер. Горелку Тугай швырнул на пятно. Сперва ничего не произошло: огонек сморщился и исчез, но потом он вдруг выскочил и, дыхнув, ударил вверх, так что Тугай еле отскочил. Полог занялся через минуту, и разом, ликующе, до последней пылинки, осветился шатер.

- Теперь надежно, - сказал Тугай и заторопился.

Он прошел боскетную, бильярдную, прошел в черный коридор, гремя, по винтовой лестнице спустился в мрачный нижний этаж, тенью вынырнул из освещенной луной двери на восточную террасу, открыл ее и вышел в парк. Чтобы не слышать первого вопля Ионы из караулки, воя Цезаря, втянул голову в плечи и незабытыми тайными тропами нырнул во тьму...

БОГЕМА

1. Как существовать при помощи литературы Верхом на пьесе в Тифлис

Как перед истинным Богом скажу, если кто меня спросит, чего я заслуживаю: заслуживаю я каторжных работ.

Впрочем, это не за Тифлис, в Тифлисе я ничего плохого не сделал. Это за Владикавказ.

Доживал я во Владикавказе последние дни, и грозный призрак голода (штамп! штамп!.. "грозный призрак"... Впрочем, плевать! Эти записки никогда не увидят света!), так я говорю - грозный призрак голода постучался в мою скромную квартиру, полученную мною по ордеру. А вслед за призраком постучался присяжный поверенный Гензулаев - светлая личность с усами, подстриженными щеточкой, и вдохновенным лицом.

Между нами произошел разговор. Привожу его здесь стенографически:

- Что же это вы так приуныли (это Гензулаев)?

- Придется помирать с голоду в этом вашем паршивом Владикавказе...

- Не спорю. Владикавказ - паршивый город. Вряд ли даже есть город паршивее. Но как же так помирать?

- Больше делать нечего. Я исчерпал все возможности. В подотделе искусств денег нет, и жалования платить не будут. Вступительные слова перед пьесами кончились. Фельетон в местной владикавказской газете я напечатал и получил за него 1.200 рублей и обещание, что меня посадят в особый отдел, если я напечатаю еще что-нибудь похожее на этот первый фельетон.

- За что? (Гензулаев испугался. Оно и понятно. Хотят посадить - значит, я подозрительный).

- За насмешки.

- Ну-у, вздор. Просто они здесь ни черта не понимают в фельетонах. Знаете что...

И вот что сделал Гензулаев. Он меня подстрекнул написать вместе с ним революционную пьесу из туземного быта. Оговариваю здесь Гензулаева. Он меня научил, а я, по молодости и неопытности со-

гласился. Какое отношение имеет Гензулаев к сочинению пьес? Никакого, понятное дело. Сам он мне тут же признался, что искренне ненавидит литературу, вызвав во мне взрыв симпатии к нему. Я тоже ненавижу литературу и уж, поверьте, гораздо сильнее Гензулаева. Но Гензулаев на зубок знает туземный быт, если, конечно, бытом можно назвать шашлычные завтраки на фоне самых постылых гор, какие есть в мире, кинжалы неважной стали, поджарых лошадей, духаны и отвратительную, выворачивающую душу музыку.

Так-так, стало быть, я буду сочинять, а Гензулаев подсыпать этот быт.

- Идиоты будут те, которые эту пьесу купят.

- Идиоты мы будем, если эту пьесу не продадим.

Мы ее написали в 7 1/2 дней, потратив, таким образом, на полтора дня больше, чем на сотворение мира. Несмотря на это, она вышла еще хуже, чем мир.

Одно могу сказать, если когда-нибудь будет конкурс на самую бессмысленную, бездарную и наглуемую пьесу, наша получит первую премию (хотя впрочем... впрочем... вспоминаю сейчас некоторые пьесы 1921-1924 гг. и начинаю сомневаться...), ну, не первую, - вторую или третью.

Словом, после написания этой пьесы на мне несмываемое клеймо, и единственно, на что я надеюсь, - это, что пьеса истлела уже в недрах туземного подотдела искусств. Расписка, черт с ней, пусть останется. Она была на 200.000 рублей. Сто - мне. Сто - Гензулаеву. Пьеса прошла три раза (рекорд), и вызывали авторов. Гензулаев выходил и кланялся, приложив руку к ключице. И я выходил и делал гримасы, чтобы моего лица не узнали на фотографической карточке (сцену снимали при магнии). Благодаря этим гримасам в городе расплылся слух, что я гениальный, но и сумасшедший в то же время человек. Было обидно, в особенности потому, что гримасы были вовсе не нужны: снимал нас реквизированный и прикрепленный к театру фотограф, и поэтому на карточке не вышло ничего, кроме ружья, надписи "Да здравств..." и полос тумана.

Семь тысяч я съел в два дня, а на остальные 93 решил уехать из Владикавказа.

★

жать. Грех выйдет.

- Если бы вы даже упрасивали меня сделать это, я не сделаю, - ответил я совершенно искренно.

И угостил его папиросой.

Дружески покуривая, мы пришли в особый отдел. Я бегло, проходя через двор, припомнил все свои преступления. Оказалось - три.

1. В 1907 году, получив 1 р. 50 коп. на покупку физики Краевича, истратил на кинематограф.

2. В 1913 г. женился, вопреки воле матери.

3. В 1921 г. написал этот знаменитый фельетон.

Пьеса? Но, позвольте, может пьеса вовсе не криминал? А наоборот.

Для сведения лиц, не бывших в особом отделе: большая комната с ковром на полу, огромный, невероятных размеров письменный стол, восемь различных конструкций телефонных аппаратов, к ним шнуры зеленого, оранжевого и серого цвета, и за столом маленький человечек в военной форме, с очень симпатичным лицом.

Густые кроны каштанов в открытых окнах. Сидящий за столом, увидав меня, хотел превратить свое лицо из симпатичного в неприветливое и несимпатичное, причем это удалось ему только наполовину.

Он вынул из ящика стола фотографическую карточку и стал всматриваться по очереди то в меня, то в нее.

- Э, нет. Это не я, - поспешно заявил я.

- Усы сбрить можно, - задумчиво отозвался симпатичный.

- Да, но вы всмотритесь, - заговорил я, - этот черный как вакса и ему лет 45. А я блондин и мне 28.

- Краска? - неуверенно сказал маленький.

- А лысина? И кроме того всмотритесь в нос. Умоляю обратить внимание на нос.

Маленький всмотрелся в мой нос. Отчаяние овладело им.

- Верно. Не похож.

Произошла пауза, и солнечный зайчик родился в чернильнице.

- Вы - бухгалтер?

- Боже меня сохрани.

Пауза. И кроны каштанов. Лепной потолок. Амуры.

- А зачем вы в Тифлис едете? Отвечай быстро, не задерживаясь, - скороговоркой проговорил маленький.

- Для постановки моей революционной пьесы, - скороговоркой ответил я.

Маленький открыл рот и отшатнулся и весь вспыхнул в луче.

- Пьесы сочиняете?

- Да. Приходится.

- Ишь ты. Хорошую пьесу написали?

В тоне его было что-то, что могло тронуть любое сердце, но только не мое. Повторяю, я заслуживаю каторги. Пряча глаза, я сказал:

- Да, хорошую.

Да, да. Да, это четвертое преступление и самое тяжкое из всех. Если б я хотел остаться чистым перед особым отделом, я должен был бы ответить так:

- Нет. Она не хорошая пьеса. Она - дрянь. Просто мне очень хочется в Тифлис.

Я смотрел на носки своих разорванных сапог и молчал. Очнулся, когда маленький вручил мне папиросу и мой ордер на выезд.

Маленький сказал тому с винтовкой:

:- Проводи литератора наружу.

*

Особый отдел! Забудь об этом! Ты видишь, я признался. Я снял бремя трех лет. То, что я учинил в особом отделе, для меня хуже, чем саботаж, контр-революция и преступление по должности.

Но, забудь!!!

2. Вечные странники

В 1924-м году, говорят, из Владикавказа в Тифлис можно было проехать просто: нанять автомобиль во Владикавказе, и по Военно-Грузинской дороге, где необычайно красиво. И всего 210 верст. Но в 1921 году самое слово "нанять" звучало во Владикавказе как слово иностранное.

Нужно было ехать так: идти с одеялом и керосинкой на вокзал и там ходить по путям, всматриваясь в бесконечные составы теплушек. Вытирая пот, на седьмом пути увидел у открытой теплушки человека в ночных туфлях и веером в бороде. Он полоскал чайник и повторял мерзкое слово "Баку".

- Возьмите меня с собой, - попросил я.

- Не возьму, - ответил бородатый.
- Пожалуйста, для постановки революционной пьесы, - сказал я.
- Не возьму.

Бородач по доске с чайником влез в теплушку. Я сел на одеяло у горячей рельсы и закурил. Очень густой зной вливался в просветы между вагонами, и я напился из крана на пути. Потом опять сел и чувствовал, как пышет в лихорадке теплушка. Борода выглянула.

- А какая пьеса? - спросила она.
- Вот.
- Я развязал одеяло и вынул пьесу.
- Сами написали? - недоверчиво спросил владелец теплушки.
- Еще Гензулаев.
- Не знаю такого.
- Мне необходимо уехать.

- Ежели не придут двое, тогда может быть возьму. Только на нары не претендовать. Вы не думайте, что если вы и пьесу написали, то можете выкомаривать. Ехать-то долго, а мы сами из полит-просвета.

- Я не буду выкомаривать, - сказал я, чувствуя дуновение надежды в расплавленном зное, - на полу могу.

*

Бородатый подумал.

- Вот что... Я вас на наш паек зачислю по дороге. Только вы будете участвовать в нашей дорожной газете. Вы что можете в газете писать?

- Все, что угодно, - уверял я, овладевая пайком и жуя верхнюю корку.

- Даже фельетон? - спросил он, и по лицу его было видно, что он считает меня вруном.

- Фельетон моя специальность.

Три лица появилось в тени нары и одни босые ноги. Все смотрели на меня.

- Федор! Здесь на нарах одно место есть. Степанов не придет, сукин сын, - басом сказали ноги, - я пушу товарища фельетониста.

- Ну, пусть, - растерянно сказал Федор с бородой. - А какой

фельетон вы напишете?

- Вечные странники.

- Как будет начинаться? - спросили нары, - да вы полезайте к нам чай пить.

- Очень хорошо - вечные странники, - отозвался Федор, снимая сапоги, - вы бы сразу сказали про фельетон, чем на рельсе сидеть два часа. Поступайте к нам.

*

Огромный чудный вечер сменяет во Владикавказе жгучий день. Края для вечера - сизые горы. На них вечерний дым. Дно чаши - равнина. И по дну, потряхивая, пошли колеса. Вечные странники. На веки прощай, Гензулаев. Прощай, Владикавказ!

ЗВЕЗДНАЯ СЫПЬ

Это он! Чутье мне подсказало. На знание мое рассчитывать не приходилось. Знания у меня, врача, шесть месяцев тому назад окончившего университет, конечно, не было.

Я побоялся тронуть человека за обнаженное и теплое плечо (хотя бояться было нечего) и на словах велел ему:

- Дядя, а ну-ка, подвиньтесь ближе к свету!

Человек повернулся так, как я этого хотел, и свет керосиновой лампы-молнии залил его желтоватую кожу. Сквозь эту желтизну на выпуклой груди и на боках проступала мраморная сыпь. "Как в небе звезды", подумал я и с холодком под сердцем склонился к груди, потом отвел глаза от нее, поднял их на лицо. Передо мной было лицо сорокалетнее, в свалывшейся бородке грязно-пепельного цвета, с бойкими глазками, прикрытыми напухшими веками. В глазках этих я, к великому моему удивлению, прочитал важность и сознание собственного достоинства.

Человек помаргивал и оглядывался равнодушно и скучающе и поправлял пояс на штанах.

"Это он, сифилис", - вторично мысленно и строго сказал я. В первый раз в моей врачебной жизни я натолкнулся на него, я - врач, прямо с университетской скамеечки брошенный в деревенскую даль в начале революции.

На сифилис этот я натолкнулся случайно. Этот человек приехал ко мне и жаловался на то, что ему заложило глотку. Совершенно безотчетно и не думая о сифилисе, я велел ему раздеться, и вот тогда увидел эту звездную сыпь.

Я сопоставил хрипоту, зловещую красноту в глотке, странные, белые пятна в ней, мраморную грудь, и догадался. Прежде всего, я малодушно вытер руки сулемовым шариком, причем беспокойная мысль, - "кажется, он кашлянул мне на руки", - отравила мне минуту. Затем беспомощно и брезгливо повертел в руках стеклянный шпатель, при помощи которого исследовал горло моего пациента. Куда бы его деть?

Решил положить на окно, на комок ваты.

- Вот что, - сказал я, - видите ли... Гм... Повидимому... Впрочем, даже наверно... У вас, видите ли, нехорошая болезнь - сифи-

лис...

Сказал это и смутился. Мне показалось, что человек этот очень сильно испугается, разнервничается...

Он несколько не разнервничался и не испугался. Как-то сбоку он покосился на меня, вроде того, как смотрит круглым глазом курица, услышав призывающий ее голос. В этом круглом глазе я очень изумленно отметил недоверие.

- Сифилис у вас, - повторил я мягко.

- Это что же? - спросил человек с мраморной сыпью.

Тут остро мелькнул у меня перед глазами край снежнобелой палаты, университетской палаты, амфитеатр с громоздящимися студенческими головами и седая борода профессора-венеролога... Но быстро я очнулся и вспомнил, что я в полутора тысячах верст от амфитеатра и в 40 верстах от железной дороги, в свете лампы-молнии... За белой дверью глухо шумели многочисленные пациенты, ожидающие очереди. За окном неуклонно смеркалось и летел первый зимний снег.

Я заставил пациента раздеться еще больше и нашел заживающую уже первичную язву. Последние сомнения оставили меня, и чувство гордости, неизменно являющееся каждый раз, когда я верно ставил диагноз, пришло ко мне.

- Застегивайтесь, - заговорил я, - у вас сифилис! Болезнь весьма серьезная, захватывающая весь организм. Вам долго придется лечиться!...

Тут я запнулся, потому что, - клянульсь!... прочел в этом, похожем на куриний, взоре, удивление, смешанное явно с иронией.

- Глотка вот захрипла, - молвил пациент.

- Ну да, вот от этого и захрипла. От этого и сыпь на груди. Посмотрите на свою грудь...

Человек скосил глаза и глянул. Иронический огонек не погасал в глазах.

- Мне бы вот глотку полечить, - вымолвил он.

"Что это он все свое?" - уже с некоторым нетерпением подумал я, - я про сифилис, а он про глотку!"

- Слушайте, дядя, - продолжал я вслух, - глотка дело второстепенное. Глотке мы тоже поможем, но самое главное, нужно вашу общую болезнь лечить. И долго вам придется лечиться - два года.

Тут пациент вытаращил на меня глаза. И в них я прочел свой при-

говор: "Да ты, доктор, рехнулся!".

- Что ж так долго? - спросил пациент. - Как это так два года?! Мне бы какого-нибудь полоскания для глотки...

Внутри у меня все загорелось. И я стал говорить. Я уже не боялся испугать его. О, нет, напротив, я намекнул, что и нос может провалиться. Я рассказал о том, что ждет моего пациента впреди, в случае, если он не будет лечиться, как следует. Я коснулся вопроса о заразительности сифилиса и долго говорил о тарелках, ложках и чашках, об отдельном полотенце...

- Вы женаты? - спросил я.

- Женат, - изумленно отозвался пациент.

- Жену немедленно пришлите ко мне! - взволнованно и страстно говорил я, - Ведь, она тоже, наверное, больна?

- Жену?! - спросил пациент и с великим удивлением всмотрелся в меня.

Так мы и продолжали разговор. Он, помаргивая, смотрел в мои зрачки, а я в его. Вернее, это был не разговор, а мой монолог. Блестящий монолог, за который любой из профессоров поставил бы пятерку пятикурснику. Я обнаружил у себя громаднейшие познания в области сифилидологии и недюжиную сметку. Она заполнила темные дырки в тех местах, где не хватало строк немецких и русских учебников. Я рассказал о том, что бывает с костями нелеченного сифилитика, а попутно очертил и прогрессивный паралич. Потомство! А как жену спасти?! Или, если она заражена, а заражена она наверное, то как ее лечить?

Наконец, поток мой иссяк и застенчивым движением я вынул из кармана справочник в красном переплете с золотыми буквами. Верный друг мой, с которым я не расставался на первых шагах моего трудного пути. Сколько раз он выручал меня, когда проклятые рецептурные вопросы разверзали черную пасть передо мной! Я украдкой, в то время, как пациент одевался, перелистывал странички и нашел то, что мне было нужно.

Ртутная мазь - великое средство.

- Вы будете делать втирания. Вам дадут шесть пакетиков мази. Будете втирать по одному пакету в день... вот так...

И я наглядно и с жаром показал, как нужно втирать и сам пустую ладонь втирал в халат...

- ... Сегодня - в руку, завтра -- в ногу, потом опять в руку - другую. Когда сделаете шесть втираний, вымоетесь и придете ко мне. Обязательно. Слышите? Обязательно!! Да! Кроме того, нужно внимательно следить за зубами и вообще за рртом, пока будете лечиться. Я вам дам полоскание. После еды обязательно полощите...

- И глотку? - спросил пациент хрипло, и тут я заметил, что при слове "полоскание" он оживился.

- Да, да, и глотку.

Через несколько минут желтая спиина тулупа уходила с моих глаз в двери, а ей навстречу протискивалась бабья голова в платке.

А еще через несколько минут, прообегая по полутемному коридору из амбулаторного своего кабинета в аптеку за папиросами, я услышал бегло хриплый шопот:

- Плохо лечит. Молодой. Понимаешь, глотку заложило, а он смотрит, смотрит... То грудь, то животт. Тут делов полно, а на больницу полдня. Пока выедешь, - вот те и ночь. О, господи! Глотка болит, а он мази на ноги дает.

- Без внимания, без внимания, - подтвердил бабий голос, с некоторым дребезжанием и вдруг осекся. Это я, как приведение, промелькнул в своем белом халате. Не вытерпел, оглянулся и узнал в полутьме бороденку, похожую на борроденку из пакли, и набрякшие веки и куриный глаз. Да и голос с грозной хрипотой узнал. Я втянул голову в плечи, как-то вороватто съезжился, точно был виноват, исчез, ясно чувствуя, какую-то ссадину, нагоравшую в душе. Мне было страшно.

Неужто же все впустую?...

... Не может быть! И месяц я сыщически внимательно проглядывал на каждом приеме по утрам амбулаторную книгу, ожидая встретить фамилию жены внимательного слушателя моего монолога о сифилисе. Месяц я ждал его самого. И не дождался никого. И через месяц он угас в моей памяти, перестал тревожить, забылся...

Потому, что шли новые и новые и каждый день моей работы в забытой глуши нес для меня изумительные случаи, каверзные вещи, заставлявшие меня изнурять мой мозг, сотни раз теряться и вновь обретать присутствие духа и вновь окрыляться на борьбу.

Теперь, когда прошло много лет, вдалеке от забытой облупленной белой больницы, я вспоминаю звездную сыпь на его груди. Где он?

Что делает? Ах, я знаю, знаю. Если он жив, время от времени, он и его жена ездят в местную больницу. Жалуются на язвы на ногах. Я ясно представляю, как он разматывает портянки, ищет сочувствия. И молодой врач, мужчина или женщина, в беленьком штопанном халате, склоняется к ногам, давит пальцем кость выше язвы, ищет причины. Находит и пишет в книге: "Lues 3", потом спрашивает, не давали ли ему для лечения черную мазь.

И вот тогда, как я вспоминаю его, он вспомнит меня, 47-й год, снег за окном и шесть пакетиков в воценой бумаге, шесть неиспользованных липких комков.

- Как же, как же, давал... - скажет он и поглядит, но уже без иронии, а с черноватой тревогой в глазах. И врач выпишет ему иодистый калий, быть может, назначит другое лечение. Так же, быть может, заглянет, как и я, в справочник...

Привет вам, мой товарищ!

"... еще, дражайшая супруга, передайте низкий поклон дяде Сафрону Ивановичу. А, кроме того, дорогая супруга, съездите к нашему доктору, покажь ему себе, как я уже полгода больной дурной болью сифилем. А на побывке у вас не открылся. Примите лечение.

Супруг Ваш. Ан.Буков."

Молодая женщина зажала рот концом байкового платка, села на лавку и затряслась от плача. Завитки ее светлых волос, намокшие от растаявшего снега, выбились на лоб.

- Подлец он? А?! - выкрикнула она.

- Подлец, - твердо ответил я.

Затем настало и самое трудное и мучительное. Нужно было успокоить ее. А как успокоить? Под гул голосов, нетерпеливо ждущих в приемной, мы долго шептались...

Где-то в глубине моей души, еще не притупившейся к человеческому страданию, я разыскал теплые слова. Прежде всего я постарался убить в ней страх. Говорил, что ничего еще ровно не известно и до исследования предаваться отчаянию нельзя. Да и после исследования ему не место: я рассказал о том, с каким успехом мы лечим эту дурную болезнь - сифилис.

- Подлец, подлец, - всхлипнула молодая женщина и давилась слезами.

- Подлец, - вторил я.

Так довольно долго мы называли бранными словами "дражайшего супруга", побывавшего дома и отбившего в город Москву.

Наконец лицо женщины стало высыхать, остались лишь пятна и тяжело набрякли веки над черными отчаянными глазами.

- Что я буду делать? Ведь у меня двое детей, - говорила она сухим измученным голосом.

- Погодите, погодите, - бормотал я, - видно будет, что делать.

Я позвал акушерку Пелагею Ивановну, втроем мы уединились в отдельной палате, где было гинекологическое кресло.

- Ах, прохвост, а, прохвост, - сквозь зубы сипела Пелагея Ивановна. Женщина молчала, глаза ее были, как две черные ямки, она всматривалась в окно - в сумерки.

Это был и один из самых внимательных осмотров в моей жизни. Мы с Пелагеей Ивановной не оставили ни одной пяди тела. И нигде и ничего подозрительного я не нашел.

- Знаете что, - сказал я, и мне страстно захотелось, чтобы надежды меня не обманули и дальше не появилась бы нигде грозная твердая первичная язва, - знаете что?... Перестаньте волноваться! Есть надежда, Надежда. Правда, все еще может случиться, но сейчас у вас ничего нет.

- Нет?! - сипло спросила женщина, - нет? - Искры появились у нее в глазах и розовая краска тронула скулы. - А вдруг сделается? А?...

- Я сам не пойму, - вполголоса сказал я Пелагее Ивановне, - судя по тому, что она рассказывала, должно у нее быть заражение, однако же, ничего нет.

- Ничего нет, - как эхо откликнулась Пелагея Ивановна.

Мы еще несколько минут шептались с женщиной о разных сроках, о разных интимных вещах, и женщина получила от меня наказ ездить в больницу.

Теперь я смотрел на женщину и видел, что это человек, перешибленный пополам. Надежда закралась в нее, потом тотчас умирала. Она еще раз всплакнула и ушла темной тенью. С тех пор меч повис над женщиной. Каждую субботу беззвучно появлялась в амбулатории у меня. Она очень осунулась, резче выступили скулы, глаза запали и окружились тенями. Сосредоточенная дума оттянула углы ее губ книзу. Она привычным жестом разматывала платок, затем мы уходили

втроем в палату. Осматривали ее.

Первые три субботы прошли, и опять ничего не нашли мы на ней. Тогда она стала отходить понемногу. Живой блеск зарождался в глазах, лицо оживало, расправлялась стянутая маска. Наши шансы росли. Таяла опасность. На четвертую субботу я говорил уже уверенно. За моими плечами было около 90% за благополучный исход. Прошел с лихвой первый 21-дневный знаменитый срок. Остались дальние случаи, когда язва развивается с громадным запозданием. Прошли, наконец, и эти сроки, и однажды, отбросив в таз сияющее зеркало, в последний раз ощупав железы, я сказал женщине:

- Вы вне всякой опасности. Больше не приезжайте. Это - счастливый случай.

- Ничего не будет? - спросила она незабываемым голосом.

- Ничего.

Не хватит у меня умения описать ее лицо. Помню только, как она поклонилась низко в пояс и исчезла.

Впрочем, еще раз она появилась. В руках у нее был сверток - два фунта масла и два десятка яиц. И после страшного боя я ни масла, ни яиц не взял. И очень этим гордился, вследствие юности. Но впоследствии, когда мне приходилось голодать в революционные годы, не раз вспоминал лампу-молнию, черные глаза и золотой кусок масла с вдавливами от пальцев, с проступившей на нем росой.

*

К чему же теперь, когда прошло так много лет, я вспомнил ее, обреченную на четырехмесячный страх? Недаром. Женщина эта была второй моей пациенткой в этой области, которой впоследствии я отдал мои лучшие годы. Первым был тот - со звездной сыпью на груди. Итак, она была второй и единственным исключением: она боялась. Единственная в моей памяти, сохранившей освещенную керосиновой лампой работу нас четверых (Пелагеи Ивановны, Анны Николаевны, Демьяна Лукича и меня).

В то время, как текли ее мучительные субботы, как бы в ожидании казни, я стал искать "его". Осенние вечера длинны. В докторской квартире жарки голландки-печи. Тишина, и мне показалось, что я один во всем мире со своей лампой. Где-то очень бурно неслась

жизнь, а у меня за окнами бил, стучался косой дождь, потом незаметно превратился в беззвучный снег. Долгие часы я сидел и читал старые амбулаторные книги за предшествующие 5 лет. Предо мной тысячами и десятками тысяч прошли имена и названия деревень. В этих колоннах людей я искал его и находил часто. Мелькали надписи, шаблонные, скучные: "Bronchitis", "Laryngitis"... еще и еще... Но вот он! "Lues 3". Ага... И сбоку размашистым почерком, привычной рукой выписано:

Rp. Ung. hydrarg. ciner. 3,0 D.t.d.

Вот она - "черная мазь".

Опять. Опять пляшут в глазах бронхиты и катарры и вдруг прерываются... вновь "Lues".....

Больше всего было пометок именно о вторичном люесе. Реже попадался третичный. И тогда иодистый калий размашисто занимал графу "лечение".

Чем дальше я читал старые, пахнувшие плесенью, амбулаторные, забытые на чердаке, фолианты, тем больший свет проливался в мою неопытную голову. Я начал понимать чудовищные вещи.

Позвольте, а где же пометки о первичной язве? Что-то не видно. На тысячи и тысячи имен редко одна, одна. А вторичного сифилиса - бесконечные вереницы. Что же это значит? А вот что это значит...

- Это значит... - говорил я в тени самому себе и мыши, грызущей старые корешки на книжных полках шкафа, - это значит, что здесь не имеют понятия о сифилисе и язва эта никого не пугает. Да-с. А потом она возьмет и заживет. Рубец останется... Так, так, и больше ничего? Нет, не больше ничего! А разовьется вторичный и бурный, при этом - сифилис. Когда глотка болит и на теле появятся мокнущие папулы, то поедет в больницу Семен Хотов, 32 лет, и ему дадут серую мазь... Ага!..

Круг света помещался на столе, и в попельнице лежащая шоколадная женщина исчезла под грудой окурков.

- Я найду этого Семена Хотова. Гм...

Шуршали, чуть тронутые желтым тленом, амбулаторные листы. 17 июня 1916 года Семен Хотов получил шесть пакетиков ртутной целительной мази, изобретенной давно на спасение Семена Хотова. Мне известно, что мой предшественник говорил Семену, вручая ему мазь:

- Семен, когда сделаешь шесть втираний, вымоешься, приедешь

опять. Слышишь, Семен?

Семен, конечно, кланялся и благодарил сиплым голосом. Посмотрим: деньков через 10 - 12 должен Семен неизбежно опять показаться в книге. Посмотрим, посмотрим... Дым, листья шуршат. Ох, нет, нет Семена! Нет через 10 дней, нет через 20... Его вовсе нет. Ах, бедный Семен Хотов. Стало быть, исчезла мраморная сыпь, как потухают звезды на заре, подсохли кондиломы. И погибнет, право, погибнет Семен. Я, вероятно, увижу этого Семена с гуммозными язвами у себя на приеме. Цел ли у него носовой скелет? А зрачки у него одинаковые?... Бедный, Семен!

Но вот не Семен, а Иван Карпов. Мудреного нет. Почему же не заболеть Карпову Ивану? Да, но позвольте, почему же ему выписан каломель с молочным сахаром, в маленькой дозе?! Вот почему: Ивану Карпову 2 года! А у него "Lues 2"! Роковая двойка! В звездах принесли Ивана Карпова, на руках у матери он отбивался от цепких докторских рук. Все понятно.

Я знаю, я догадываюсь, я понял, где была у мальчишки двух лет первичная язва, без которой не бывает ничего вторичного. Она была во рту. Он получил ее с ложечки.

Учи меня, глушь! Учи меня, тишина деревенского дома! Да, много интересного расскажет старая амбулатория юному врачу.

Выше Ивана Карпова стояла:

"Авдотья Карпова, 30 лет".

*

Кто она? Ах, понятно. Это - мать Ивана. На руках-то у нее он плакал.

А ниже Ивана Карпова:

"Авдотья Карпова, 8 лет".

- А это кто? Сестра! Каломель...

Семья налицо. Семья. И не хватает в ней только одного человека - Карпова, лет 35 - 40... И неизвестно, как его зовут - Сидор, Петр. О, это неважно!

"... дражайшая супруга... дурная болезнь сифиль..."

Вот он - документ. Свет в голове. Да, вероятно, приехал с проклятого фронта и не "открылся", а может, и не знал, что нужно

открыться. Уехал. А тут пошло. За Авдотьей - Марья, за Марьей - Иван. Общая чашка со щами, полотенце...

Вот еще семья. И еще. Вон старик, 70 лет. "Lues 2". Старик. В чем ты виноват? Ни в чем. В общей чашке! Внеполовое, внеполовое. Свет ясен. Как ясен и беловат рассвет раннего декабря. Значит, над амбулаторными записями и великолепными немецкими учебниками с яркими картинками я просидел всю мою одинокую ночь.

Уходя в спальню, зевал, бормотал:

- Я буду с "ним" бороться.

*

Чтобы бороться, нужно его видеть. И он не замедлил. Лег санный путь, и бывало, что ко мне приезжало 100 человек в день. День занимался мутно-белым, а заканчивался черной мглой за окнами, в которую загадочно, с тихим шорохом уходили последние сани.

Он пошел передо мной разнообразный и коварный. То являлся в виде язв беловатых в горле у девчонки-подростка. То в виде сабельных искривленных ног. То в виде подрытых вялых язв на желтых ногах старухи. То в виде мокнущих папул на теле цветущей женщины. Иногда он горделиво занимал лоб полулунной короной Венеры. Являлся отраженным наказанием за тьму отцов на ребятах, с носами, похожими на казачьи седла. Но, кроме того, он проскальзывал и незамеченным мною. Ах, - ведь, я был со школьной парты!

И до всего доходил своим умом и в одиночестве. Где-то он таился и в костях и в мозгу.

Я узнал многое.

- Перетирку велели мне тогда делать.

- Черной мазью?

- Черной мазью, батюшка, черной...

- Накрест? Сегодня - руку, завтра - ногу?...

- Как же. И как ты, кормилец, узнал? (льстиво).

"Как же не узнать? Ах, как не узнать. Вот она - гумма!".

- Дурной болью болел?

- Что вы! У нас и в роду этого не слыхивали.

- Угу... Глотка болела?

- Глотка-то. Болела глотка. В прошлом годе.

- Угу... А мазь давал Леонтий Леонтьевич?

- Как же! Черная, как сапог.

- Плохо, дядя, втирал ты мазь. Ах, плохо!...

Я расточал бесчисленные кило серой мази. Я много, много выписывал иодистого калия и много извергал страстных слов. Некоторых мне удавалось вернуть после первых шести втираний. Нескольким удалось, хотя большей частью и неполностью, провести хотя бы первые курсы впрыскиваний. Но большая часть утекала у меня из рук, как песок в песочных часах, и я не мог разыскать их в снежной мгле. Ах, я убедился в том, что здесь сифилис тем и был страшен, что он не был страшен. Вот почему в начале этого моего воспоминания я и привел ту женщину с черными глазами. И вспомнил я ее с каким-то теплым уважением именно за ее боязнь. Но она была одна!

*

Я возмужал, я стал сосредоточен, порой угрюм. Я мечтал о том, когда окончится мой срок и я вернусь в университетский город, и там станет легче в моей борьбе.

В один из таких мрачных дней на прием в амбулаторию вошла женщина молодая и очень хорошая собою. На руках она несла закутанного ребенка, а двое ребят, ковыляя и путаясь в непомерных валенках, держась за синюю юбку, выступавшую из-под полушубка, появились за нею.

- Сыпь кинулась на ребят, - сказала краснощекая бабенка важно.

Я осторожно коснулся лба девочки, держащейся за юбку. И она скрылась в ее складках без следа. Не обыкновенно мордастого Ваньку выудил из юбки с другой стороны. Коснулся и его. И лбы у обоих были не жаркие, обыкновенные.

- Раскрой, миленькая, ребенка.

Она раскрыла девочку. Голенькое тельце было усеяно не хуже, чем небо в застывшую морозную ночь. С ног до головы сидела пятнами розеола и мокнувшие папулы. Ванька вздумал отбиваться и выть. Пришел Демьян Лукич и мне помог...

- Простуда, что-ли? - сказала мать, глядя безмятежными глазами.

- Э-х-эх, - простуда, - ворчал Лукич и жалостливо и брезгливо кривя рот. - Весь Коробовский уезд у них так простужен.

- А с чего ж это? - спрашивала мать, пока я разглядывал ее пяти-
нистые бока и грудь.

- Одевайся, - сказал я.

Затем присел к столу, голову положил на руку и зевнул. (Она
приехала ко мне одной из последних в этот день и номер ее был 98).
Потом заговорил:

- У тебя, тетка, а также у твоих ребят "дурная боль". Опасная,
страшная болезнь. Вам всем сейчас же нужно начинать лечиться и
лечиться долго.

Как жаль, что словами трудно изобразить недоверие в выпуклых
голубых бабьих глазах. Она повернула младенца, как полено на ру-
ках, тупо поглядела на ножки и спросила:

- Скудова же это?

Потом криво усмехнулась.

- Скудова - не интересно, - отозвался я, закуривая пятидесятую
папиросу за этот день, - другое ты лучше спроси, что будет с тво-
ими ребятами, если не станешь лечить.

- А что? Ничаго не будет, - ответила она и стала заворачивать
младенца в пеленки.

У меня перед глазами лежали часы на столике. Как сейчас помню,
что поговорил я не более трех минут и баба зарыдала. И я очень
был рад этим слезам, потому что только благодаря им, вызванным
моими нарочито жесткими и пугающими словами, стала возможна даль-
нейшая часть разговора:

- Итак, они остаются. Демьян Лукич, вы поместите их во флигеле.
С тифозными мы справимся во 2-й палате. Завтра я поеду в город и
добьюсь разрешения открыть стационарное отделение для сифилити-
ков.

Великий интерес вспыхнул в глазах фельдшера.

- Что вы, доктор, - отозвался он (великий скептик был), - да
как же мы управимся одни? А препараты? Лишних сиделок нету... А
готовить?... А посуда? шприцы?!

Но я тупо, упрямо помотал головой и отозвался:

- Добьюсь.

★

Прошел месяц...

В трех комнатах занесенного снегом флигелька горели лампы с жестяными абажурами. На постелях бельишко было рваное. Два шприца всего было. Маленький однограммовый и пятиграммовый - люэр. Словом, это была жалостливая, занесенная снегом бедность. Но... гордо лежал отдельно шприц, при помощи которого я, мысленно замирая от страха, несколько раз уже делал новые для меня еще загадочные и трудные вливания сальварсана.

И еще: на душе у меня было гораздо спокойнее - во флигельке лежали семь мужчин и пять женщин и с каждым днем таяла у меня на глазах звездная сыпь.

Был вечер. Демьян Лукич держал маленькую лампочку и освещал застенчивого Ваньку. Рот у него был вымазан манной кашей. Но звезд на нем уже не было. Итак, все четверо прошли под лампочкой, лаская мою совесть.

- К завтраму, стало быть, выпишусь, - сказала мать, поправляя кофточку.

- Нет, нельзя еще, - ответил я, - еще один курс придется претерпеть.

- Нет моего согласия, - ответила она, - делов дома срезь. За помощь спасибо, а выписывайте завтра. Мы уже здоровы.

Разговор разгорелся, как костер. Кончился он так:

- Ты... ты знаешь, - заговорил я и почувствовал, что багровею, - ты знаешь... ты дура!...

- Ты что же это ругаешься? Это какие же порядки - ругаться?

- Разве тебя "дурой" следует ругать? Не дурой, а...а!.. Ты посмотри на Ваньку! Ты что же хочешь его погубить? Ну, так я тебе не позволю этого!

И она осталась еще на 10 дней.

Десять дней! Больше никто бы ее не удержал. Я вам ручаюсь. Но, поверьте, совесть моя была спокойна и даже... "дура" не потревожила меня. Не раскаиваюсь. Что брань по сравнению с звездной сыпью!

*

Итак, ушли года. Давно судьба и бурные лета разлучили меня с

занесенным снегом флигелем. Что там теперь и кто? Я верю, что лучше. Здание выбелено, быть может, и белье новое. Электричества-то, конечно, нет. Возможно, что сейчас, когда я пишу эти строки, чья-нибудь юная голова склоняется к груди больного. Керосиновая лампа отбрасывает свет желтоватый на желтоватую кожу...

Привет, мой товарищ!

Я УБИЛ

ДОКТОР Яшвин усмехнулся косенькой и странной усмешкой и спросил так:

- Листок с календаря можно сорвать? Сейчас ровно 12, значит, наступило 2-е число.

- Пожалуйста, пожалуйста, - ответил я.

Яшвин тонкими и белыми пальцами взялся за уголок и бережно снял верхний листок. Под ним оказалась дешевенькая страничка с цифрой "2" и словом "вторник". Но что-то чрезвычайно заинтересовало Яшвина на серенькой страничке. Он щурил глаза, вглядывался, потом поднял глаза и глянул куда-то вдаль, так что понятно было, что он видит только ему одному доступную, загадочную картину где-то за стеной моей комнаты, а может быть, и далеко за ночной Москвой в грозной дымке февральского мороза.

"Что он там разыскал?" - подумал я, косясь на доктора. Меня он всегда очень интересовал. Внешность его как-то не соответствовала его профессии. Всегда его незнакомые принимали за актера. Темноволосый, он в то же время обладал очень белой кожей, и это его красило и как-то выделяло из ряда лиц. Выбрит он был очень гладко, одевался очень аккуратно, чрезвычайно любил ходить в театр и о театре если рассказывал, то с большим вкусом и знанием. Отличался он от всех наших ординаторов, и сейчас у меня в гостях, прежде всего обувью. Нас было пять человек в комнате, и четверо из нас в дешевых ботинках из хрома с наивно закругленными носами, а доктор Яшвин был в острых лакированных туфлях и желтых гетрах. Должен, впрочем, сказать, что щегольство Яшвина никогда особенно неприятного впечатления не производило, и врач он был, надо отдать ему справедливость, очень хороший. Смелый, удачливый и, главное, успевающий читать, несмотря на постоянные посещения "Валькирии" и "Севильского цирюльника".

Дело, конечно, не в обуви, а в другом: интересовал он меня одним необычным свойством своим - молчаливый и несомненно скрытый человек, в некоторых случаях он становился замечательным рассказчиком. Говорил очень спокойно, без вычур, без обывательских тягот и бляения "мня-я" и всегда на очень интересную тему. Сдержанный, фатоватый врач как бы загорался, правой белой рукой

он только изредка делал короткие и плавные жесты, точно ставил в воздухе небольшие вехи в рассказе, никогда не улыбался, если рассказывал смешное, а сравнения его порою были так метки и красочны, что, слушая его, я всегда томился одной мыслью: "Врач ты очень неплохой, и все-таки ты пошел не по своей дороге и быть тебе нужно только писателем..."

И сейчас эта мысль мелькнула во мне, хоть Яшвин ничего не говорил, а шурился на цифру "2", на неизвестную даль.

"Что он там разыскал? Картинка, что ли". Я покосился через плечо и увидел, что картинка самая неинтересная. Изображена была несоответственного вида лошадь с атлетической грудью, а рядом мотор и подпись: "Сравнительная величина лошади (1 сила) и мотора (500 лошадиных сил)".

- Все это вздор, товарищи, - заговорил я, продолжая беседу, - обывательская пошлятина. Валят они, черти, на врачей, как на мертвых, а на нас, хирургов, в особенности. Подумайте сами: человек 100 раз делает аппендицит, на сто первый у него больной и помрет на столе. Что же он его зарезал, что ли?

- Обязательно скажут, что зарезал, - отозвался доктор Гинс.

- И если это жена, то муж придет в клинику стулом в вас швырять, - уверенно подтвердил доктор Плонский и даже улыбнулся, и мы улыбнулись, хотя, по сути дела, очень мало смешного в швырянии стульями в клинике.

- Терпеть не могу, - продолжал я, - фальшивых и покаянных слов: "Я убил, ах, я зарезал". Никто никого не режет, а если и убивает, у нас в руках, больного, убивает несчастная случайность. Смешно, в самом деле! Убийство не свойственно нашей профессии. Какой черт!.. Убийством я называю уничтожение человека с заранее обдуманном намерением, ну, на худой конец, с желанием его убить. Хирург с пистолетом в руке - это я понимаю. Но такого хирурга я еще в своей жизни не встречал, да и вряд ли встречу.

Доктор Яшвин вдруг повернул ко мне голову, причем, я заметил, что взгляд его стал тяжелым, и сказал:

- Я к вашим услугам.

При этом он пальцем ткнул себя в галстук и вновь косенько улыбнулся, но не глазами, а углом рта.

Мы посмотрели на него с удивлением.

- То есть как? - спросил я.

- Я убил, - пояснил Яшвин.

- Когда? - нелепо спросил я-

Яшвин указал на цифру "2" и ответил:

- Представьте, какое совпадение. Как только вы заговорили о смерти, я обратил внимание на календарь, и вижу 2-е число. Впрочем, я и так каждый год вспоминаю эту ночь. Видите ли, ровно семь лет, ночь в ночь, да, пожалуй, и... - Яшвин вынул черные часы, поглядел, - ...да...час в час почти, в ночь с 1-го на 2-е февраля я убил его.

- Пациента? - спросил Гинс.

- Пациента, да.

- Но не умышленно? - спросил я.

- Нет, умышленно, - отозвался Яшвин.

- Ну, догадываюсь, - сквозь зубы заметил скептик Плонский, - рак у него, наверное, был, мучительное умирание, а вы ему морфий в десятикратной дозе...

- Нет, морфий тут ровно ни при чем, - ответил Яшвин, - да и рака у него никакого не было. Мороз был, прекрасно помню, градусов на пятнадцать, звезды... Ах, какие звезды на Украине. Вот семь лет почти живу в Москве, а все-таки тянет меня на родину. Сердце щемит, хочется иногда мучительно в поезд... и туда. Опять увидеть обрывы, занесенные снегом. Днепр... Нет красивее города на свете, чем Киев.

Яшвин спрятал календарный листок в бумажник, съежился в кресле и продолжал:

- Грозный город, грозные времена... и видал я страшные вещи, которых вы, москвичи, не видали. Это было в 19-м году, как раз вот 1-го февраля. Сумерки уже наступили, часов шесть было вечера. За странным занятием застали меня эти сумерки. На столе у меня в кабинете лампа горит, в комнате тепло, уютно, а я сижу на полу над маленьким чемоданчиком, запихиваю в него разную ерунду и шепчу одно слово:

- Бежать, бежать...

Рубашку то засуну в чемодан, то выну... Не лезет она, проклятая. Чемоданчик ручной, малюсенький, подштанники заняли массу места, потом сотня папирос, стетоскоп. Выпирает все это из чемоданчика. Брошу рубашку, прислушиваюсь. Зимние рамы замазаны,

слышно глухо, но слышно... Далеко, далеко тяжело так тянет - бу-у.. гу-у... Тяжелые орудия. Пройдет раскат, потом стихнет. Выгляну в окно, я жил на крутизне, наверху Алексеевского спуска, виден мне весь Подол. С Днепра идет ночь, закутывает дома, и огни постепенно зажигаются цепочками, рядами... Потом опять раскат. И каждый раз, как ударит за Днепром, я шепчу:

- Дай, дай, еще дай.

Дело было вот в чем: в этот час весь город знал, что Петлюра его вот-вот покинет. Если не в эту ночь, то в следующую. Из-за Днепра наступали, и, по слухам, громадными массами большевики, и, нужно сознаться, ждал их весь город не только с нетерпением, а я бы даже сказал - с восхищением. Потому что то, что творили петлюровские войска в Киеве в этот последний месяц их пребывания, - уму не постижимо. Погромы закипали поминутно, убивали кого-то ежедневно, отдавая предпочтение евреям, понятное дело. Что-то реквизировали, по городу носились автомобили, и в них люди с красными галунными шляками на папах, пушки вдали не переставали в последние дни ни на час. И днем и ночью. Все в каком-то томлении, глаза у всех острые, тревожные. А у меня под окнами не далее как накануне лежали полдня два трупа на снегу. Один в серой шинели, другой в черной блузе, и оба без сапог. И народ то в сторону шарахался, то кучками сбивался, смотрел, какие-то простоволосые бабы выскакивали из подворотен, грозили кулаками в небо и кричали:

- Ну, погодите. Придут, придут большевики.

Омерзителен и жалок был вид этих двух, убитых неизвестно за что. Так что в конце концов и я стал ждать большевиков. А они все ближе и ближе. Даль гаснет, и пушки вдали ворчат, как будто в утробе земли.

Итак...

Итак: лампа горит уютно и в то же время тревожно, в квартире я один-одинешенек, книги разбросаны (дело в том, что во всей этой кутерьме я лелеял безумную мечту подготовиться на ученую степень), а я над чемоданчиком.

Случилось, надо вам сказать, то, что события залетели ко мне в квартиру и за волосы вытащили меня и поволокли, и полетело все, как чертов скверный сон. Вернулся я как раз в эти самые сумерки с окраины из рабочей больницы, где я был ординатором женского хирур-

гического отделения, и застал в щели двери пакет неприятного казенного вида. Разорвал его тут же на площадке, прочел то, что было на листочке, и сел прямо на лестницу.

На листке было напечатано машинным синеватым шрифтом:

"Содержанием сего..."

Кратко, в переводе на русский язык:

"С получением сего, предлагается вам в двухчасовой срок явиться в санитарное управление для получения назначения..."

Значит, таким образом: вот эта самая блистательная армия, оставляющая трупы на улице, батько Петлюра, погромы и я с красным крестом на рукаве в этой компании... Мечтал я не более минуты, впрочем, на лестнице. Вскочил точно на пружине, вошел в квартиру, и вот появился на сцену чемоданчик. План у меня созрел быстро. Из квартиры вон, немного белья, и на окраину к приятелю фельдшеру, человеку меланхолического вида и явных большевистских наклонностей. Буду сидеть у него, пока не выбьют Петлюру. А как его совсем не выбьют? Может быть, эти долгожданные большевики - миф? Пушки, где вы? Стихло. Нет, опять ворчит...

Я злобно выбросил рубашку, щелкнул замочком чемоданчика, браунинг и запасную обойму положил в карман, надел шинель с повязкой красного креста, тоскливо огляделся, лампу погасил и ощупью, среди сумеречных теней, вышел в переднюю, осветил ее, взял башлык и открыл дверь на площадку.

И тотчас, кашляя, шагнули в переднюю две фигуры с коротенькими кавалерийскими карабинами за плечами.

Один был в шпорах, другой без шпор, оба в папахах с синими шлыками, лихо свешивающимися на щеки.

У меня сердце стукнуло.

- Вы ликарь Яшвин? - спросил первый кавалерист.

- Да, я, - ответил я глухо.

- С нами поедете, - сказал первый.

- Что это значит? - спросил я, несколько оправившись.

- Саботаж, вот що, - ответил громыхающий шпорами и поглядел на меня весело и лукаво, - ликаря не хотят мобилизоваться, за що и будут отвечать по закону.

Угасла передняя, щелкнула дверь, лестница... улица...

- Куда же вы меня ведете? - спросил я и в кармане брюк тронул

нежно прохладную рубчатую ручку.

- В первый конный полк, - ответил тот, со шпорами.

- Зачем?

- Як зачем? - удивился второй. - Назначаетесь к нам ликарем.

- Кто командует полком?

- Полковник Лещенко, - с некоторой гордостью ответил первый, и шпоры его ритмически звякали с левой стороны у меня.

"Сукин я сын, - подумал я, - мечтал над чемоданчиком. Из-за каких-то подштанников... Ну что мне стоило выйти на 5 минут раньше..."

Над городом висело уже черное морозное небо, и звезды выступали на нем, когда мы пришли в особняк. В морозных его узористых стеклах полыхало электричество.

Гремя шпорами, меня ввели в пыльную пустую комнату, ослепительно освещенную сильным электрическим шаром под разбитым опаловым тюльпаном. В углу торчал нос пулемета, и внимание мое приковали рыжие и красные потеки в углу рядом с пулеметом, там, где дорогой гобелен висел клочьями.

"А ведь это кровь", - подумал я, и сердце мне неприятно сжало.

- Пан полковник, - негромко сказал тот, со шпорами, - ликаря доставили.

- Жид? - вдруг выкрикнул голос, сухой и хриплый, где-то.

Дверь, обитая гобеленом с пастушками, неслышно распахнулась, и вбежал человек.

Он был в великолепной шинели и сапогах со шпорами. Был туго перетянут кавказским пояском с серебряными бляшками, и кавказская же шашка горела огоньками в блеске электричества на его бедре. Он был в барашковой шапочке с малиновым верхом, перекрещенным золотистым галуном. Раскосые глаза смотрели с лица недобро, болезненно, странно, словно прыгали в них черные мячики. Лицо его было усеяно рябинами, а черные подстриженные усы дергались нервно.

- Нет, не жид, - ответил кавалерист.

Тогда человек подскочил ко мне и заглянул в глаза.

- Вы не жид, - заговорил он с сильным украинским акцентом на неправильном языке - смеси русских и украинских слов, - но вы не лучше жид. И як бой кончится, я отдам вас под военный суд. Будете вы расстреляны за саботаж. От него не отходить! - приказал он

кавалеристу. - И дать ликарю коня.

Я стоял, молчал и был, надо полагать, бледен.

Затем опять все потекло, как туманный сон. Кто-то в углу жалобно сказал:

- Змилуйтесь, пан полковник...

Я мутно увидел трясущуюся бороденку, солдатскую рваную шинель. Вокруг нее замелькали кавалерийские лица.

- Дезертир? - пропел знакомый мне уже голос с хрипотцой. - Их ты, зараза, зараза.

Я видел, как полковник, дергая ртом, вынул из кобуры изящный и мрачный пистолет и рукоятку ударил в лицо этого рваного человека. Тот метнулся в сторону, стал давиться своею кровью, упал на колени. Из глаз его потоками побежали слезы...

А потом сгинул белый заиндевовший город, потянулась по берегу окаменевшего черного и таинственного Днепра дорога, окаймленная деревьями, и по дороге шел, растянувшись змеей, первый конный полк.

В конце его изредка погромыхивали обозные двуколки. Черные пики качались, торчали острые заиндевелые башлыки. Я ехал в холодном седле, шевелил изредка мучительно ноющими пальцами в сапогах, дышал в отверстие башлыка, окаймленное наросшим мохнатым инеем, чувствовал, как мой чемоданчик, привязанный к луке седла, давит мне левое бедро. Мой неотступный конвоир молча ехал рядом со мной. Внутри у меня все как-то стыло, так же как стыли ноги. По временам я поднимал голову к небу, смотрел на крупные звезды, и в ушах у меня, словно присохший, звучал, лишь по временам пропадая, визг того дезертира. Полковник Лещенко велел его бить шомполами, и его били в особняке.

Черная даль теперь молчала, и я с суровой горестью думал о том, что большевиков отбили, вероятно. Моя судьба была безнадежна. Мы шли вперед в Слободку, там должны были стоять и охранять мост, ведущий через Днепр. Если бой утихнет и я не понадобится непосредственно, полковник Лещенко будет меня судить. При этой мысли я как-то окаменевал и нежно и печально всматривался в звезды. Нетрудно было угадать исход суда за нежелание явиться в двухчасовой срок в столь грозное время. Дикая судьба дипломированного человека...

Через часа два опять все изменилось, как в калейдоскопе. Теперь сгнула черная дорога. Я оказался в белой оштукатуренной комнате. На деревянном столе стоял фонарь, лежала краюха хлеба и развороченная медицинская сумка. Ноги мои отошли, я согрелся, потому что в черной железной печушке плясал багровый огонь. Время от времени ко мне входили кавалеристы, и я лечил их. Большею частью это были обмороженные. Они снимали сапоги, разматывали портянки, корчились у огня. В комнате стоял кислый запах пота, махорки, йода. Временами я был один. Мой конвоир оставил меня. "Бежать", - я изредка приоткрывал дверь, выглядывал и видел лестницу, освещенную оплывшей стеариновой свечой, лица, винтовки. Весь дом был набит людьми, бежать было трудно. Я был в центре штаба. От двери я возвращался к столу, садился в изнеможении, клал голову на руки и внимательно слушал. По часам я заметил, что каждые пять минут под полом внизу вспыхивал визг. Я уже точно знал, в чем дело. Там кого-нибудь избивали шомполами. Визг иногда превращался во что-то похожее на львиное гулкое рычание, иногда в нежные, как казалось сквозь пол, мольбы и жалобы, словно кто-то интимно беседовал в другом, иногда резко обрывался, точно ножом срезанный.

- За что вы их? - спросил я одного из петлюровцев, который, дрожа, протягивал руки к огню. Его босая нога стояла на табурете, и я белой мазью покрывал изъеденную язву у посиневшего большого пальца. Он ответил:

- Организация попалась в Слободке. Коммунисты и жида. Полковник допрашивает.

Я промолчал. Когда он ушел, я голову обмотал башлыком, и стало глуше слышно. С четверть часа я так провел, и вывел меня из забытья, в котором неотступно всплывало перед закрытыми глазами рябое лицо под золотыми галунами, голос моего конвоира:

- Пан полковник вас требует.

Я поднялся, под изумленным взглядом конвоира размотал башлык и пошел вслед за кавалеристом. Мы спустились по лестнице в нижний этаж, и я вошел в белую комнату. Тут я увидел полковника Лещенко в свете фонаря.

Он был обнажен до пояса и ежился на табурете, прижимая к груди окровавленную марлю. Возле него стоял растерянный хлопец и топ-

тался, похлопывая шпорами.

- Сволочь, - процедил полковник, потом обратился ко мне:

- Ну, пан ликарь, перевязывайте меня. Хлопец, выйди, - приказал он хлопцу, и тот, громыхая, протискался в дверь. В доме было тихо. И в этот момент рама в окне дрогнула. Полковник покосился на черное окно, я тоже. "Орудия", - подумал я, вздохнул судорожно, спросил:

- От чего это?

- Перочинным ножом, - ответил полковник хмуро.

- Кто?

- Не ваше дело, - отозвался он с холодным злобным презрением и добавил: - Ой, пан ликарь, не хорошо вам будет.

Меня вдруг осенило: "Это кто-то не выдержал его истязаний, бросился на него и ранил. Только так и может быть..."

- Снимите марлю, - сказал я, наклоняясь к его груди, поросшей черным волосом. Но он не успел отнять кровавый комочек, как за дверь послышался топот, возня, грубый голос закричал:

- Стой, стой, черт, куда...

Дверь распахнулась, и ворвалась растрепанная женщина. Лицо ее было сухо и, как мне показалось, даже весело. Лишь после, много времени спустя, я сообразил, что крайнее исступление может выражаться в очень странных формах. Серая рука хотела поймать женщину за платок, но сорвалась.

- Уйди, хлопец, уйди, - приказал полковник, и рука исчезла.

Женщина остановила взор на обнаженном полковнике и сказала сухим бесслезным голосом:

- За что мужа расстреляли?

- За що треба, за то и расстреляли, - отозвался полковник и страдальчески сморщился. Комочек все больше алел под его пальцами.

Она усмехнулась так, что я стал не отрываясь глядеть ей в глаза. Не видал таких глаз. И вот она повернулась ко мне и сказала:

- А вы доктор!..

Ткнула пальцем в рукав, в красный крест и покачала головой.

- Ай, ай, - продолжала она, и глаза ее пылали, - ай, ай. Какой вы подлец... вы в университете обучались и с этой рванью... На их стороне и перевязочки делаете?! Он человека по лицу лупит и

лупит. Пока с ума не свел... А вы ему перевязочку делаете?..

Все у меня помутилось перед глазами, даже до тошноты, и я почувствовал, что сейчас вот и начались самые страшные и удивительные события в моей злосчастной докторской жизни.

- Вы мне говорите? - спросил я и почувствовал, что дрожу. - Мне?.. Да вы знаете...

Но она не пожелала слушать, повернулась к полковнику и плюнула ему в лицо. Тот вскочил, крикнул:

- Хлопцы!

Когда ворвались, он сказал гневно:

- Дайте ей 25 шомполов.

Она ничего не сказала, и ее выволокли пол руки, а полковник закрыл дверь и забросил крючок, потом опустился на табурет и отбросил ком марли. Из небольшого пореза сочилась кровь. Полковник вытер плевок, повисший на правом усе.

- Женщину? - спросил я совершенно чужим голосом.

- Гнев загорелся в его глазах.

- Эге-ге... - сказал он и глянул зловеще на меня. Теперь я вижу, якую птицу мне дали вместо ликаря...

*

Одну из пуль, я, по-видимому, вогнал ему в рот, потому что помню, что он качался на табурете и кровь у него бежала изо рта, потом сразу выросли потеки на груди и животе, потом его глаза угасли и стали молочными из черных, затем он рухнул на пол. Стреляя, я, помнится, боялся ошибиться в счете и выпустил седьмую, последнюю. "Вот и моя смерть..." - думал я, и очень приятно пахло дымным газом от браунинга. Дверь лишь только затрещала, я выбросился в окно, выбив стекла ногами. И выскочил, судьба меня побаловала, в глухой двор, пробежал мимо штабелей дров в черную улицу. Меня бы обязательно схватили, но я случайно налетел на провал между двумя вплотную подходившими друг к другу стенами и там, в выбоине, как в пещере, на битом кирпиче просидел несколько часов. Конные проскакали мимо меня, я это слышал. Улочка вела к Днепру, и они долго рыскали по реке, искали меня. В трещину я видел одну звезду, почему-то думаю, что это был Марс. Мне показалось, что ее разор-

вало. Это первый снаряд лопнул, закрыл звезду. И потом всю ночь грохотало по Слободке и било, а я сидел в кирпичной норе и молчал и думал об ученой степени и о том, умерла ли эта женщина под шомполами. А когда стихло, чуть-чуть светало и я вышел из выщипы, не вытерпев пытки, - я отморозил ноги. Слободка умерла, все молчало, звезды побледнели. И когда я пришел к мосту, не было как будто никогда ни полковника Лещенко, ни конного полка... Только навоз на истоптанной дороге...

И я один прошел весь путь к Киеву и вошел в него, когда совсем рассвело. Меня встретил странный патруль, в каких-то шапках с наушниками.

Меня остановили, спросили документы.

Я сказал:

- Я лекарь Яшвин. Бегу от петлюровцев. Где они?

Мне сказали:

- Ночью ушли. В Киеве ревом.

И вижу, один из патрульных всматривается мне в глаза, потом как-то жалостливо махнул рукой и говорит:

- Идите, доктор, домой.

И я пошел.

*

После молчания я спросил у Яшвина:

- Он умер? Убили вы его или только ранили?

Яшвин ответил, улыбаясь своей странненькой улыбкой:

- О, будьте покойны. Я убил. Поверьте моему хирургическому опыту.

МНЕ ПРИСНИЛСЯ СОН...

Мне приснился страшный сон. Будто бы был лютый мороз и крест на чугунном Владимире в неизмеримой высоте горел над замерзшим Днепром.

И видел еще человека, еврея, он стоял на коленях, а изрытый оспой командир петлюровского полка бил его шомполом по голове, и черная кровь текла по лицу еврея. Он погибал под стальной тросью, и во сне я ясно понял, что его зовут Фурман, что он портной, что он ничего не сделал, и я во сне крикнул, заплакав:

- Не смей, каналья!

И тут же на меня бросились петлюровцы, и изрытый оспой крикнул:

- Тримай його!

Я погиб во сне. В мгновение решил, что лучше самому застрелиться, чем погибнуть в пытке, и кинулся к штабелю дров. Но браунинг, как всегда во сне, не захотел стрелять, и я, задыхаясь, закричал.

Проснулся, всхлипывая, и долго дрожал в темноте, пока не понял, что я безумно далеко от Владимира, что я в Москве, в моей постылой комнате, что это ночь бормочет кругом, что это 23-й год и что уж нет давным-давно изрытого оспой человека.

Хромая, еле ступая на больную ногу, я дотащился к лампе и зажег ее. Она осветила скудость и бедность моей жизни. Я увидел желтые встревоженные зрачки моей кошки. Я подобрал ее год назад у ворот. Она была беременна, а какой-то человек, проходя, совершенно трезвый, в черном пальто, ударил ее ногой в живот, и женщина у ворот видела это. Бессловесный зверь, истекая кровью, родил мертвых двух котят и долго болел у меня в комнате, но не зачах, я выходил его. Кошка поселилась у меня, но меня тоже боялась и привыкала необыкновенно трудно. Моя комната находилась под крышей и была расположена так, что я мог выпускать ее гулять на крышу и зимой и летом...

Она затосковала, увидя, что я поднялся, открыла глаза и стала следить за мною хмуро и подозрительно. Я глядел на потертую клеенку и растревлял свои раны. Я вспомнил, как двенадцать лет тому назад, когда я был юношей, меня обидел один человек и обида осталась неотомщенной. И мне захотелось уехать в тот город, где он жил, и вызвать его на дуэль. Тут же вспомнил, что он уже много

лет гниет в земле и праха даже его не найдешь. Тогда, как злые боли, вышли в памяти воспоминания еще о двух обидах. Они повлекли за собой те обиды, которые я нанес сам слабым существам, и тогда все ссадины на душе моей загорелись. Я, тоскуя, посмотрел на провод. Он свешивался и притягивал меня. Я думал о безнадежности моего положения, положив голову на клеенку. Была жизнь, и вдруг разлетелась, как дым, и я почему-то оказался в Москве, совершенно один в комнате, и еще на голову мою навязалась эта обиженная дымчатая кошка. Каждый день я должен был покупать ей на гривенник мяса и выпускать ее гулять, и кроме того она рожала три раза в год и всякий раз мучительно, невыносимо, и приходилось ей помогать, а потом лпатить за то, чтобы одного котенка утопили, а другого растить и затем умильно предлагать кому-нибудь в доме, чтобы взяли и не обижали.

Обуза, обуза.

Из-за чего же это все?

Из-за дикой фантазии бросить все и заняться писательством.

Я простонал и пошел к дивану. Свет исчез. Во тьме некоторое время пели пружины простуженными голосами. Обиды и несчастья мало-помалу начали расплываться.

Опять был сон. Но мороз утих, и снег шел крупный и мягкий. Все было бело. И я понял, что это рождество. Из-за угла выскочил гнедой рысак, крытый фиолетовой сеткой.

- Гись! - крикнул во сне кучер. Я откинул полость, дал кучеру деньги, открыл тихую и важную дверь подъезда и стал подниматься по лестнице.

В громадной квартире было тепло. Боже мой, сколько комнат! Их не перечесть, и в каждой из них важные, обольстительные вещи. От пианино отделился мой младший брат. Смеялся, поманил меня пальцем. Несмотря на то, что грудь его была прострелена и залеплена черным пластырем, я от счастья стал бормотать и захлебываться.

- Значит, рана твоя зажила? - спросил я.

- О, совершенно.

На пианино над раскрытыми клавишами стоял клавир "Фауста", он был раскрыт на той странице, где Валентин поет.

- И легкое не затронуто?

- О, какое легкое?

- Ну, спой каватину.

Он запел.

От парового отопления волнами ходило тепло, сверкали электрические лампы в люстре, и вышла Софочка в лакированных туфлях. Я обнял ее. Потом сидел на своем диване и вытирал заплаканное лицо. Мне захотелось увидеть какого-нибудь колдуна, умеющего толковать сны. Но и без колдуна я понял этот сон.

Фиолетовая сеть на рысаке - это был год 1913. Блестящий, пышный год. А простреленная грудь, это неверно - это было гораздо позже - 1919. И в квартире этой брат быть не мог, это я когда-то жил в квартире. На рождестве я вел под руку Софочку в кинематограф, снег хрустел у нее под ботинками и Софочку хохотала.

Во всяком случае черный пластырь, смех во сне, Валентин означать могли только одно - мой брат, которого в последний раз я видел в первых числах 1919 года, убит. Где и когда, я не знаю, а может быть, не узнаю никогда. Он убит, и, значит, от всего, что сверкало, от Софочки, ламп, Жени, фиолетовых помпонов, остался только я один на продранном диване в Москве ночью 1923 года. Все остальное погибло.

Ночь беззвучна. Пахнет плесенью. Не понимаю только одного, как могло мне присниться тепло? В комнате у меня холодно...

*

... Хорошо умирать в квартире на чистом душистом белье или в поле. Уткнешься головой в землю, подползут к тебе, поднимут, повернут лицом к солнцу, а у тебя уж глаза стеклянные.

Но смерть что-то не шла.

"Бром? К чему бром? Разве бром помогает от разрыва сердца?"

Все же руку я опустил к нижнему ящику, открыл его, стал шарить в нем, левой рукой держась за сердце. Бром не нашлось, обнаружил два порошка фенаcetина и несколько стареньких фотографий. Вместо брома я выпил воды из холодного чайника, после чего мне показалось, что смерть отсрочена.

Прошел час. Весь дом по-прежнему молчал, и мне казалось, что во всей Москве я один в каменном мешке. Сердце давно успокоилось, и ожидание смерти уже представлялось постыдным. Я притянул насколько

ко возможно мою казарменную лампу к столу и поверх ее зеленого колпака надел колпак из розовой бумаги, отчего бумага ожила. На ней я выписал слова: "И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими". Затем стал писать, не зная еще хорошо, что из этого выйдет. Помнится, мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную дрему в постели, книги и мороз. И страшного человека в оспе, мои сны. Писать вообще очень трудно, но это почему-то выходило легко. Печатать этого я вообще не собирался.

Встал я из-за стола, когда в коридоре послышалось хриплое покашливание бабки Семеновны, женщины, ненавидимой мною всей душой за то, что она истязала своего сына, двенадцатилетнего Шурку. И сейчас даже, когда со времени этой ночи прошло шесть лет, я ненавижу ее по-прежнему.

Я откинул штору и увидел, что лампа больше не нужна, на дворе синело, на часах было семь с четвертью. Значит, я просидел за столом пять часов.

*

С этой ночи каждую ночь в час я садился к столу и писал часов до трех-четырёх. Дело шло легко ночью. Утром произошло объяснение с бабушкой Семеновной.

- Вы что же это. Опять у вас ночью светик горел?
- Так точно, горел.
- Знаете ли, электричество по ночам жечь не полагается.
- Именно для ночей оно и предназначено.
- Счетчик-то общий. Всем накладно.
- У меня темно от пяти до двенадцати вечера.
- Неизвестно тоже, чем это люди по ночам занимаются. Теперь не царский режим.
- Я печатаю червонцы.
- Как?
- Червонцы печатаю фальшивые.
- Вы не смейтесь, у нас домком есть для причесанных дворян. Их можно туда поселить, где интеллигенция, нам, рабочим, эти писания не надобны.

- Бабка, продающая тянучки на Смоленском, скорее частный торговец, чем рабочий.

- Вы не касайтесь тянучек, мы в особняках не жили. Надо будет на выселение вас подать.

- Кстати, о выселении. Если вы, Семеновна, еще раз начнете бить по голове Шурку и я услышу крик истязуемого ребенка, я подам на вас жалобу в народный суд, и вы будете сидеть месяца три, но мечта моя посадить вас на больший срок.

Для того, чтобы писать по ночам, нужно иметь возможность существовать днем. Как я существовал в течение времени с 1921 года по 1923, я вам писать не стану. Во-первых, вы не поверите, во-вторых, это к делу не относится.

Но к 1923 году я возможность жить уже добыл.

На одной из моих абсолютно уж фантастических должностей со мной подружился один симпатичный журналист по имени Абрам.

Абрам меня взял за рукав на улице и привел в редакцию одной большой газеты, в которой он работал. Я предложил по его наущению себя в качестве обработчика. Так назывались в этой редакции люди, которые малограмотный материал превращали в грамотный и годный к печатанию.

Мне дали какую-то корреспонденцию из провинции, я ее переработал, ее куда-то унесли, и вышел Абрам с печальными глазами и, не зная куда девать их, сообщил, что я найден негодным.

Из памяти у меня вывалилось совершенно, почему через несколько дней я подвергся вторичному испытанию. Хотя убейте, не помню. Но помню, что уже через неделю приблизительно я сидел за измызганным колченогим столом в редакции и писал, мысленно славословя Абрама.

Одно вам могу сказать, мой друг, более отвратительной работы я не делал во всю свою жизнь. Даже сейчас она мне снится. Это был поток безнадежной серой скуки, непрерывной и неумолимой. За окном шел дождь.

Опять-таки не припоминаю, почему мне было предложено писать фельетон. Обработки мои здесь не играли никакой роли. Напротив, каждую секунду я ждал, что меня вытурят, потому что, я вам только скажу по секрету, работник я был плохой, неряшливый, ленивый.. Возможно (и кажется, так), что сыграла здесь роль знаменитая, не-

подражаемая газета "Сочельник". Издавалась она в Берлине, и в ней я писал фельетоны...

В один прекрасный день ввалился наш знаменитый Июль, помощник редактора (его звали Юлий, а прозвали Июль), симпатичный человек, но фанатик, и заявил:

- Михаил, уж не ты ли пишешь фельетоны в "Сочельнике"?

Я побледнел, решил, что пришел мой конец. "Сочельник" пользовался единодушным повальным презрением у всех на свете. Но, оказывается, Июль хотел, чтобы я писал такие же хорошие фельетоны, как и в "Сочельнике".

И тут произошел договор. Меня переводили на жалованье повыше того, чем у обработчика, а я за это обязывался написать восемь небольших фельетонов в месяц. Так дело и пошло...

Открою здесь еще один секрет: сочинение фельетона строк в семьдесят пять - сто занимало у меня, включая сюда и курение и по-свистывание, от восемнадцати до двадцати двух минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой, - восемь минут. Словом, в полчаса все заканчивалось. Я подписывал фельетон или каким-нибудь глупым псевдонимом, или иногда зачем-то своей фамилией и нес его или к Июлю, или к другому помощнику редактора, который носил редко встречающуюся фамилию Навзикат.

Этот Навзикат был истинной чумой моей в течение лет трех. Выяснился Навзикат к концу третьих суток. Во-первых, он был неумен. Во-вторых, груб. В-третьих, заносчив. В газетном деле ничего не понимал. Так что почему его назначили на столь ответственный пост, недоумеваю.

Навзикат начинал вертеть фельетон в руках и прежде всего искал в нем какой-нибудь преступной мысли. Убедившись, что явного вреда нет, он начинал давать советы и исправлять фельетон.

В эти минуты я нервничал, курил, испытывал желание ударить его пепельницей по голове.

Испортив по возможности фельетон, Навзикат ставил на нем пометку: "В набор", и день для меня заканчивался. Далее весь свой мозг я направлял на одну идею, как сбежать. Дело в том, что Июль лелеял такую схему в голове: все сотрудники, в том числе и фельетонисты, приходят минута в минуту утром и сидят до самого конца в редакции, стараясь дать государству как можно более. При малей-

ших уклонениях от этого честный Июль начинал худеть и истощаться.

Я же лелеял одну мысль, как бы удрать из редакции домой, в комнату, которую я ненавидел всею душой, но где лежала груда листов. По сути дела, мне совершенно незачем было оставаться в редакции. И вот происходил убой времени. Я, зеленея от скуки, начинал таскаться из отдела в отдел, болтать с сотрудниками, выслушивать анекдоты, накуриваться до отупения.

Наконец, убив часа два, я исчезал.

Таким образом, мой друг, я зажил тройной жизнью. Одна в газете. День. Льет дождь. Скучно. Навзикат. Июль. Уходишь, в голове гудит и пусто.

Вторая жизнь. Днем после газеты я плелся в московское отделение редакции "Сочельника". Эта вторая жизнь мне нравилась больше первой.

Нужно вам сказать, что, живя второю жизнью, я сочинил нечто листа на четыре приблизительно печатных. Повесть? Да нет, это была не повесть, а так что-то такое вроде мемуаров.

Отрывок из этого произведения искусства мне удалось напечатать в литературном приложении к "Сочельнику". Второй отрывок мне весьма удачно пришлось продать одному владельцу частного гастрономического магазина. Он пылал страстью к литературе и для того, чтобы иметь возможность напечатать свою новеллу под названием "Злодей", выпустил целый альманах. Там была, стало быть, новелла лавочника, рассказ Джека Лондона, рассказы советских писателей и отрывок вашего слуги. Авторам он заплатил. Часть деньгами, часть шпротами. Дальше заело. Сколько ни бегал по Москве с целью продать кому-нибудь кусок из моего произведения, я ничего не достиг. Кусок не прельщал никого, равно как и произведение в целом...

Меж тем фельетончики в газете дали себя знать. К концу зимы все было ясно. Вкус мой резко упал. Все чаще стали проскакивать в писаниях моих шаблонные словечки, истертые сравнения. В каждом фельетоне нужно было насмешить, и это приводило к грубостям. Лишь только я пытался сделать работу потоньше, на лице у палача моего Навзиката появлялось недоумение. В конце концов я махнул на все рукой и старался писать так, чтобы было смешно Навзикату. Волосы дыбом, дружок, могут встать от тех фельетончиков, которые я там насочинил.

Когда наступал какой-нибудь революционный праздник, Навзикат говорил:

- Надеюсь, что к послезавтрашнему празднику вы разразитесь хорошим героическим рассказом.

Я бледнел и краснел и мялся.

У него, как я уже давно понял, был странный взгляд на журналистов и писателей. Он полагал, что журналист может написать все, что угодно, и что ему безразлично, что ни написать. Сами понимаете, что на эту тему я с Навзикатом не беседовал. Июль был тоньше и умней и без бесед сообразил, что с героическими рассказами у меня не склеится. Печаль заволокла совершенно его бритую голову. Кроме того, я, спасая себя, украл к концу третьего месяца один фельетон, а к концу четвертого парочку, дав семь и шесть.

- Михаил, - говорил потрясенный Июль, - а ведь у тебя только шесть фельетонов.

Июль со всеми, начиная с наиответственного редактора и кончая уборщицей, был на "ты". И все ему платили тем же.

- Неужели только шесть? - удивлялся я. - Верно, шесть. Ты знаешь, Июль, у меня в последнее время частые мигрени.

- От пива, - поспешно вставил Июль.

- Не от пива, а от этих самых фельетонов.

- Помилуй, Михаил. Ты тратишь два часа в неделю на фельетон!

- Голубчик, если бы ты знал, чего стоит этот час.

- Ну, не понимаю... В чем дело!..

Навзикат сделал попытку прийти на помощь Июлю. Идеи рождались в его голове, как пузыри.

- Надеюсь, что вы разразитесь фельетоном по поводу французского министра.

Я почувствовал головокружение.

Вам, друг, объясняю, и вы поймете: мыслимо ли написать хороший фельетон по поводу французского министра, если вам до этого министра нет никакого дела?.. Где министр, что министр?..

Словом, в конце концов отступились от меня.

На радостях, что я навеки избавился от французских министров и русских горняков, я украл в этом месяце три фельетона, дав пять фельетонов. Стыжусь признаться, что в следующем я представил четыре. Тут терпение Июля лопнуло, и он перевел меня на сдельную работу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Из сатирических фельетонов и рассказов

Неделя просвещения (стр. 23-27)

Первая публикация: в газете "Коммунист" (Владикавказ) 1.4.1921.

Перепечатка: в "Юности", 1974, № 7, стр.109-111.

Текст печатается по этому варианту.

Спиритический сеанс (стр. 28-34)

Первая публикация: в "Рупоре", 1922, № 4.

Беспокойная поездка (стр. 35-38)

Первая публикация: в "Гудке", 17.10.1923, стр.3.

Лестница в рай (стр. 39-40)

Первая публикация: в "Гудке", 12.12.1923, стр.5.

Спектакль в Петушках (стр. 41-42)

Первая публикация: в "Гудке", 12.1.1924, стр.3.

Геркулесовы подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова
(стр.43-44)

Первая публикация: в "Гудке", 19.2.1924, стр.3.

Перепечатка: в "Красной газете", 30.4.1925 (Вечерний выпуск),
стр.4 и 26.5.1925, стр.4.

Просвещение с кровопролитием (стр. 45-46)

Первая публикация: в "Гудке", 29.3.1924, стр.3.

Охотники за черепами (стр. 47-50)

Первая публикация: в "Гудке", 18.6.1924, стр.4.

Приключение покойника (стр. 51-54)

Первая публикация: в "Гудке", 27.6.1924, стр.3.

Глав-полит-богослужение (стр. 55-57)

Первая публикация: в "Гудке", 24.7.1924, стр.4.

Игра природы (стр. 58-61)

Первая публикация: в "Гудке", 13.9.1924, стр.4.

Перепечатка: в "Авроре", 1974, № 9, стр.77-78.

Стр.58, 25-26: в "Авроре": глянул в окно, с окна на Врангеля

Библифетчик (стр. 62-63)

Первая публикация: в "Гудке", 7.10.1924, стр.4.

Три вида свинства (стр. 64-66)

Первая публикация: в "Красном перце", 1924, № 21, стр.5.

Гениальная личность (стр. 67-69)

Первая публикация: в "Гудке", 15.1.1925, стр.5-7.

Они хотят свою образованность показать... (стр.70-72)

Первая публикация: в "Гудке", 15.2.1925, стр.3, 5-7.

Мадмазель Жанна (стр. 73-75)

Первая публикация: в "Гудке", 25.2.1925, стр.3.

Перепечатка: в "Литературной газете", 17.4.1974, стр.16.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 78-81.

Кондуктор и член императорской фамилии (стр. 76-78)

Первая публикация: в "Гудке", 27.2.1925, стр.3.

Перепечатка: в "Литературной газете", 7.11.1973, стр.16.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 82-85.

Стр.77, 22-26: в "Литературной газете" отсутствует текст от "А скажи" до "Государь император".

Стр.77, 35: в "Литературной газете" слов "за портрет" нет.

Неунывающие бодистки (стр. 79-80)

Первая публикация: в "Гудке", 6.3.1925, стр.4.

Банщица-Иван (стр. 81-83)

Первая публикация: в "Гудке", 9.4.1925, стр.4-7.

О пользе алкоголизма (стр. 84-86)

Первая публикация: в "Гудке", 15.4.1925, стр.4, 5-7.

Смычкой по черепу (стр. 87-89)

Первая публикация: в "Гудке", 27.5.1925, стр.5.

Двуликий Чемс (стр. 90-92)

Первая публикация: в "Гудке", 2.6.1925, стр.4.

Работа достигает 30 градусов (стр. 93-95)

Первая публикация: в "Гудке", 4.6.1925, стр.4.

Караул (стр. 96-97)

Первая публикация: в "Журналисте", 1925, № 6-7.

Перепечатка: в "Литературной газете", 4.9.1974, стр.16.

Текст печатается по перепечатке.

Человек с градусником (стр. 98-100)

Первая публикация: в "Гудке", 16.7.1925, стр.5-7.

Немецкий перевод: в журнале: "Eulenspiegel" 22 (1977) S. 7.
(Übers.: Th. Reschke).

По поводу битья жен (стр. 101-102)

Первая публикация: в "Гудке", 18.7.1925, стр.4.

Когда мертвые встают из гробов (стр. 103-105)

Первая публикация: в "Гудке", 8.8.1925, стр.5-7.

Пожар (стр. 106-107)

Первая публикация: в "Гудке", 19.8.1925, стр.3.

Летучий голландец (стр. 108-109)

Первая публикация: в "Гудке", 2.9.1925, стр.3.

Перепечатки: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр.30-33; в "Русской мысли", 9.8.1973, стр.7; в "Литературной газете", 14.7.1976, стр.16.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 109-111.

Стр.108, 25-27: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете".
Стр.109, 11: в "Литературной газете" слов "славное море" нет.

Страдалец-папаша (стр. 110-111)

Первая публикация: в "Гудке", 22.9.1925, стр.3.

Горемыка-Всеволод (стр. 112-114)

Первая публикация: в "Гудке", 1.10.1925, стр.3.

Ликующий вокзал (стр. 115-116)

Первая публикация: в "Гудке", 14.10.1925, стр.3-4.

Паршивый тип (стр. 117-120)

Первая публикация: в "Гудке", 19.12.1925.

Перепечатки: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека "Смехач". Ленинград 1926, стр.34-40 и в "Литературной газете", 16.4.1969, стр.16.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 112-116.

Стр.117, 3: слова "слесарь" в "Литературной газете" нет.

Стр.117, 15: Слово "слесарь" в "Литературной газете" заменен словом "он"

Стр.118, 4-9: текст от "при таком" до "Пузырев" отсутствует в "Литературной газете".

Стр.118, 16: в "Литературной газете" слов "на умирающего слесаря" нет.

Стр.120, 12-13: слова "слесарь" в "Литературной газете" нет.

Стр.120, 20-21: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете".

Тайна несгораемого шкафа (стр. 121-125)

Первая публикация: в "Гудке", 18.4.1926.

Перепечатка: в "Комсомольской правде", 16.2.1969, стр.4.

Музыкально-вокальная катастрофа (стр. 126-129)

Первая публикация: в "Гудке", 29.5.1926.

Бубновая история (стр. 130-135)

Первая публикация: в "Гудке", 7.6.1926

Перепечатка: в "Литературной газете", 19.8.1970, стр.16.

Стр.130, 23-28: текст от "фамилия" до "хи-хи" отсутствует в "Литературной газете".

Стр.131, 33-34: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете".

Стр.132, 9: в "Литературной газете" текста от "только" до "перенденуть" нет.

Стр.132, 10-15: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете".

Стр.133, 19-21: их нет в "Литературной газете".

Стр.134, 3-5: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете".

Стр.134, 20-25: их нет в "Литературной газете".

Стр.134, 27: текст от "он" до "дыру" отсутствует в "Литературной газете".

Стр.135, 4-7: их нет в "Литературной газете".

Развратник (стр. 136-138)

Первая публикация: в "Гудке", 14.6.1926.

Перепечатка: в "Литературной газете", 10.7.1974, стр.16.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 86-89.

Стр.136, 19 и 25: в "Литературной газете" "докладываю".

Стр.138, 13-14: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете"

Колесо судьбы (стр. 139-142)

Первая публикация: в "Гудке", 3.8.1926, стр.3.

Воспаление мозгов (стр. 143-148)

Первая публикация: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека "Смехач". Ленинград 1926, стр.5-14.

Перепечатки: в "Литературной газете", 14.8.1968. стр.16 и в "Русской мысли", 2.8.1973, стр.8.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 53-60.

Стр.143, 4-8: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете".

Стр.144, 25 - 143, 2: текста от "Передо мною" до "следует" в "Литературной газете" нет.

Стр.145, 11-12: текст от "потому что" до "идеологии" отсутствует в "Литературной газете"

Стр.145, 14: фамилии "Бенвенуто Челлини" в "Литературной газете" нет.

Стр.145, 15-29: эти строчки отсутствуют в "Литературной газете"

Стр.146, 30: имени "Бенвенуто" в "Литературной газете" нет.

Стр.146, 37: слов "вашему Чинизелли" в "Литературной газете" нет

Стр.147, 18-28: текст отсутствует в "Литературной газете".

Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева
(стр. 149-155)

Рассказы печатаются без четвертой корреспонденции "Брандмейстер Пожаров", которая была перепечатана уже в кн.: М.Булгаков, Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф.Левина. München 1976, стр.155-156. (Arbeiten und Texte zur Slavistik.12.)

Первая публикация третьей корреспонденции "Ванькин дурак": в: "Бузотере", 1925. № 19, стр.2. (под псевдонимом "Ф.Скитайкин")

Первая публикация всех четырех корреспонденций: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр.15-29.

Перепечатка: в "Русской мысли", 26.7.1973, стр.8 (без четвертой корреспонденции "Брандмейстер Пожаров")

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 94-103.

Вода жизни (стр. 156-158)

Первая публикация: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр. 41-46.

Перепечатка: в "Русской мысли", 16.8.1973, стр.9.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 104-108.

Площадь на колесах (стр. 159-161)

Первая публикация: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр. 51-54.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 90-93.

Египетская мумия (стр. 162-164)

Первая публикация: в кн.: М.Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр.55-59.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 74-77.

Типаж (стр. 165-168)

Первая публикация: в "Литературной газете", 21.2.1973, стр.16.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakow, Wohnraum auf Rädern. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 65-69.

Из несатирических и автобиографических рассказов

Необыкновенные приключения доктора (стр. 171-181)

Первая публикация: в "Рупоре", 1922, № 2.

Перепечатка: в "Литературной Грузии", 1975, № 2, стр.39-45.

Налет (стр. 182-188)

Первая публикация: в "Гудке", 25.12.1923.

Английский перевод: в кн.: М. Bulgakov, Diaboliad and Other Stories. Ed. Ellendea and Carl Proffer. Transl. Carl Proffer. Bloomington: Indiana University Press. 1972.

Ханский огонь (стр. 189-204)

Первая публикация: в "Красном журнале для всех", 1924, № 2, стр. 101-111.

Перепечатка: в "Нашем современнике", 1974, № 2, стр. 114-126.

Немецкие переводы: в журнале: Sowjetliteratur 11 (1974) S. 91 - 106. (Übers.: Th. Reschke).

Богема (стр. 205-211)

Первая публикация: в "Красной ниве", 1925, № 1.

Звездная сыпь (стр. 212-225)

Первая публикация: в "Медицинском работнике", 12.8.1926, стр.12 - 14 и 19.8.1926, стр.12-15.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakov, Morphium. Erzählungen. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 28-60.

Английский перевод: в кн.: М. Bulgakov, A Country Doctor's Notebook. Transl. M. Glenny. New York: Bantam 1975.

Я убил (стр. 226-236)

Первая публикация: в "Медицинском работнике", 18.11.1926. стр.13-15 и 12.12.1926 стр.14-16.

Перепечатка: в "Неделе", 1972, № 14, стр.6-7.

Немецкий перевод: в кн.: М. Bulgakov, Morphium. Erzählungen. Hrsg. v. F.P.Ingold. Zürich 1975. S. 123-148.

Английский перевод: в кн.: М. Bulgakov, A Country Doctor's Notebook. Transl. M. Glenny. New York: Bantam 1975.

Мне приснился сон (стр. 237-244)

Первая публикация: в "Неделе", 1974, № 43, стр.10-11.

Немецкий перевод: в журнале: Sowjetliteratur 12 (1975). S. 103-111. (Übers.: Th. Reschke).

Английский перевод: в журнале: Soviet Literature 2 (1975). S. 137-145. (Transl.: M. Wettlin).

ARBFITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 1 Sabine Appel: Jurij Oleša. "Zavist'" und "Zagovor čuvstv". Ein Vergleich des Romans mit seiner dramatisierten Fassung. 1973. 234 S. DM 24.-
- 2 Renate Menge-Verbeeck: Nullsuffix und Nullsuffizierung im Russischen. Zur Theorie der Wortbildung. 1973. IV, 178 S. DM 18.-
- 3 Jozef Mistrík: Exakte Typologie von Texten. 1973. 157 S. DM 18.-
- 4 Andrea Hermann: Zum Deutschlandbild der nichtmarxistischen Sozialisten. Analyse der Zeitschrift "Russkoe Bogatstvo" von 1880 bis 1904. 1974. IV, 198 S. DM 20.-
- 5 Aleksandr Vvedenskij: Izbrannoe. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack. 1974. 116 S. DM 15.-
- 6 Volker Levin: Das Grotleske in Michail Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. 1975. 158 S. DM 18.-
- 7 Геннадий Айги: Стихи 1954 - 1971. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1975. 214 S. DM 20.-
- 8 Владимир Казаков: Ошибка живых. Роман. 1976. 201 S. DM 20.-
- 9 Hans-Joachim Dreyer: Petr Veršigora. "Ljudi s čistoju sovest'ju". Veränderungen eines Partisanenromans unter dem Einfluß der Politik. 1976. 101 S. DM 15.-
- 10 Николай Эрцман: Мандат. Пьеса в трех действиях. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1976. 109 S. DM 15.-
- 11 Karl-Dieter van Ackern: Bulat Okudžava und die kritische Literatur über den Krieg. 1976. 196 S. DM 20.-
- 12 Михаил Булгаков: Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф. Левина. 1976. 215 S. DM 24.-
- 13 Eva-Marie Fiedler-Stolz: Ol'ga Berggol'c. Aspekte ihres lyrischen Werkes. 1977. 207 S. DM 20.-
- 14 Christine Scholle: Das Duell in der russischen Literatur. Wandlungen und Verfall eines Ritus. 1977. 194 S. DM 20.-

M ü n c h e n . Verlag O t t o S a g n e r in Kommission

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 15 Aleksandr Vvedenskij: Minin i Požarskij. Herausgegeben von Felix Philipp Ingold. Vorwort von Bertram Müller. 1978. 49 S. DM 8.-
- 16 Irmgard Lorenz: Russische Jagdterminologie. Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. 1978. 558 S. DM 60.-
- 17 Владимир Казаков: Случайный воин. Стихотворения 1961 - 1976. Поэмы. Драммы. Очерк >Зудесник<. 1978. 214 S. DM 24.-
- 18 Angela Martini: Erzähltechniken Leonid Nikolaevič Andreews. 1978. 322 S. DM 30.-
- 19 Bertram Müller: Absurde Literatur in Rußland. Entstehung und Entwicklung. 1978. 210 S. DM 24.-
- 20 Михаил Булгаков: Ранняя несобранная проза. Составление Ф. Левина и Л.В. Светина. Предисловие Ф. Левина. 1978. 250 S. DM 30.-

Bayernische
Staatsbibliothek
München

M ü n c h e n • Verlag Otto Sagner in Kommissio